

к 1473134

Анатолий Ехалов



ВЕЛИКОЕ СЕЛО

Повести, рассказы, публицистика

18 +

Анатолий Ехалов

Великое село

Повести, рассказы, публицистика



Издательские решения
По лицензии Ridero
2015

УДК 82-3
ББК 84 4
Е93

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ехалов Анатолий

Е93

Великое село : Повести, рассказы, публицистика. – [б. м.] :
Издательские решения, 2015. – 518 с. – ISBN 978-5-4474-2080-2

Героями этой книги, полной удивительных приключений, стали крестьянские дети, геолог Северьянов, бабка Горошина, дед Гарапон, пастух Велесов, колхозники, нефтяники, секретари обкомов, знаменитые писатели и режиссеры... В ней размышления о великой крестьянской цивилизации, еще не оцененной и не понятой нами... Выражаю признательность Леониду Николаевичу Вологдину, Сергею Борисовичу Бунееву, моим друзьям за поддержку в издании этой книги. На обложке фотография автора.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4474-2080-2

© Анатолий Ехалов, 2015

Страна живого огня

УРАЛОВЫ

Васька лежал на траве, смотрел на высоко плывущие облака и размышлял. О многом думалось ему. Вот, например, смог ли бы он выжить на природе. Один. Без помощи взрослых.

Мама часто рассказывала про Васькиного деда, Ивана Никитовича Уралова. Она говорила так: «Выкинь его на голые камни, а часа через два поверни, так он с той стороны уже мхом обрастет... Иван Никитич не мог жить плохо, где бы он не оказывался!»

Жаль Васька не застал деда.

У деда на берегу реки Сухоны на Вологодчине стоял дом в два этажа, крытый железом, над крышей была башенка, в которой были установлены большие часы с боем. Всей деревне Ураловские часы задавали время.

Васькин дед был человеком предприимчивым. В Петербурге держал два трактора. Один трактор был лично его, а второй он отдавал внаем землякам.

Но Иван Никитович жил не для того, чтобы иметь много денег. Ему нравилось, когда вокруг его все кипело и бурлило.

Когда он собрался жениться, невеста, будущая Васькина бабушка, Мария Дмитриевна, поставила условие: «Купи земли десятин сто пятьдесят, сто десятин лесу да поставь дом, тогда и приезжай свататься. А в твои тракторы я не верю.» К тому же Иван Никитович любил кампанию да и выпить был не дурак.

Но условия, поставленные невестой, выполнил. Бабушка в деревне осталась на хозяйстве, а он в городе заправлял тракторами, приезжая время от времени к семье, которая едва ли не с каждым его приездом прирастала.

Все ему удавалось легко. В деревне построил маслозавод, да не простой, а который масло делал «парижское», только для заграницы. С крестьянами заключил договор, чтобы своих коров они кормили сеном только с заливных лугов, где богатое разно-

травье.

А что бы заинтересовать крестьян, за такое молоко он платил в полтора раза больше.

К крестьянам дед благоволил, ссужая деньгами без всяких процентов. А вот дворянское сословие не любил, считая его самым бесполезным в обществе.

Недалеко от их деревни было имение графа Геленшмидта. Так вот этот граф с его непутевым сыном, бывало проиграются, пропьются в Питере, приедут в имение и посылают управляющего к Уралову денег в долг просить.

— А чего это граф сам не приедет ко мне? — Обижается Уралов. — Почему тебя посылает?

— Да разве может он к тебе, мужику, обращаться с просьбами. Он же граф!

— Да у меня вот в этом кармане граф сидит, а в этом — другой. — Вот пусть приедет, да поклонится, тогда я ему, может быть и ссужу.

Делать нечего. Старый граф к Уралову едет с поклоном. А тот такой процент завернет, что граф взмолился:

— Да это же чистой воды грабеж!

— Да на что вам деньги? Все — равно прогуляете их да проиграете. А я хоть крестьянам эти деньги раздам, они их в дело пустят.

Перед революцией закрыл Иван Никитович трактиры в городе, уложил посуду в сундуки и уехал в деревню, что бы целиком заниматься сельским хозяйством. Было тогда у деда к тому времени одиннадцать дочерей и два сына.

В 1927 году стали поговаривать, что богатых скоро начнут прижимать. И вот как-то ночью Ураловская маслобойка вспыхнула и сгорела до тла... Потом отобрали лес...

В тридцатом деда хотели раскулачить, но буквально вся округа встала за него. Мужики помнили добро. И Уралова раскулачивание не тронуло.

Правда, дом со светелкой и часами мог подвести. Уралов железо с крыши снял, часы, посуду, все, что было ценного, поти-

хонечку распродал и к 30-му году дом уже был дранкой покрыт, и светелки не было.

Впрочем, Иван Никитович не сильно горевал о пропавшем богатстве. Он считал, что более-менее легко нажил имущество. Когда стал помирать, перед смертью сказал жене:

– Не грехи, мать, на людей. Маслобойку-то я сам сжег, чтобы семью не тронули.

А помер Иван Никитович от огорчения. В хозяйстве у него было две лошади. Одна – рабочая, а вторая – выездная – Воронуха. Эту лошадь Илья, сын младший, привел с гражданской войны.

Илья Иванович воевал в коннице Буденного аж до 26-го года. Последний поход первой конной армии был в Среднюю Азию, и когда басмачи там были разбиты, Буденный сказал, что все кавалеристы уедут домой на своих конях.

Илья Уралов отчаянный был рубака, семнадцати лет попал на империалистическую войну, его ранили в плечо, привезли домой. Сосед, Ваня Пиков, дураковатый такой малый, спрашивает:

Расскажи, Илюшка, как там на фронте –то?

– Ну, Ваня, лучше и не спрашивай. Вот сидим мы в окопах, вдруг как закричат командиры-то: « Вперед, в атаку!»

Мы винтовки на перевес, вскакиваем и бежим: «Ура!»

А немец по нам из пулеметов, из пушек так и бьет, так и жарит! Кому ногу уже оторвало, кому руку, кому голову. А мы на это внимания не обращаем, бежим и кричим «ура».

А как же без головы-то?

– А тряпицу какую-нибудь навьем, голову подмышку, дальше бежим в атаку! Потом в лазарете голову-то и приставят, нитками суровыми пришьют до следующего боя.

Илья Уралов в армии Буденного прошел всю гражданскую, вернулся домой на Воронухе в полной кавалеристской форме, с карабином, шашкой и наганом.

Сдал он в военкомат только один карабин, седло и лошадь оставил, наган спрятал, а саблю на стену повесил. Бывало, как

выпьет на празднике, хватается за саблю и побежал по деревне: «Изрублю в капусту!»

Марья Дмитриевна, боясь, чтобы спяну сын не натворил беды, призвала кузнеца и попросила перерубить шашку пополам. Тот сделал из нее два великолепных косаря лучину щепать. Наган она спрятала под крыльцо, и остался Илья Иванович без оружия...

Зато Воронуха на загляденье была кобылица. Старший Уралов полюбил эту лошадь всем сердцем. Без куска сахара в стойло не входил.

Бывало на праздник запряжет ее в легкий возок, украсит гриву яркими лентами, колокольчиков под дугу навесит, понесется по улице, только снежная пыль клубится – глаз не отымешь!

Когда колхозы начались, лошадой у них отобрали. Месяца три-четыре прошло, наверное, пришел Уралов на конский двор, а Воронуха-то и голову повесила. Иван Никитович с расстройства заболел да и умер. А вслед за ним убралась и Мария Дмитриевна.

...В то время Васькин отец Василий Иванович уже заканчивал техникум механизации сельского хозяйства. И быть бы ему одним из первых председателей колхозов, но судьба повернула на другую дорогу.

Тогда прозвучал призыв партии и правительства: «Стране нужно 150 тысяч летчиков!» И молодежь откликнулась на него всем сердцем. В авиационные училища буквально хлынул поток молодого народа. Приемные комиссии уже не выдерживали этого напора, и тогда комиссии стали выезжать на места и отбирать кандидатов на поступление.

Приехала комиссия и в техникум, где учился Васькин отец. Уралов ради интереса пошел взглянуть на будущих летчиков. А там нужно было пройти врачей. По здоровью прежде всего отбирали. А у Уралова здоровье было хоть куда. Занимался на турнике, на брусьях, двухпудовую гирию выкидывал столько, что надоедало считать. Вот и решил: «А чем черт не шутит: пройду=ка и я этих врачей»

Комиссия прошла, председатель комиссии, комиссар – две

шпалы в петлицах, — и говорит:

— Вашему техникуму повезло больше всех. С вашего заповедения четверо юношей имеют право по состоянию здоровья поступать в авиационное училище.

Ну, и зачитывает фамилии в том числе и Уралова.

У друга Василия, Гриши Сухарева давно была мечта стать летчиком во что бы то ни стало. Но его фамилии в списках не оказалась.

— А Сухарев? — спрашивает он комиссара.

— А Сухарева нет.

— Посмотрите еще раз!

— А, вот товарищ Сухарев, нашел Вашу карточку. Вы не прошли, по здоровью. У вас три минуса. Не годен.

— Как так? Вот, Уралов десять километров на лыжах идет 49 минут, а я — 42 минуты. Уралов попадает, годен, а я не годен? Где же тут логика, где же справедливость?

Комиссар усмехнулся и говорит:

— Все верно, товарищ, Сухарев. У вас 42 минуты, но нам нужны не лыжники, а летчики.

...В 38-м Уралов закончил летное училище. Впереди открывались необозримые горизонты. Еще в училище Уралов стал заниматься изобретательством, пытался сконструировать автоматический компрессор к самолетным двигателям. Конструкция получилась удачная.

Молодого курсанта направили с чертежами на слет изобретателей и рационализаторов в округ, где он повстречался с легендарным конструктором авиационной техники Ильюшиным.

Когда Уралов развесил чертежи и коротко изложил суть своей конструкции, к нему подошел один большой инженер с двумя ромбами в петлицах и ласково потрепал по плечу

— У этого младшего лейтенанта котелок варит. Вы его направьте в авиатехническую академию. Ему не летать надо, а изобретать. У него цепкий ум. Смотрите, как он просто решил этот вопрос автоматики.

Это был Ильюшин.

— Смелее парень, — сказал он Василию. — Все у тебя будет хорошо.

Уралов знал, что Ильюшин незадолго до начала первой мировой ушел из глухой вологодской деревни, имея два класса церковно-приходской школы, копать канавы под строительство аэродрома в Питере...

Спустя пятнадцать лет он был уже ведущим авиаконструктором страны. А сколько их тогда, в буквальном смысле от сохи, пришло в промышленность, науку, сумев в кратчайшие сроки освоить весь предшествующий опыт цивилизации и вывести страну в мировые лидеры, создав новые технологии, сконструировав и выковав оружие победы, поднявшись до вершин космоса... Этот феномен русского крестьянства поверг в изумление мир.

Уралову придется воевать на самолетах Ильюшина, признанных потом лучшими штурмовиками второй мировой.

...Летом тридцать восьмого приехал Василий отдыхать в лагерь для активистов молодежного движения и познакомился там со своей будущей женой, энергичной и веселой красавицей Надюшей, которая заведовала в райкоме отделом пионеров и школьников. Через год у них родился сын Васька. Молодые жили в маленькой комнатухе, выделенной им при войсковой части. Ваське было всего два года, когда грянула война.

В первый день войны аэродром разбомбили, отлаженная немецкая военная машина железной поступью шла по советской стране, уничтожая все на своем пути.

Немцы были совсем рядом, и отец отправил Надежду с маленьким Васькой в срочном порядке на родину. К дяде Илье.

Но и дядя Илья скоро ушел на фронт и пропал где-то там далеко в гибельной пучине войны. Больше никого из близких не было рядом с ними. И они стали жить одни, из всех сил борясь с морозами и голодом.

А на фронте бился с врагами отец. Были в советском командовании светлые головы. Из полу разбитых летных частей собирали мощный воздушный кулак. Уралова посадили на штурмо-

вик, и он оказался в числе тех, кто должен был нанести Германии непоправимый урон.

В самом начале войны Геббельс заявил, что ни один вражеский самолет не проникнет на территорию Германии и ни одна бомба не упадет на ее города и города союзников. Авиации противника больше не существует.

Советские самолеты летели черной тучей. Нефтеперегонные заводы Плоешти в Венгрии были залиты электрическим огнем. В городах не было никакой светомаскировки, противоздушная оборона ни чем себя не проявляла.

Уже через несколько минут гигантское пространство бушевало морем огня. Нефтеперегонные заводы были уничтожены полностью. Последствия этой бомбардировки были для Гитлера катастрофическими. С этого времени Германия постоянно испытывала нефтяной голод...

Потому то они так рвались к Бакинской нефти...

Уралов был в полку штурмовиков любимцем. В штурмовой авиации требуется сохранять особую выдержку, идти под обстрелом, как бы не замечая зенитного огня, а потом, выбрав цель, нужно круто сваливаться в пике...

У Уралова это получалось хорошо. Можно сказать лучше всех.

Судьба его берегла. Но однажды противник все же достал его самолет. Снаряд попал в двигатель, выбросило масло, залило стекло, приборную доску. Уралов все же дотянул до своих, самолет сажал на брюхо, имея лишь боковой обзор. При ударе лопнули позвонки и тазовые кости.

Два месяца лежал на полном скелетном вытяжении. Товарищи по госпиталю уже радовались за него. Вот поправишься, говорили, на фронт тебя не пустят, поедешь домой, станешь хозяйствовать на земле, к мирной жизни приставать...

А когда Уралов бросил костыли и уже ходил с палочкой, приехал из части его друг Петр Кузнецов, ведомый Уралова, со слезами на глазах стал рассказывать, что прибыли в часть «грачи», не обученные молодые летчики и что Петру придется

теперь летать с ними. А это верная гибель.

И Василий решил бежать на фронт в свою часть. Петр достал одежду, а Василий спустился ночью по простыням со второго этажа, и они нарезали в свою часть.

...Немного погодя к летчикам прибыл тыловой генерал с проверкой. Летчики выстроились на летном поле, а генерал стал обходить строй. Заметил Уралова с палкой, поднял скандал.

Командир полка вступился за Уралова:

— Товарищ, генерал! Вы на это не обращайте внимания, он немного не долечился, но он скоро бросит палку. Бросит. За то он летает хорошо. Хотите взглянуть?

И Уралов устроил показательное выступление. Самолет резко вырулил на взлетную посадку, стремительно оторвался от земли и пошел закладывать фигуры высшего пилотажа так, что у начальства быстро закружились головы.

Уралову приказали вернуться на аэродром.

— Вот, грачи, — восхищенно сказал генерал, — учитесь летать так, как летает Василий Уралов!

...Война катилась на Запад. Уже давно в воздухе было превосходство Советской Армии, но каждый день война забирала все новые жертвы и среди летчиков.

А летали каждый день. И каждый раз перед вылетом комиссар эскадрильи зачитывал перед летчиками приказ Главкомандующего за номером 227. Знаменитый приказ Сталина «Ни шагу назад!»

И вот однажды Уралова словно бес подтолкнул в ребро. Когда комиссар в очередной раз стал зачитывать приказ, он не выходя из строя с усмешкой сказал: «Приказы читать — не приказы выполнять!» Эта бравада стоила ему дорого.

К вечеру он был уже в особом отделе, из лап которого выволить человека было практически не возможно.

Но все же Уралов был любимцем. Ему благоволили и командир, и начальник штаба полка. Чтобы их любимца не расстреляли, они разжаловали его из капитанов до сержанта задним числом и передали в запасной полк.

Допросы шли день и ночь. Уралова пытались обвинить в пособничестве врагу. Сменилось четыре следователя, а четвертый доверительно уговаривал:

— Вот что парень, у тебе все равно выхода нет, давай подписывай, иначе тебя здесь заморят и забьют, а после, война уж к концу идет, разберутся, а сейчас некогда.

Но Уралов не дрогнул и вины своей не признал. А вскоре его освободили и все обвинения с него сняли.

...Похоронка на Уралова Василия Ивановича пришла уже после окончания войны. Васькин отец погиб смертью храбрых, штурмуя последнюю цитадель фашизма — Берлин. Ваське было в ту пору шесть лет.

ЛАРИСА

Васька представил себя таким же сильным и взрослым, представил как он воюет на фронте вместе с отцом, как они вместе идут в бой, как самолет отца прошивает вражеский снаряд, и как Васька спасает его, вытаскивая с немецкой стороны через линию фронта...

Потом вместе с отцом возвращаются они в родной дом на берегу полноводной реки, умываются вместе, фыркая под умывальником, и как мама подает им большое махровое полотенце. А рядом с мамой...

В этом месте сердце Васькино наполнилось щемящей радостью... Рядом с мамой была она — Васькина невысказанная любовь — девочка Лариса с распахнутыми небесной голубизны глазами, тяжелой русой косой до пояса и ласковым мягким голосом... Она жила с Васькой в этом детдоме, они вместе ходили в школу, вместе сидели за обеденным столом, вместе работали на огороде... Когда она проходила мимо, Васькино сердечко замирало в сладостной истоме, и казалось Ваське, что ради ее, ради этой воздушной, неземной девочки, он готов совершить самый отчаянный, самый безрассудный поступок вплоть до самопожертвования. Но об этом не знал никто, тем более сама девочка Лариса. Признаться в любви было выше Васькиных сил.

Но однажды стояли они рядом на школьной линейке, и нечаянно руки их коснулись. Ваську словно пронзило всего электрическим током. Но он не убрал руку. Не убрала и Лариса. Больше того, пальцы их сплелись и согрелись общим теплом.

Все линейку простояли они рука в руку, словно бы слившись воедино. Васька был на седьмом небе от счастья. Но вот слова у Васьки застревают в горле, когда он пытался поговорить с Ларисой.

Так и жил он в своих сладостных мучениях невысказанных

чувств. И лишь один человек знал о Васькиных страданиях, и этого человека Васька ждал сегодня у своего костра.

...На угоре в детском доме началось движение, зазвенели голоса и утренний прохладный воздух наполнился энергичными чудными звуками трофейного немецкого аккордеона.

Это играл Виктор Акимович и, вторя голосу аккордеона, пел весь их детдом:

«Ну-ка солнце ярче брызни,
Золотыми лучами обжигай!
Эй, товарищ, больше жизни!
Поспевай, не задерживай, шагай!»

Песня звучала согласно и дружно. Васька тоже не удержался, вскочил и принялся маршировать, подхватив песню, которую пели его друзья:

«Что бы тело и душа,
Были молоды, были молоды!
Ты не бойся ни жары и ни холода!
Закаляйся, как сталь!»

Козы, овцы, телята и коровы бросили есть траву и недоуменно уставились на своего командира, весело марширующего на лугу и поющего задорную песню. Они тоже, может быть, подхватили бы ее, если бы умели говорить и петь.

А с угора катилось дружно:

«Физкультура ура и будь здоров!
Когда настанет час бить врагов,
Со всех сторон ты их отбивай!
Левый край, правый край!
Не зевай!»

Скоро зарядка кончилась, дети ушли с улицы, а Васька приложив козырьком руку ко лбу стал выглядывать: не бежит ли кто в его сторону от детского дома. И верно, с угора к реке впри-

прыжку бежал мальчишка, направляясь в их сторону.

– Колька! Покачев! Я тут! Беги сюда скорее! – Васька радостно запрыгал и замахал призывно руками.

Колька Покачев – ровесник Васькин. Только росточком поменьше, волосы потемнее, глаза с прищуром...

Мальчишки подхватив Васькину котомку, припустили бегом, только засверкали пятки, туда, где к высокому берегу реки подступали густые заросли ивняка. Васька первым скатился по откосу к реке. Прямо над ним темнел в песчаном берегу вход в землянку, прикрытый спускающимися ветками ивняка, так, что постороннему вряд ли можно было отыскать эту ребячью ухоронку.

Отодвинув ветки, ребята проникли внутрь просторной землянки. Если стоять в ней надо было согнувшись, то сидеть и лежать было хорошо и свободно. Стены и потолок были зашиты разнокалиберными досками. По бокам землянки были сделаны лавки и стол, у входа стояла прогоревшая в нескольких местах, но все еще пригодная к делу железная печь буржуйка, должно быть выброшенная рыбаками с катера.

Ребята зажгли лучину и уселись на лавки.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Дел в мальчишеском хозяйстве не переделать. Коля извлек из-под лавки вышитый зеленой каймой кожаный мешок, перетянутый сыромятной кожей, развязал его. Родовой бубен был в его мешке сверху. Коля поднял его над головой, ударил в тугую кожу рукой. Бубен отозвался, но голос его был глухим и неясным.

— Однако отсырел! Вот когда этот бубен согреет женщина в красном халате, тогда он заговорит. Шаман с бубном любую хворь из человека выгонит. Я сам видел.

— Женщина? В красном халате? — Удивился Васька, произвольно оглядываясь.

— Так у нас огонь называется. Он живой. К нему надо бережно, уважительно относиться, иначе может беда случиться. — Ответил Покачев.

Бубен лег на стол. Вслед за ним из мешка появился на свет охотничий вогульский нож в кожаных ножнах.

Коля вытащил сверкнувшую в неверном свете лучины сталь и вздохнул глубоко.

— Этот нож из поколения в поколение передается. Теперь он мой, а я его своему сыну должен передать. Этот нож во всем помощник. И на охоте, и на рыбалке, и в хозяйстве. Но им нельзя пролить кровь другого человека.

— Даже если другой человек хочет тебя убить? — Васька был поражен. — Даже если это Гитлер?

Покачев задумался.

— У нас нет между людьми вражды. У нас всего всем хватает: и земли, и тайги, и оленей. И рыбы в озерах, и муксуна в реках... Надо помогать друг другу, зачем убивать? Так всегда в нашем роду Шуки делалось.

Теперь Васька был озадачен словами друга. Если бы все любили друг друга, помогали, друг другу, то откуда же тогда взя-

лась бы смертельная вражда? Тогда бы не было ни Гитлера, ни Муссолини, тогда бы отцу Васькиному в страшном бою не пришлось бы сложить голову за Родину, за Ваську и маму его, за миллионы таких вот детей, которые сами не в силах себя защитить... Может быть, вогулы какой-то совершенно другой народ. Не такой, как все?

— Так что же, получается, если ваш род произошел от Щуки, так ваши предки из озера что ли вышли? — Спросил обескураженный Васька. — Мы же проходили в школе, что все люди от обезьян произошли.

— Так мне дедушкам говорил. Мы много, много лет, этого уже никто и не помнит, живем, на берегу своего родового озера. Он говорил, что щука нашему роду жизнь дает.

— А разве не олень? — Удивился Васька. — Вогулов всегда с оленями изображают. Да еще с собаками.

— Одни рода от горностая произошли, другие от оленя, третьи от куропатки. Наш — от щуки. А вот ты когда-нибудь наш хлеб пробовал?

— Эка невидаль, хлеб, он хлеб и есть.

— Не, Васька, Наш хлеб особенный. Он из щучьей икры делается. Я тебя как-нибудь по весне таким хлебом угощу. И щукой нашего приготовления. У нас ведь все без соли готовится.

— Без соли? Без соли невкусно. Усомнился Васька.

— А вот увидишь! — Возразил горячо Колька. — Пальчики оближешь!

Он вытряхнул содержимое мешка на стол. Тут были в основном рыбацкие снасти: лески, крючки, поплавки, поводки.

— Ты меня ухой угостил, я тебя угощу щукой. Я видел, здесь в устье ручья щука мелочь гоняет. Сейчас только снасть сделаю.

Коля принялся терпеливо привязывать к лесам поводки и крючки.

— Я Васька все равно вернусь к себе на озеро. Мне сон был, что надо на озеро возвращаться. Родственники ждут. Они пришли на озеро, а там никого. Говорят, ты Николай, главный теперь в роде Щуки, тебе за озеро ответ держать. Вот только припасы

сделаю и уйду.

Сначала на лодке поплыву, потом тайгой пойду. Нельзя, чтобы наше озеро осталось без хозяина. Я чум поставлю, олешек заведу, собак. Потом женюсь, детей стану растить... Хочешь пойдешь со мной! Два чума рядом будет. Вместе станем рыбу ловить, куницу добывать, соболя... Тебе жену высватаем, — совсем, как взрослый заговорил маленький Покачев.

— Мне, Коля, навсегда нельзя. Я маму жду. — Удрученно отвечал Васька, опустив русую головушку. — И еще почему, ты знаешь!

— Я тебя понимаю, тебе насовсем нельзя. Но ты ко мне будешь приезжать в гости!

— На оленях, — оживился Васька. — Или на собаках.

— Я тебя на собачьей упряжке приеду встречать.

— А как ты узнаешь, что я еду? Ведь в стойбище почты нет, Кто телеграмму доставит?

— К тому времени у нас будут рации. Я видел у геологов. В такую черную трубочку говоришь, а слышно за сто километров...

Теперь Васька вытащил из-под своей лавки деревянную шкатулку. Здесь хранилось самое сокровенное его достояние. Фотокарточка отца с фронта. Васькин отец. Высокий, плечистый в кожаной летной куртке, кожаном шлеме с летными очками и планшетом в руках. Глаза с веселым прищуром. Знакомые ямочки на щеках. На обратной стороне надпись: «Моим дорогим и любимым: сыну Ваське и жене Надюше. Вернусь с Победой!»

На другой фотокарточке они были сняты все вместе: Васька в валенках с блестящими калошами, матросском костюмчике сидел на руках у отца и рядом мама — коса короной, глаза лучатся счастьем и теплом.

Здесь было несколько писем отца с фронта и письмо мамы с казенным фиолетовым штампом «Проверено цензурой»

Васька развернул последнее:

«Здравствуй дорогой сыночек!

Верю, что ты у меня сильный и самостоятельный мальчик, что

ты достойно перенесешь эту вынужденную разлуку.

Я верю, что справедливость восторжествует, и скоро мы будем вместе. Главное в нашей жизни, милый Васенька, не утратить веру в добро и справедливость. Ради этого наш папа, как и миллионы других отцов, сложил свою голову на этой жестокой войне... Учись лучше, будь твердым и смелым и не бойся смотреть правде в глаза...»

Васькина мама жили с отцом всего каких-то три года. Но каких! Это время было для них счастливым, определившим всю дальнейшую судьбу. Надежда Петровна Уралова пронесла любовь к своему мужу через всю жизнь и всю жизнь хранила верность ему.

В последнее время она работала заведующей детским садом поселка лесопромышленников. Она по-прежнему была стройна и красива, и многие мужчины подолгу останавливали на ней взгляды.

Васька видел, что к ним в дом не раз приходил человек в полувоенной форме с недобрыми вороватыми глазами. Мальчишка слышал, что они о чем-то напряженно разговаривают с мамой в прихожей, и каждый раз этот недобрый мужчина уходил раздосадованный, громко хлопая дверями.

Однажды летом они выехали вместе со всем детским садом на дачу. Место было прекрасное: река, сосновый бор с целительным воздухом, парное молоко прямо с фермы. Детишки хорошели на глазах.

И тут произошла досадная история. Некоторых ребятишек, видимо от перемены питания, пронесло. День два поили их рисовым отваром, и напасть эта отступила. Что тут скажешь? Дело-то обычное.

Однако не все так думали. Поздно вечером к воротам лагеря приехала машина «черный ворон» и Васькину мать увели хмурые люди в черных плащах. Васька даже не успел сказать ей слова. А потом всю ночь в кабинете Надежды Ураловой был обыск. Искали, как прошел слух, отраву, с помощью которой враг народа Уралова пыталась отравить пролетарских детей.

Вот уже год живет Васька в Погореловском детском доме, веря и надеясь на скорую встречу с мамой. А ее все нет и нет.

...Васька бережно уложил на дно коробки письма, достал со дна ее чистый тетрадный лист, деревянную ручку с пером и чернильницу непроливайку, переменял лучину и задумался. «Надо быть твердым и смелым», надо защищать маму, надо отстаивать справедливость. Но как?

Он прикусил от старания язык и вывел на листе первую строчку:

«Дорогой товарищ Сталин! Пишет Вам пионер Василий Уралов.»

Дальше пошло легче.

«Я живу сейчас в Погореловском детском доме, мы живем хорошо, но я сильно скучаю, потому что мою маму Уралову Надежду Петровну забрали в тюрьму, потому что она хотела отравить детей.

Товарищ Сталин! Я даю вам честное пионерское слово, что это неправда. Просто ребята наелись зеленых ягод и запонесли. Я им не давал ягоды есть, но разве за всеми уследишь. Моя мама самая добрая и самая лучшая.

Во время войны она едва не умерла с голода, потому что делила свой паек с детьми, которых привезли в Сибирь из блокадного Ленинграда.

Пожалуйста, помогите мне, товарищ Сталин, добиться правды и вернуть домой маму.

Василий Уралов, пионер.»

Васька свернул листок вдвое, заложил его в конверт, на котором четко вывел адрес:

«Москва. Кремль. Товарищу Сталину»

Васька достал второй лист и собравшись с духом написал:

«Погореловский детский дом. Ларисе Жарковой.»

Как не хватает Ваське сейчас смелости хотя бы на бумаге рассказать о том, как влечет его к этой девочке. Как начинает сладко волноваться сердце, лишь слышит он ее шаги на лестнице, как не в силах он отвести глаз от нее, как страдает, когда

не видит ее долго.

Зашел с улицы Колька Покачев, сел на лавку и с сочувствием посмотрел на друга.

– Хочешь я тебе помогу. Чтобы девушка на тебя обратила внимание, нужно попросить об этом между кочек живущую.

– Кого-кого? – Не понял Васька

– Вот ее. – Колька вытащил из кармана тряпицу и развернул. На ладони сидела лягушка. Самая обыкновенная лягушка.

– И как ее надо просить? – Опешил Васька.

– Между кочек живущая считается у нас священным существом. Она всегда влюбленным помогает. Ее косточки нужно зашить в рукав и коснуться рукавом любимого человека.

– Нет, Колька. У нас в этом деле лягушка не помогает. В наших сказках на лягушках женятся... – Ответил Васька с сожалением. – Уж я попробую сам.

...Покачев ушел, а Васька терпеливо склонился над тетрадным листом, шмыгая носом и поправляя лучину, пока не появились на листе эти три волшебные слова, давшие Ваське с таким трудом: « Я люблю тебя, Лара!»

Мальчик бережно свернул листок в трубочку, достал из-под лавки заготовленную бутылку и опустил в нее письмо. Потом он залил горлышко прихваченным на почте сургучом.

Первый конверт с письмом товарищу Сталину Васька отнесет на почту. А это послание, где открыты самые сокровенные чувства, про которые знает лишь он да его друг Покачев, будет хранить зеленая бутылка, которая отправится по реке, может быть, до самого Северного Ледовитого океана, где плавают на льдинах усатые моржи да бродят в снегах белые медведи. Там, под сиянием сумрачных небес, будет замерзать во льдах его чувство, а, может быть, оно станет таким сильным, что растопит льды, и здесь на диком Севере зацветут сады и вырастут новые сказочные города, где не будет места человеческой несправедливости, злу и насилию. Где только дружба и любовь, где только верность и взаимовыручка будут жить в человеческом сообществе.

Васька вывалился из землянки на приплесок реки. Она кати-

ла могучий поток, теряясь в мареве жаркого дня. Колька Покачев рыбачил с лодки, привязав ее к шестам, воткнутым глубоко в илистое дно. Высоко в небе кружили черные вороны, распластав крылья.

Воздушным потоком, поднимавшимся от реки, их выносило все выше и выше в безбрежную синеву неба.

Васька размахнулся и бросил в темную рябь реки заветную бутылку. Бутылку подхватило течением, и скоро пропала она вдали, слившись с водами великой реки.

Ваське сразу стало легко на душе. Он поднялся по обрыву на берег и припустил догонять ушедшее далеко по берегу стадо.

БЕГСТВО

Четверг — день политической грамотности. Все воспитанники детдома собирались в актовом зале, и кто-то один делал доклад о текущей политической обстановке.

Сегодня докладчиком был Покачев. Накануне он целый день сидел в библиотеке, читая газеты.

— Ну, что, Коля, вы скажете нам о событиях в мире? — спрашивал Виктор Акимович.

— Империалисты бряцают оружием, Виктор Акимович. Очень сильно бряцают. — Озабоченно доложил Покачев. — Американцы взорвали водородную бомбу. Они хотят запугать всех, чтобы народы мира поступали так, как захотят того американцы. Но народы мира не хотят танцевать под американскую дудку. Растет освободительное движение в Африке.

— Молодец, Коля. — Похвалил Покачева Виктор Акимович и мальчик расцвел. — Ты хорошо подготовился к политзанятиям. Продолжай.

— Народ Северной Кореи дает отпор американским агрессорам. Корейские летчики с помощью своих китайских братьев сбили пять американских летающих крепостей Б-52. Очень метко стреляют наши корейские товарищи, Виктор Акимович!

— Хорошо, Коля. Садись. — Ласково посадил Покачева Виктор Акимович. — А теперь давайте-ка подумаем ребята, почему в мире столько зла. Почему одни стремятся все-время пугать других, да и не только пугать, но применять насилие: стрелять, бомбить, готовить такое ужасное оружие, которое способно уничтожить все живое на планете?

Ребята задумались.

— Они хотят завладеть всеми богатствами мира! — догадался Васька.

— Правильно, Уралов. В том мире, где на нас точат ножи, там

царит власть золота, денег, наживы. Все, что там не делается, всем заправляет этот желтый дьявол — золото. И он лишает людей смысла жизни, потому что деньги, материальные богатства не могут человека сделать счастливым.

— Но как же без денег жить? — Спросил Васька.

— Правильно, Василий. Без денег пока нельзя. Деньги это кровь экономики, инструмент для организации производства и всего государственного механизма.

Если деньги используются, как инструмент для организации производства, жизни общества — это благородная задача денег. Если они удовлетворяют потребности человека, кормят, одевают его — это тоже хорошо, но если деньги становятся основной целью человеческой жизни — это беда.

— Так в чем тогда счастье-то? — Спросил кто-то

— Счастье, ребята, в том, чтобы быть свободным от жадности, зависти, корыстолюбия. Эти страшные качества разрушают человека, делают его глубоко несчастным, хотя он этого может и не замечать. А счастье, ребята, в общении и любви друг к другу, взаимопомощи и поддержке. Счастье в том, что мы живем в такой стране, где для вас открыты все пути. Где деньги не играют решающей роли. Если ты заболел, — тебя будут лечить бесплатно, если ты хочешь учиться — учишься, никто с тебя за это не спросит денег.

— Вот кем ты хочешь стать, Уралов?

— Я хочу быть инженером в деревне, чтобы облегчить труд на земле.

— Я рад за тебя, Вася.

— А ты, Коля Покачев?

— Я хочу стать доктором. Хочу лечить зверей, птиц, рыб. Хочу чтобы не только люди, но все, кто живет с нами рядом, никогда не болели. А еще хочу быть учителем, чтобы учить детей в стойбищах. Я еще окончательно не решил.

— Это очень благородное занятие, Коля. И то и другое. И мы поможем тебе стать таким либо доктором, либо учителем...

Ребята расходились в приподнятом настроении. Мечталось

высоко и радостно....

...До ужина было еще время, в хорошем расположении духа отправился Васька погулять и заглянул на задворки детского дома.

Там слышно было сдержанное сопение и звон монет. Не все были на занятиях, кто-то из старших затеял игру в деньги.

...На кону стояло больше рубля. Кон — черта, отведенная на земле. На черте стопкой монеты. Кто больше поставит, тот первым и бьет. Бить надо свинцовой лепешкой с расстояния метра в три.

Когда Ленька Кропачев, долговязый конопатый парень лет пятнадцати наклонялся с битой в руке, то казалось, что он чуть-чуть не дотягивается рукой до кона. Такому бить пол дела, промахнуться трудно.

Раз! И стопка монет опрокинута. Один десятиюничик лежит кверху орлом. Ленька тут же его в карман отправил. Ударил битой по остальным, сразу несколько монет перевернулось. Так до остальных очередь и не дошла, все деньги у Леньки в кармане.

— Ну, что пацаны, — загоготал Ленька. — Есть еще желающие поддержать голодающих...

Денег больше ни у кого, кто играл, не было. да и откуда возьмутся они у безотцовщины... Все что было заработано на сдаче макулатуры и металлолома или проиграны Леньке или потрачено на сладости.

Ленька Кропачев по прозвищу Клоп с дружкой своим Андриюшкой Чеканом держат в детдоме негласное первенство. Андриюха кидал двухпудовые гири, как резиновые мячики. Но, не смотря на свою силу, Андриюха у Кропачева был в подручных.

Они уже и в деревню ходили на гулянки, и курили тайком от взрослых, не стесняясь малышни.

— О, почти трояк! — Пересчитал куражисто Ленька выигранную мелочь. — Маленькие игроки понуро хлюпали носами. Все же жалко было проигранных денег, добытых с таким трудом. А Ленька все не унимался.

– Хватит на папиросы и на пряники. Вот пойдем мы с Андриюхой на беседу в деревню, папиросы в зубы, кепки на ухо, пряники в кульке – все девки наши будут.

– А зачем вам девок пряниками кормить, дали бы лучше нам! На наши деньги-то. – Промолвил кто-то из салажат.

– Были ваши, стали наши. А насчет девок-то вам, салапетам, не понять. Вам еще об этом и думать рано.

Васька участия в игре не принимал. На задворки забрел ради любопытства, да и засмотрелся, как играют другие.

Леньку Кропачева он не любил. Какой-то он был не настоящий, в разговорах и поступках подленький. С младшими разговаривал сквозь зубы, пренебрежительно, Андриюху Чекана на словах хвалил и возносил, а по за его спине плевался, перед учителями и старшими заискивал...

Васька знал, что Кропачев заглядывается на Ларису Жаркову, что и пряниками ее угощал и пытался по дороге из школы остаться с Ларисой наедине. Только вот Лариса, это знали все, от Леньки всякий раз отворачивалась, убегала. И это обстоятельство, видимо, Ленькиному самолюбию не давало покоя.

И язык у Леньки был поганый. Мог обидеть ни за что, ни про что.

Ленька окинул взглядом ребяташек, заметил Ваську и вдруг дурашливо оскалился.

– Вот Лариска Жаркова и та за пряники не откажет. Любого полюбить согласна. Васька знает!

Кровь ударила Ваське в голову. Словно пружина сработала внутри его тела. Он в полете ударил головой в Ленькин живот и поверг наглеца на землю. В следующее мгновение он уже сидел верхом на извивающемся противнике и лупил его кулаками.

– Гад! Фашист проклятый! – Хрипел Васька. – Я тебе язык вырву!

Испуг парализовал Леньку. В глазах его был ужас. И Ленька завизжал, как поросенок, которого собрались резать.

Этот истошный визг отрезвил Ваську. Он хотел было оставить

поверженного врага, как тут почувствовал, что сильная рука оторвала его от противника, подняла в воздух. Васька уже не хватал ногами земли, его, словно нашкодившего щенка, трепали за шиворот из стороны в сторону.

Но Васька сумел зацепиться ногами за невидимого противника и вырваться из его клешней. Перед ним стоял ухмыляющийся Андрюха Чекан. Васька опустил голову и бросился на нового врага. Однако силы были слишком неравные. Андрюха перехватил парнишку, и бросил на землю...

Что творилось в этот миг в груди у Васьки, передать невозможно. Васька вскочил и бросился бежать, куда глядят глаза.

Он летел во весь опор, боясь, что сердце его сейчас выскочит из груди, но не от напряжения, а от жестокой обиды. И нужно было как-то унять эту боль, охватившую все Васькино существо, убежать, умчаться от нее, или совершить сейчас что-то такое, что бы смыло с него и со всего окружающего мира эту ужасающую несправедливость, невозможность защититься и отстоять самое для него дорогое...

Дети сразу поняли, что с их товарищем произошло что-то из ряда вон выходящее и что дальше может случиться непоправимое. Они бросились за Васькой вдогонку, пытаясь остановить его, удержать. Но догнать Ваську было невозможно.

Тут небо над миром раскололось, блеснули молнии такие огромные и страшные, что казались они корнями гигантских деревьев, выдернутых невиданной силой из земли.

Следом ударил оглушающий, раскатистый гром, тут же на землю обрушился ливень, и в потоках его скрылся мир: и белая церковь, похожая на Ноев ковчег, наполненный перепуганными детьми, и берег великой реки, и дальние края вековой тайги, и белая рубашонка мальчишки, для которого в один миг ушла из под ног земля.

Кто-то из ребятишек бросился в деревянный флигелек директора. Виктор Акимович понял все без лишних слов. Превозмогая себя, он не шагал, а буквально летел к скотному двору, не чувствуя бьющих по телу плетей дождя.

Он быстро оседлал Серка и помчался во весь опор по речному наволоку, пытаясь оглядеть в темных лугах белую рубашонку мальчишки. Какое-то время показалось ему, что видит он в бурюнах взывавшей стремительно реки белое пятно. Кинулся было к берегу, но пропало виденье за пеленой дождя.

...Гроза ворча и громохвая медленно уходила за таежные кряжи.

В парке у церкви меж стволами деревьев летали, как призраки, светящиеся неземным светом шаровые молнии. Глядя в окна, дети видели, как взрываются они словно бомбы, и долго после каждого взрыва плыло в глазах негативное отражение мира.

А в доме том, забившись в темный уголок, тихо плакала голубоглазая девочка Лариса.

Всю ночь в окнах директора не гас свет. Виктор Акимович не спал, ходил по комнате, время от времени останавливаясь у буфета, наливая из графина в стакан водки, и снова мерил покалеченной ногой пространство...

На утро выяснилось, что еще одного человека недосчитался детдом. На утреннем построении не оказалось и Коли Покачева.

НОЧЬ НА РЕКЕ

Только к ночи успокоилась река, взбаламученная небывалой грозой. Усмирились его буруны, спрятали под воду белые бараньи шапки, вышла на небо полночная луна и осветила мир призрачным неживым светом. Где-то на разливах кричала с протяжной тоской, леденя душу, тревожная птица выпь, утки крякали настороженно, прислушиваясь в полудреме, не пробирается ли болотными кочками в поисках добычи лисовин.

Глубоко по ямам забились рыба, напуганная бурей и грозой, не вышел на разбой даже ночной хищник невозмутимый сом.

А в землянке, вырытой ребятами в обрыве метался в горячечном бреду Васька. И виделось ему, что бредет он тайными тропами, преодолевает непроходимые болота, горные перевалы, укрытые снегами и оказывается, наконец, в удивительной стране, наполненной ласковым теплым светом, где цветут удивительные деревья, а на ветвях их порхают радужные птицы, поющие нежными голосами. Звонкие ручьи там полны меда, а говорливые реки полны парного молока...

Васька шагает этих чудным цветущим садом, вздыхая ароматы невиданных цветов и вдруг останавливает его голос такой родной и близкий.

— Вася! Васенька! Иди скорее сюда!

Васька оборачивается и видит, что к нему протягивает руки его мама, а рядом с нею отец, радостный и улыбочивый с веселым прищуром глаз... А рядом с ними его девочка, любимая его девочка голубоглазая Лара.

Она берет его за руку и все они устремляются по воздушным дорогам этой чудесной страны...

— Это страна счастья, сынок. — Говорит ему ласково отец. — Здесь нет вражды, нет злобы и обид, здесь все любят и уважают друг друга. Здесь царство мира, согласия и дружбы...

...Коля Покачев знал, что Уралов должен быть в их землянке. Кому-то постороннему найти друга будет невозможно. Как только стемнело, он отправился к Иртышу. Его не пугали, ни леденящий хохот филина в парке, ни крики тревожной птицы выпи, ни холод сырой травы. Колька привык жить в природе, так же как человек привыкает к своему дому или квартире.

Лунный свет, проникавший в землянку закрыла тень маленького человека, но Васька уже не увидел спешащего на помощь друга. Он был уже весь в этом волшебном горячечном полете. Губы его были сухи, на лбу выступила холодная испарина, руки нервно теребили ворот рубахи на груди. Васька задыхался.

Колька действовал быстро. Он затопил буржуйку, сразу же наполнившую теплом их маленькое убежище, достал из мешка бубен и стал греть его на открытом огне. Скоро бубен подсох и туго натянутая кожа его загудела. Колька, как заправский шаман поднял бубен над головой и ударил в него пальцами, извлекая рокочущие звуки. И в унисон этому рокочущему звуку бубна горловым голосом Колька затянул заунывную древнюю песню без слов. Все быстрее выбивали пальцы рокочущий звуки бубна, все быстрее вторило ему горловое пение Кольки, словно и не мальчик был это, а великий шаман из рода шуки, который знает такие сокровенные таинства бытия и космоса, которые даны лишь очень немногим на этой земле. Все быстрее ритм, все быстрее движения Колькиного худого тельца, все выше и пронзительнее звуки, kloкочущие в горле маленького человека.

Казалось, что душа и тело разделились, нет преград и расстояний, нет невозможного. И только звук бубна, ставший уже таким далеким, что рокот его еле слышен и тоньше комариного писка, но голос тот волнует, зовет вернуться обратно на землю, напоминающая о незавершенных на земле делах...

...Утро было светлым, промытым дождями, очищенным грозой. Васька открыл глаза, чувствуя в теле необычайную легкость. Он словно забыл весь ужас вчерашнего дня, свершившейся драмы на задворках детдома. Он вскочил на ноги, но его кинуло к стенке, ноги были слабы и предательски дрожали.

В это время в проеме землянки появился Колька с дымящимся котелком в руке.

– Сейчас я тебя буду поить травами, чтобы к тебе вернулись силы. Меня этому учил дедушка. Он много знал всяких целебных трав и я от него учился.

Васька с благодарностью принял из рук товарища кружку с зельем. Напиток был горьким и противным, но с каждым глотком в по телу разливалась волнами энергия и кровь закипала по жилам.

Васька остановился, перевел дыхание, взглянул на Покачева и твердо сказал:

– Ты как хочешь, Колька, но я обратно не вернусь. И если вернусь, то не сейчас, а когда стану сильным и смелым, как отец. Я уйду с тобой на поиски твоего родового озера! Ты=то не передумал?

– Я готов хоть сейчас, – отвечал Колька и лицо его озарилось на мгновение радостью, но тут же забота пролегла складкой меж бровей...

– Нужно оставить ребятам и Виктору Акимовичу письмо, что мы живы, и что мы обязательно вернемся. Они переживают за нас, Виктор Акимович тот всю ночь не спал, а с утра опять оседлал Серка и отправился на поиски. Я слышал, он рыбакам в колхоз звонил, будут неводом тралить, нас искать...

Васька при этих словах встрепенулся и на глаза его навернулись непрошеные слезы. Но он пересилил себя.

– Решено так решено! Достань, Коля, мою коробку из-под лавки, я напишу им. А ты незаметно отнесешь и бросишь в почтовый ящик.

Не прошло и полутора часов, как письмо было написано и доставлено, вещи собраны и уложены в лодке. Колька принес еще и железную буржуйку из землянки и тоже примостил ее на железном листе, оборудовав камбуз.

Мальчишки налегли дружно на весла, отталкиваясь от берега, и скоро их утлый челн, возвращенный к жизни трудами из брошенной плотоводами прохудившейся лодки, качался

на волнах.

До свидания детдом! До свидания дорогой Виктор Акимович! Прощайте, ребята, с которыми сдружились и сроднились за эти два года. Прощайте, тетка Окулина, кормилица и поилица... Прощай, мерин Серко и все обитатели детдомовского подворья...

Прощай, невысказанная Васькина любовь, неземная девочка Лариса! Васька вернется к тебе сильным и непобедимым!

У РЫБАКОВ

— Глянь, мужики, к нам подмога прибилась! — Крикнул высокий костистый мужик, вышедший из рыбного склада, и увидевший уткнувшуюся в берег лодку, на которой крепко спали мальчишки.

Неспешно вываливались из рыбацкого домика заспанные мужики, закуривали папирсы, разглядывая нежданных гостей.

Утро выпало с тихим дождичком и густым туманом. Река была рядом, но ее не было видно — весь утренний мир поглотил этот молочный туман. И только вытащенный на берег красный бакен, рыбацкий стол под навесом с приклеившимися перламутровыми рыбьими чешуйками, да керосиновый фонарь под железным абажуром придавали миру некоторую реальность. Да слышно было, как дышит река неуловимым движением вод.

Васька и Колька спали сладким сном. Они плыли уже третьи сутки и сильно устали. Картины проплывающих мимо берегов не отличалась большим разнообразием. Редкие убогие поселения, склады древесины с затонами, где формировали сплавщики длинные плоты для транспортировки их по реке. Однажды ближе к ночи попался им встречный пассажирский теплоход весь в сиянии огней, из радиорубки его неслась музыка, а на верхней палубе парень с девушкой танцевали вальс. Пароход, шлепая плицами по воде, исчез, как видение за излучиной реки, и ребята долго еще замороженно глядели ему в след, думая каждый о своем.

Ждали слияния рек. По их расчетам это место должно было появиться с часу на час. Все ближе поступали к берегам с правого борта густые кедрачи, с левого простирались широко заливные поймы, «соры», на которых нагуливала к зиме жир сорная рыба — язь, плотва, щука...

Потом природа стала зримо менять свой характер, листовен-

ные леса уступали место хвойным, все чаще степные просторы сменялись гигантскими болотами, с чахлой растительностью... Малые реки, впадающие в реку, несли с собою темные болотные воды. Менялись краски ночного неба, оно уже не было похоже на темный бархат, на котором зажигались яркие крупные звезды. Небо теперь и самой глухой ночью было сумеречно светло.

Однажды ночью почувствовали ребята дыхание самого Ледовитого океана, лодка ночью покрылась инеем, который растаял только по утру...

Этой ночью ребята не сомкнули глаз, стараясь, как можно дальше продвинуться по намеченному маршруту. Покачев считал, что после слияния рек нужно пройти по еще километров пятьдесят, а потом уже углубляться по правому берегу в тайгу, чтобы выйти к своему родовому озеру.

Первым открыл глаза Колька. Он увидел проступивший в тумане ветхий сарай на берегу, где ютилась рыбацкая артель, горы деревянных ящиков, залепленных рыбьей чешуей, большие просмоленные лодки на берегу, развешенные на колах вдоль реки невода с большими деревянными поплавами.

— Давайте, гости дорогие, к нашему шалашу! — У лодки стоял высокий, заросший щетиной мужик и приветливо улыбался.

Горел костер на берегу, фыркал на огне большой закопченный чайник, на стол, сколоченный из не строганных досок, принесли огромное блюдо с холодной вечерней ухой, уже схватившейся, как студень.

Колька растолкал друга, и они с опаской сошли на берег.

Рыбаки выдали им ложки, усадили за стол, но есть не начали.

— Где-то там Костюшка с девками хороводится? С вечера — гармошку в рюкзак и ускакал верхами в деревню. — Озабоченно проговорил старый рыбак с лицом, похожим на печеную картошку.

— Вернется твой Костюшка. Это настоящий рыбак. И погулять не промах, и порядок знает. — Успокоил его высокий артельщик.

В тумане послышался глухой стук копыт и тихое ржание.

– Во, что я говорил. – Довольно подытожил артельщик.

Из тумана выплыла сначала голова гнедой кобылы, потом над нею показалось довольное лицо Костюшки с запутавшейся в русых кудрях сенной трухой.

Рыбаки понимающе хохотнули и принялись хлебать уху, держа под ложжками ломти ржаного хлеба.

...Уха была необычайно вкусна, но все же артельщики хлебали ее без особого аппетита, видимо, уже приелась за сезон, но чай со смородиновым листом пили с чувством. Скоро задымились папиросы и самокрутки, и старший артельщик поинтересовался деликатно:

– Куда, ребятки, путь держите?

Отвечал Васька.

– Плыдем на каникулы на озеро Шаман. Слыхали, небось? Там у Кольки Покачева родовое озеро.

– Шаман? Далеко, однако. Надо тайгой да болотами недели две идти. Глухое место. Не зная троп, долго ли заблудиться?

Артельщики качали головами.

– Оставайтесь-ка лучше с нами. – Предложил старший. – А то у нас хозяйство некому вести. Да скоро уж и путина, муксун пойдет, заработать можно хорошо. Вся-ко и денежка к школе пригодится...

Колька глянул на друга и уверенно отвечал:

– Спасибо вам, дяденьки. Однако, нельзя нам оставаться. Озеро ждет.

Рыбаки уважительно посмотрели на Кольку.

– Ну, тогда погостите, припасы в дорогу сделайте. Вот сегодня туман рассеется, так с нами на тоню сходите, рыбки хорошей в дорогу возьмете. – Рассудил старший артельщик.

Ребята с радостью согласились.

– А до слияния рек далеко? – Взволнованно спросил Васька.

– Рукой подать. Сегодня туда и пойдём. Особое это ребятки место, былинное, сколько про него легенд да сказок в народе живет – не переслушать.

Костюшка, молчавший до сих пор, оставил кружку и кивнул

на старого рыбака с лицом, похожим на печеную картошку.

– Вы Каева вечером попросите, он вам расскажет. И мы послушаем за кампанию.

Каев согласно склонил голову.

– Ну, с Богом! – подал решительный голос бригадир. Артельщики поднялись из-за стола, раскатывая голенища сапог.

Туман все еще укрывал мир. Но рыбаки погрузились в лодки и поплыли от берега в сплошном молоке. Как они угадывали направление, понять было трудно. Но артельщики гребли уверенно, и лодки ходко скользили по воде.

Через час подул легкий ветерок и туман начал рассеиваться.

– Подходим, – сообщил доверительно Костюшка ребятам. – Смотрите внимательно. Вот чудо, так чудо.

Ветерок окончательно сорвал с реки туманную занавесь, и взору детей открылась величественная картина.

Две могучие реки несли свои потоки навстречу друг другу. Одна несла желтые воды, другая – голубые. Вот берега распахнулись, разбежались по сторонам и два потока, ударившись друг о друга по касательной, подняли бурун, и еще какое – то время бежали рядом, не желая уступить друг другу главенства. И уже в одной реке, в одних берегах бежали не смешиваясь два потока – желтый и голубой.

– Ничего, обнюхаются, приносятся друг к дружке и скоро станут одной рекой. – Сказал раздумчиво Каев. – Так вот и в семейной жизни бывает. Муж да жена – одна сатана!

И тут Колька взволнованно ахнул.

– Васька смотри сюда! – Покачев даже привстал от волнения. – Рыбий Дед!

– Где, где Колька?

– Да вот же. На высоком-то берегу. С носом.

И верно, на высоком берегу стояла высеченная из дерева фигура старика с неестественно длинным носом. Таким длинным, что нос этот скорее походил на хобот.

Ваську рассмешил деревянный идол. Но Покачев не заметил иронии.

— Это у него потому такой нос, что этим носом он рыбу к берегу притягивает. Теперь то уж точно будет удача.

...Невод выметывали на противоположную сторону. Он охватил едва ли не полкилометра русла и речной поймы. Одну сторону невода тащили веревками с помощью артельной кобылы, на которой приехал к берегу рыбак, другую — осиливали сами.

— Навались! — Командовал старший артельщик. — Раз-два взяли!

Жилы на шеях у рыбаков напряглись, лица покраснели, упиралась артель во все человеческие и одну лошадиную силу, и невод, обозначенный цепочкой пляшущих на воде поплавок, нехотя стал продвигаться к берегу.

— А ну, ребяташки, взяли, — подбадривал старшой. — Идет родимый, идет.

Каев, сидевший в лодке на чупе невода на случай непредвиденного зацепа, заволновался.

— Стенки, стенки держите, не дайте уйти! С рыбой будем!

Веревки вышли на берег, теперь выводили крылья невода. Уже сейчас видно было, что рыбы попало изрядно, еще до берега было далеко, а чупа уже вскипала бурунами, и поплавки бешено плясали на воде и вовсе уходили под воду.

Васька с Колькой тащили невод наравне со всеми, загораясь все больше и больше рыбацким азартом и предчувствием небывалого улова.

Вот уже вышли на берег и стенки невода, в воде оставалась одна чупа, буквально кипевшая рыбой.

Лошадь перезапрягли в телегу, подогнали к самой воде. Два рыбака с черпаками на длинных ручках зашли в воду и стали вычерпывать добычу, сгружая в телегу.

Пятнистые щуки извивались, как змеи, бронзовые крупные чебаки с тяжелым стуком падали на дно телеги, серебристые с синим отливом благородные муксуны мощно бились в сетках черпаков, тут же были и стерлядки, похожие хребтами на плотницкие пилы.

Радостные подъем царил среди артельщиков. Скоро телега

была полна. Стали заполнять и привезенные со склада ящики, одну лодку завалили рыбой чуть ли не вровень бортов, а рыбы, казалось, в чупе все не убывало.

В самом конце ее билось что-то несуразно большое, и азарт разжигал рыбаков. Наконец, Костюшка не выдержал и коршуном бросился прямо разверзнутую пасть чупы.

Вода вскипела, завязалась борьба между молодым и сильным рыбаком и кем-то, пока еще не видимым и лишь угадываемым по силе, с какой свивал он рыбацкую снасть.

Костюшка все же не устоял на ногах, в какое-то мгновение он ушел под воду с головой, но тут же вынырнул и выдохнул хрипло:

– Держу!

Он уперся ногами в дно, подтаскивая к берегу добычу, но через мгновение полетел с ног. В воздухе мелькнул огромный косой хвост.

– Осетр! – Несколько человек выкрикнули разом это слово, как заклинание, и повались на Костюшку и бьющуюся под ним огромную рыбину.

...Домой возвращались уставшие и тихие. Часть рыбаков ушла пешком. Покачев шептал слова благодарности Обскому Деду, пославшему богатый улов.

Каев рассказывал:

– Был у нас в прежние времена, когда я на Волге жил, один рыбак. Как звали-то по христиански, так я уж не помню. А прозвище зацепилось: Карась. Тот Карась промышлял белугой. А знаете, какая это рыба? Бывало по тонне весом попадалась.

Ребята слушали и не знали верить Каеву или нет. Как такую рыбу представить? Она, наверное, с лодку будет.

– Так вот, ребята. Изымает он белугу, пропустит ей под жабры веревку и катит на ней, как на самоходном катере аж до города... Да и продаст там ее по большой цене. Потом до дому на тройке прикатит пьяный, с дорогим вином, в обновах. За неделю спустит заработок и снова на ловлю едет.

Одинова, такую поймал, что она дорогой задурила, да

и разнесла Карасеву лодку в щепки. А у него веревка к ноге привязана была и утянула, сказывали белужина Карася к себе в пучину. С тех пор никто его и не видывал.

Ребята не нашлись, что ответить Каеву. Молчали до самого рыбацкого стана, переживая впечатления дня.

Вечером варили стерляжью уху, готовили малосолого муксуна. Старший артельщик принес из сарая припрятанную бутылку спирта.

— Давайте-ка выпьем мы за нашу артель. — Сказал он, поднимая кружку. — Не зря говорят: «Дружно не грузно, а врозь хоть брось!» Этакую работу сегодня свернули.

— Да уж, — поддержал Каев. — Артельная каша, гуще кипит.

— Выпьем, братцы и за наших гостей. — Продолжал бригадир. Это они нам удачу такую принесли. Пол месячного плана взяли. Один осетр на два пуда потянул... Так пусть же и им во всем сопутствует удача!

Стукнулись кружками, крикнули и долго, до седьмого пота стучали ложками по блюду, вылавливая расплавленное золото стерляжьего жира.

После чая, разморено закурив, повернулись к Каеву.

— Ну, что, дедко, скажи — ко, ребятишкам сказку. Мы тоже давно уж от тебя сказок-то не слушали.

Каев не отказывался. Наоборот, видимо ему нравилось скзывать истории рыбакам.

— Ну, что, — откашлявшись начал он, — расскажу про наши великие реки... Сказки сказывать — не дрова рубить. Слушайте.

У каждой птицы — свое гнездо, у каждого человека своя малая родина. А как же без родины реке быть? Не бывает без родины даже больших рек...

...Тихо над рыбацким станом. Чайки накричавшись за день, угомонились в речных протоках, лишь изредка доносились с реки глухие удары, то крупная рыба выходила на промысел, ударами хвоста глушила задремавшую молодежь. Стреноженная рыбацкая лошадь топала в росных лугах да хрустела травой.

Старик замолчал. Полночные звезды густо сияли на небе, пора было ночевать.

...Мальчишки, убаюканные красивой сказкой, уже клевали носами. Рыбаки потянулись в сарай, только за столом под навесом оставались еще старший артельщик Пылов да старый рыбак Каев.

Уже засыпая, Васька слышал, как старший артельщик рассказывал Каеву.

— Разведка боем, дядя Саша, — это когда тебя посылают на верную смерть. У тебя отбирают все документы, награды, знаки различия. И ты идешь в открытую, а тебя противник изо всех огневых средств лупит, так, что небесам тошно.

Вот мы и пошли. Нас было двести человек отобрано, а вернулось только семь...

Собирали припасы в дорогу. Пылов положил ребятам пяток больших присоленных муксунов, связку вяленых чебаков.

— А можно я, дядя Ваня, возьму муксуней икры хантыйского хлеба сделать, да щук небольших.

— Бери, бери. У нас этого добра не убудет. — Согласился старший артельщик. — А мы у тебя поучимся.

Колька раскочегарил железную печку, попросил у рыбаков большую сковороду. Насыпал из своих припасов на сковороду кедровых орешков и принялся давить плоским камешком, пока на сковороде не выступило ароматное таежное масло. Потом он взбил в большом блюде муксунью икру, выкинул из нее пленки и стал примешивать в нее муку. Получилось тягучее, пахнущее сырой рыбой тесто. Колька выложил его на разогретую сковороду и скоро вогульский хлеб спекся в тугую лепешку.

Первую лепешку Колька разломил на всех. Рыбаки с интересом пробовали, деликатно хвалили Колькину стряпню, обещали перенять опыт.

Тем временем Васька выпотрошил несколько небольших щук, нарезал в прибрежных кустах палочек, очистил их, заострив концы.

Принесли из сарая плошку клюквы. Покачев ловко развора-

чивал на столе щук, натирал их с внутренней стороны давленной клюквой и осторожно протыкал их палочками, так, чтобы заостренный конец палочки оставался в щучьем теле.

— Так всегда в нашем роду делали. Нельзя, чтобы палочка насквозь проходила, иначе щука на человека обидится и вся сила из нее уйдет.

Рыбаки удивленно качали головами.

— Теперь я поставлю щук к стенкам печки, и пусть они сохнут. — Рассказывал Колька увлеченно. — Как высохнут, можно их в мешок складывать и в дорогу с собой брать. Все ханты в дорогу сушеную щуку берут. Бросишь в котелок с водой, вот тебе и еда. Щука много сил дает.

...Пополнив запасы, ребята погрузились в лодку и поплыли дальше. Рыбаки провожали их всем станом.

— На обратном пути приворачивайте! Будем ждать!

Не успели они доплыть до слияния рек, как услышали перестук копыт. Следом за ними скакал верхами Костюшка.

Ребята заволновались и направили лодку к берегу.

— В деревне был, — сказал, отдышавшись Костюшка. — Я уж при всех не стал говорить. Ищут двух мальчишек. Из детдома сбежали. Участковый в клуб приходил, наказывал, что если объявятся, то ему сообщить.

Костюшка замолчал, а ребята повесили головы.

— Ну, чего засмурели? Рассказывайте, куда путь держите? Я не выдам, а, может быть, подскажу чего или помогу.

— Нам, Костя, обратно никак нельзя. Нам на Шаман надо. — Отвечал Колька. — Нам надо родственников найти. Там на Шамане наши чумы стоят.

— А точно найдете? — Засомневался Костюшка. — Про Шаман-то я слышал. Богатые места, но нехоженные. Там где-то говорят, в старину раскольники скрывались от царских властей. Это надо вверх по Кондасу подниматься.

— Я, Костя, дорогу найду. Не сомневайся. Я ведь вогул. В тайге вырос.

— Ну, коль так, больше задерживать не стану. Зверя в тайге

берегитесь.

Он подошел к лошади и вытащил из-за седла старенькую берданку.

— Держите. В тайге без ружья нельзя. Вот и патроны к ней. — Костюшка протянул ребятам туго набитый кожаный подсумок. — Обратно пойдете, вернете.

...Костя забрел в воду, сильно оттолкнул лодку. Скоро ее вынесло на течение.

Все те же черные птицы кружили над рекой и утлой лодчонкой, на которой два юных существа отправились в безрассудное путешествие в поисках земли, где царят добро и справедливость, любовь и добросердечие, в страну Живого Огня.

И если посмотреть сверху, с той высоты, где кружат черные птицы, то увидеть можно, как великая река рассекает гигантские пространства бесконечных озер и болот, разъединенных узкими перешейками лесов. Небольшие гривы кедрача и снова озера и болота, болота и озера, насколько видит глаз.

Малопригодная для жизни земля, доставшаяся людям, рыбам, птице и зверю в наследство от великого потопа, вызванного растаявшим в древние времена ледником.

Для случайного, пришлого покажется она сумрачной, неприютной. Только случайных людей здесь не случается...

В ТАЙГЕ

Лодку спрятали в устье Кондаса под нависшими над водой ветвями ив. Дальше путь их лежал через тайгу и болота. Но ребят не страшила дорога. Колька хорошо ориентировался в тайге по солнцу, по свету звезд, по лишайнику, нараставшему на елках с северной стороны.

Первый день прошли без приключений. Ночевали на сухой гриве под вековыми кедрами. Разожгли костер, наелись отварной щуки, напились чаю с брусничным листом. Дым от костра отгонял надоедливых комаров и мошку, было хорошо и покойно. Постепенно отступала, уходила прочь горечь обиды и смятение, царившие в Васькиной душе в первые дни после побега.

Колька подкидывал в костер сухие ветки и, глядя на огонь, рассказывал:

— Однажды муж с женой ночевали у костра. Выскочил из костра уголек и попал на ладонь мужу. Больно ему стало. Он рассердился, схватил топор и стал рубить топором кострище. Огонь и угас.

Наутро встали, никак жена не может развести костер, сколько ни билась. Муж разжигал, — нет огня. Обиделся огонь.

А люди уж совсем замерзать стали, только тут появился крохотный такой огонечек и говорит:

— Отдайте мне вашу дочку, тогда я и появлюсь. Поставьте ее в костер и ничего не бойтесь, ей не будет больно.

Чего делать-то? Поставили девочку в кострище, тут охватило ее пламя, а она стоит и улыбается. Потом пропала совсем, как будто ее и не было. А огонь разгорелся, сильным стал и жарким.

— Ну, это сказка! — Засмеялся Валька.

— Наши люди верят, что нельзя огонь обижать. Нельзя в костер мусор бросать, плевать нельзя... Огонь защищает человека от злых духов, очищает...

– А в кого еще ваши люди верят? – Спросил с интересом Васька.

– Есть такой большой человек, он объезжает свет на белом коне, наблюдает за миром. Зовут его Мув-керты-ху. Но он не вмешивается в людские дела, а вот бог Торум и его сын Медведь, его еще лесным человеком зовут, они с людьми рядом.

– И чего они делают? Чем медведь может человеку помочь.

– Медведь охраняет людей от болезней, стережет их жилище, разрешает споры даже судит. Вот если кто у кого чего-нибудь украдет, и на этого человека покажут, то ему дают в руки медвежью лапу, ставят под медвежьим черепом, и спрашивают: виновен он или нет?

– И что, человек уже не может соврать?

– Никак, нельзя. Иначе лесной человек накажет лгуна.

– А почему же геологи говорили, что на ваше стойбище напал разъяренный медведь.

– Я не знаю, но у нас так бывает, если охотники убили медведя, то они должны задобрить его душу. В стойбище устраивают медвежий праздник.

– А если только ранят, и он уйдет разгневанный?

– Тогда говорят, что в медведя может вселиться злой дух Тарен. Это очень опасно.

...Тихо в вековой тайге. Чуть слышно потрескивает костер. Да изредка налетевший с севера ветер полуночник качнет вершины кедров, скрипнет где-нибудь сухая древесина и опять тишина.

Смолкли в чаще птичьи голоса, с севера напоззли тучи, укрыли небо сплошным серым одеялом, и сразу стало тепло.

Но что это? Замерли ребята, затаили дыхание. Будто хрустнула ветка под чьей-то тяжелой ногой, одна, вторая. И вот за деревьями в непроглядной темноте явственно было слышно, как раздался тяжелый утробный вздох.

Ребята напряглись, а Васька подтащил в себе берданку.

Стало заметно светлее. Видимо, взошла луна и через облака осветила ночной мир. Тревожно вскрикнула ночная птица и стихла. И тут внутренним чутьем оба мальчишки ощутили в окружа-

ющем их пространстве появление кого-то еще. Его присутствие словно разливалось в воздухе, заполняло пространство, подчиняло себе всякую другую живую волю, от мелкой птицы до человека.

Мороз пополз за ворот, сердце застучало часто-часто. Прошло несколько минут, и снова такой же тяжелый, но уже полный страдания вздох прозвучал в ночной тайге.

Васька передернул затвор берданки. Стало слышно, как осторожные вкрадчивые шаги удалялись вглубь леса.

– Это он! – прошептал Колька. – Лесной человек.

– Мне, кажется, не с добром он пожаловал. Может быть, это тот самый, что ваше стойбище разорил. – Отвечал ему шепотом Васька. – Может, шатун какой. Я читал. Если его ранить, то он будет людям мстить, пока его не убьют.

– Давай побольше кинем в костер дров, чтобы он не вернулся... Мы попросим огонь, чтобы он нас защитил.

Языки пламени поднялись к ночному небу, но в тайге оставалось все так же темно и таинственно. И только Кондас, бежавший неусыпно к большой реке, отражал отблески костра, унося с собою быстротекущее время.

Ребята уснули только под утро.

У СТАРООБРЯДЦЕВ

Все дальше и дальше уходили в глухие урманы наши маленькие герои. Все глуше лес, все зыбучее болота.

Днем, когда солнце поднималось в зенит, тайга превращалась в настоящее пекло. Плавилась на соснах смола, над болотами поднималось знойное марево, настоянное на сладковато-терпких запахах торфа и багульника, от которых кружилась голова.

Пугались ноги в зарослях брусничника, соленый пот застил глаза, струился потоками по лицу, разъедая уголки губ.

От комариного гула стоном стонала тайга. И только марлевые накидки, запасенные в детдоме и вываренные в дегте, спасали ребят от этой адской напасти.

Но ребята все шли и шли без остановки.

Непуганые глухаринные выводки сновали под самыми ногами, лисы не спешили уступать людям дорогу при встрече и даже зайцы, пасшиеся на полянах, не скакали испуганно прочь, завидев человека.

Шли тайгой уже третьи сутки. Колька шел впереди, лицо его было сосредоточено, чувствовалось, что парнишка всей душой стремился туда, где на берегах родового озера прошло его детство. А вот у Васьки таежные урманы рождали в душе смятение и тревогу. Он вспоминал с грустью маму, их родной опустевший разом деревенский дом, голубоглазую девочку Лару, детдом и Виктора Акимовича. Иногда Ваське казалось, что этот побег, который устроили они с Колькой, был глупой затеей. Но тут же в глазах его вставало ухмыляющееся лицо Леньки и Андрюхи Чекана, и шаг становился увереннее и тверже.

К середине третьего дня Колька неожиданно остановился и прислушался.

Васька, шедший сзади тоже, притормозил и взял на изготовку

берданку.

– Слышишь? – Колька поднял кверху палец, замирая.

Васька тоже затаил дыхание. Шумела тайга, попискивали малые пичуги, звенели комары, позванивал невдалеке ручеек. И тут в таежную тишину где-то далеко вошел до боли знакомый задиристый боевой клич.

– Петух! – Обрадовался Васька.

...Не прошло и получаса, как в тайге образовался просвет, и ребята вышли к вырубкам, густо заросшим малиной и цветущим иван-чаем. За вырубкой начиналась изгородь. Ребята пролезли между жердинами и осторожно вышли на опушку. Отсюда открывалась картина довольно большого таежного поселения.

Прямо перед ними колыхалась уже вышедшая в трубку рожь, слева голубело льняное поле, за хлебной полосой стояли крепкие, рубленные в лапу амбары, за амбарами дома. На задворках домов видны были огороды с пасекой колод в двадцать, покрытых сверху соломенными шапками. В центре деревни возвышалась маковка часовни с деревянным крестом. За деревней виднелось серебряное зеркальце озера в оправе темного леса. На озере в лодке зависал над сетями рыбак.

Справа чуть в стороне от деревни при впадении таежного ручья в озеро стояла водяная мельница. Ее замшелое колесо неспешно вращалось, роня искрящуюся на солнце воду.

– Вот это да! – Выдохнул пораженный Васька. – Красотища какая! Хотел бы я здесь пожить хоть недельку.

Колька не успел ему ответить. От деревни к лесной опушке бежала девчонка лет тринадцати в сарафанчике, ладных лапточках, красных, аккуратно навернутых на ноги онучах.

– В лаптях! – ахнул Васька. – Как в кино!

В одной руке девчонка несла деревянную бадеечку, а во второй была палочка, которой девочка громко стучала по бадеечке.

– Зорька, зорька! – весело кричала она. – Звездка, Звездка! Идите сюда!

Девчонка бежала прямо на ребят. Мальчишки попятнулись

и спрятались заросли иван-чая. И тут за их спинами что-то затрещало, зафыркало, ребята оглянулись и замерли от ужаса. Рядом с ними лезли сквозь заросли огромные горбоносые лоси. Они едва, едва не наступили на ребятишек.

Лоси уверенно шли к девчонке, которая уже перелезла изгородь и достала из бадейки ржаные ломти хлеба. Лоси хватали хлеб большими мягкими губами.

А девчонка, зажав покрепче одной рукой бадейку, сноровисто принялась доить лосиху.

Васька аж задохнулся от увиденного.

– Нет, ты смотри, Колька, – прошептал он с жаром. – Доит! Лося доит! Вот чудо.

Струи густого лосиного молока уже не звенели о дно подойника, видимо он быстро наполнялся. Лосиха покорно позволяла себя доить. Кажется, ей это доставляло удовольствие. А рядом своей очереди ждала вторая лосиха.

Васька, чтобы лучше разглядеть эту, поразившую его картину, привстал в своей ухоронке. И тут девчонка увидела его.

Подойник выпал из ее рук и глухо стукнулся о землю.

– Держи молоко-то! Прольется! – Крикнул ей хозяйственный Васька, порываясь спасти удой.

Девчонка завизжала. В округлившись глазах ее стоял ужас, словно она увидела не деревенских мальчишек, а что-то невообразимо страшное.

– Эй! Не балуй. – Тут же раздался басовитый окрик. Из-за деревьев появился молодой русоволосый мужик в окладе бороды и длинной поясной рубахе. В руке его блестел топор.

Но, увидев ребятишек, он тоже опешил, застыв с раскрытым ртом. Васька с Колькой посмотрели друг на друга. Вроде бы ничего необычного в их облике не было, чтобы привести людей в такое изумление.

– Здравствуйте! – нашелся, наконец, Васька. – Мы это, идем с Оби, нам на Шаман надо!

Мужик и девчонка оторопело молчали.

– А скажите, это какая деревня? – продолжал Васька нача-

тый разговор.

Мужик не отвечал. Но лицо его, фигура не выражали агрессии или злобы и Васька решился подойти.

– Это Колька Покачев, показал он на друга, тоже присмиревшего и пялившегося во все глаза на девчонку. Он – из вогулов. Мы на его родовое озеро пробираемся. На Шаман. Стойбище там. Не слыхали? – Еще раз объяснился мальчишка.

Мужчина с топором молча покачал головой.

В это время лосиха наклонила морду к Васькиной голове и дохнула горячо прямо Ваське в ухо. Мальчишка отпрянул, а мужчина чуть заметно улыбнулся.

– Не бойся. Они у нас ласковые. Не обидят.

Девочка тоже прогнала, наконец, с себя оцепенение, подняла подвойник.

– Ты, вот что, Анютка, заканчивай обряд, а я с гостями пойду в деревню. – Сказал бородатый, видимо, Анюткин отец, и жестом пригласил ребят следовать за собой.

Прошли межой к деревне. Посреди ее стояли пахучие стога сена, меж ними возвышались деревянные качели для детворы, колодезный журавль тянул длинную шею к небу.

– Какой веры? – Спросил строго ребятишек мужик. – Старого обряда или нового, бесовского?

– Чего, чего? – Не понял Васька вопроса.

– Крещеные, спрашиваю вас, али нехристи?

– Не дяденька. Мы не верующие. У нас давно религию отменили. И старую, и новую. Колька, вон правда, верит, так у них своя вера. Они дяденька, щуке поклоняются...

– Тьфу ты, Господи, прости меня грешного! – Рассердился было мужик. – Вот она власть царская, сатанинская – Каково, дети малые без креста живут!

– Да у нас, дяденька, власть давно не царская. У нас советская власть. – Теперь черед удивляться пришел Ваське.

– Как не царская? Неужели конец пришел антихристу.

– Давно уже пришел. – Радостно сообщил Васька. В семнадцатом году скинули царя и всех его пособников.

Мужик упал вдруг на колени и стал молиться, отбивая поклоны.

— Господи, велик ты в деяниях своих, покарал отступников веры твоей.

— Дяденька, так вы что же не знали, что царя давно уже нет? Тогда вы не знаете, что была революция и гражданская война...

— Война? — Поднял мужик голову от земли. — И кто с кем воевал?

— Богатые с бедными. И победили в той войне бедные.

— Бедные? Ну-ка, ну-ка, скажи, а как же приверженцы старого обряда? Утвердили они веру свою, победили ли вероотступников?

— Мы про это дяденька не проходили еще в школе. Мы знаем, что веру отменили и многие церкви закрыли, потому, как Бога, говорят, нет!

Мужик снова начал молиться и отбивать поклоны.

— Так вы, должно быть, дяденька не знаете, что и другая война была. Великая Отечественная.

Мужик поднялся с колен и уставился на Ваську полными смятения глазами.

— Говори!

— Русские воевали с немцами. В сорок первом году эта война началась. Вообще-то это была вторая мировая война. Там все кто-нибудь с кем — нибудь воевал. наших двадцать миллионов погибло. Мой папа тоже погиб. Он летчиком на войне был. — Сказал Васька с дрожью в голосе. — Но мы все равно победили.

Мужик молча положил на русую Васькину головушку широкую ладонь, потом обернулся к дому.

— Марья! — Крикнул он, обращаясь к раскрытому окну, — готовь погану посуду, гости к нам.

Слышно было, как в доме что-то сбрыкало. После этого на волю выглянуло испуганное женское лицо.

В доме был полумрак, видно было, что изнутри освещают его мигающие огоньки лампад, висящих перед иконами.

Женщина истоиво перекрестилась.

АНЮТКА

Под навесом у дома хозяева накрыли стол. Посреди стола – горшок с постным варевом, мед в глиняной плошке, хозяйка принесла каравай ржаного хлеба, и хозяин нарезал его крупными ломтями.

– Хлеб на стол, так и стол – престол! – Сказал хозяин.

Прибежала с опушки Анютка с подойником, в глиняную плошку налили лосиного молока, крошили хлеба.

Хозяин широким взмахом двумя перстами перекрестился и перекрестил стол.

– Хлебайте, с Богом! С вами Анютка побудет, а мы стога метать. Вечером, говорить станем. Все людишки наши соберутся.

Взрослые ушли, а ребята принялись за еду.

– Мне тятя сказал, что вы некрещеные! За стол сели, лба не перекрестив, – сказала Анютка, со страхом поглядывая на ребяташек.

У Васьки с Колькой ложки застряли на полпути. И оба они почему-то покраснели.

– Наука доказала, – пробормотал Васьска, – что Бога нет. Это эволюция сделала из обезьяны человека, а не Бог. Люди скоро в Космос полетят, как можно верить в бабушкины сказки?

Анютка в испуге подняла руки, словно защищаясь от страшных слов.

– Не говорите никогда такого. Господь на Крест за всех нас взошел, а протопоп Аввакум мученическую смерть принял, врагами старой неискаженной Никоном веры заживо сожжен был... И вместе с ними тысячи истинных ревнителей православия...

В словах девчонки было столько страсти и непоколебимой веры, что юные богоотступники замолчали.

– Ты, прости нас, Анютка, но ни о протопопе, ни о Никоне ничего не знаем. У нас в школе такого не проходят. Расскажи, кто

они такие и почему меж ними борьба была. – Попросил уважительно Васька.

– Я мигом. – Посветлела лицом Анютка. Она скрылась в доме и скоро вернулась с большой старинной книгой в кожном переплете.

– Я прочитаю вам из жития преподобного протопopa Аввакума. – Анютка бережно открыла книгу. Это писано им собственноручно в Пустозерске в царской ссылке, куда протопopa Аввакума сослали, за то, что не покорился лживым церковным нововведениям.

Это было двести пятьдесят лет назад. До того православная наша вера семьсот лет была неизменной. А царь Алексей Михайлович допустил до церковных книг пришлых людей, лживых да завистливых, которые православие на католический манер стали перекраивать. И стали они те книги переписывать да править, церковную службу менять, вместо двуперстного крестного знамения, щепоть бесовскую вводить. Главную молитву «Символ веры» переписали. А патриарх Никон стал несогласных с нововведениями гнать, на цепь сажать, головы им рубить и огнем жечь. И стал на Руси Великий раскол.

Ребята смотрели на эту девчушку, не видевшую ни разу в жизни иных людей, кроме своих деревенских, не знавшей достижений науки и техники, не ведавшей о ходе мировой истории, а жившей в остановившемся времени, и не понимали, то ли ее жалеть, то ли восхищаться ею и завидовать ей. Что-то было в ней настоящее, уверенное и мудрое, что заставляло чувствовать себя рядом с ней маленькими и несмышленими...

Ее глаза были полны смиренного достоинства и непоколебимой веры.

– Вот протопop Аввакум оставил нам слова истинной правды: «Мы святых отцов церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем. – Стала читать она из принесенной книги.

– ... привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели,

не казня, в темницу. Читали в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восьмь и больши, да братья паки есть велели.

Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка.

Тоже, положи правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно.

Посем взяли соловецкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перста!

Посем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же.

И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чудо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить!»

Ребята слушали старинный слог жития, затаив дыхание. Трудно было представить, что ради каких-то незначительных поправок в церковных книгах, ради незначительных изменений обряда одни люди шли на смерть, а другие были способны жечь на кострах несогласных.

— Так вы и есть те самые староверы? Нам про вас говорили рыбаки с Оби. Получается, что у вас никакой связи с миром не было. И как давно вы так живете? — Спросил Васька.

— Наш батюшка рассказывал, что во времена раскола многие несогласные с царем и патриархом, затеявшими нововведения, уходили от преследования на Волгу, на реку Керженец. Там, на озере Светлояр в недоступных местах построен был град Китеж, и жили в нем, следуя старой вере, многие знатные и простые люди. И что даже скрывался там царский сын, первенец царя Алексея Михаил со своей семьей, которому дорога

была неисправленная, не замусоренная вера.

Тогда рассерженный царь лишил его престола, а сам стал воевать Соловецкий монастырь, где 300 монахов восстали против новой веры. Шесть лет не сдавался Соловецкий монастырь, пока обманом и подкупом не взяли спящих монахов, истинных хранителей веры.

Всех их по приказу царя казнили. Одних подвешивали за ребра на железные крюки, других вмораживали живьем в лед... А спустя короткое время и сам «безумный царишко», помер весь в гное и струпьях.

Потом уже царь Петр послал свои войска на поиски града Китежа и своего старшего брата Михаила, законного наследника престола.

Когда войска подошли совсем близко к граду Китежу, то город стал невидим и погрузился, рассказывают, в воды озера Светлояр. И явится на свет град Китеж только с пришествием Христа на землю. Вот.

Девчонка передохнула, аккуратно перекрестила себя двумя перстами и закончила рассказ:

— А Михаил со своими сыновьями взошел в огонь и закончил свою жизнь самосожжением, чтобы уберечь невинный народ от преследований и казней.

Ребята сидели потрясенные, оглушенные и повзрослевшие, казалось, сразу на много лет...

— Вот я вам еще из протоппа Аввакума прочту, сказала, наконец, Анютка, открыв книгу на странице с березовой закладкой:

— А в огне том здесь небольшое время потерпеть, аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися печи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До печи той страх-от, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся...”

Анютка замолчала. Над скитом стояла такая тишина, что казалось, слышно было, как растет трава и, как паук под сенью крыши плетет свою паутину.

— А как же ваши-то попали сюда? — Тихо спросил Колька,

не сводя восторженных глаз с Анютки.

– Наши-то? Старцы тогда прокляли царя Петра, и весь царский род, назвав его антихристовым, и увели многих за Урал, в Сибирь, где царская воля не могла их достать. Ушли в поисках Беловодья – страны Добра, Истины и Справедливости.

– А нашли эту страну? – хотел было спросить Васька, но не спросил. Слишком много мыслей и чувств теснилось в его голове и груди.

...К вечеру в деревне стал собираться народ. Возвращались покосники, рыбаки, полесовики. Мужчины все до одного в окладистых бородах, волосы на голове удерживали берестяные обручи, на всех домотканые рубахи и порты. Женщины в вышитых сарафанах с покрытыми головами, и ребятишки, необычно сдержанные и степенные.

Народ с настороженным любопытством поглядывал на незваных гостей, ждал, когда старшие начнут разговор.

Наконец, в центр круга вышел белый, как лунь, старик, опиравшийся на деревянный посох, на конце которого был искусно вырезан крест.

– Бог послал нам вестников из греховного мира, из которого мы, гонимые антихристом, ушли уже более двух столетий назад. Мы жили по священным заповедям, как жили до Великого раскола семьсот лет наши предки и наши великие святые Кирилл Белозерский и воитель Александр Невский, протопоп Аввакум и Соловецкие мученики.

Бог хранил нас от всех бед и невзгод. И теперь спрашивайте этих неискушенных грехами чад, что расскажут они о том, мире, что остался за пределами нашими.

Колька Покачев подтолкнул вперед себя Ваську.

– Ты говори. Ты уже пятилетку закончил.

Васька сделал шаг вперед. Сотни глаз были устремлены на него. И Васька вдруг почувствовал ответственность всего мира перед этими людьми, ушедшими из него от обид и унижений. Что сделал за это время человеческий мир, чем он может погордиться? Жил ли он в любви и согласии, к чему стремились, как понял

он, истинные христиане?

Васька вспомнил, что по земле за эти двести пятьдесят лет прокатилось столько опустошительных войн, столько было разрушено сел и городов, убиты, сожжены, наверное, не десятки, а сотни миллионов ни в чем неповинных людей... Он вспомнил своего погибшего в огненном пекле отца, мать, безвинно осужденную и страдающую где-то за колючей проволокой... И ему стало не по себе. Он не знал, что сказать этим людям.

– А у нас изобрели радио, телефон и рацию. Можно в черную такую трубочку говорить, а тебя услышат за тысячу верст, – выдавил, наконец, он из себя. – Люди стали летать по небу на самолетах, ездить на быстроходных машинах и поездах.

Люди молча слушали. А Васька снова подумал, что все эти изобретения опять-таки работают на войну...

Беседа затянулась едва ли не до полуночи. Хозяин отвел ребят ночевать на сеновал.

– Хорошие вы ребята, – говорил он. – Оставались бы у нас. Веру бы нашу приняли, мы бы оженали вас здесь, дома бы вам всем миром поставили. Надо нам кровь свою разбавлять со стороны, а то вся деревня давно уж родня. Детей от этого много мрет, – сказал он с грустью.

– Нам, дяденька, никак нельзя, – отвечал Колька. – Нам на Шаман надо.

– Жалко вас, без веры живете, без любви, в грехе и жестоко-сердии...

– Как без любви? – Поперхнулся Васька. И он вспомнил сразу и маму, и девочку Лару, и Виктора Акимовича, и своих детдомовских друзей...

– А так, что без любви к Богу никакой другой любви быть не может, – отвечал хозяин. – Как протопоп Аввакум наставляет нас? «Любити Бога всем сердцем и всею душою, и всем разумом и всем помышлением... Чти родителей, прочих сродников, потом „вся человеки во истину любви, Бога ради...“ «...аще время привлечет и пострадать брата ради по Христову словеси, больше бо любви несть, да кто душу свою за друга своего положит...»

Васька и Колька долго лежали на сеновале и могли уснуть.

— А как ты, думаешь Колька, отец мой разве не ради любви к нам погиб на фронте... Разве не положил он душу за друга своего?

— Я думаю, Васька, твой отец был настоящим мужчиной.

— А ты бы мог ради веры, ради друга своего войти в огонь и сгореть в нем?

Колька долго молчал, наконец, выдохнул:

— Я не знаю, Васька.

— Я тоже не знаю, Колька. Страшно даже представить.

Они долго лежали молча без сна.

— А знаешь, Васька, вот я вырасту большой, и приеду сюда сватать Анютку. — Сказал Покачев. — Как ты думаешь, отдадут ее за меня?

ЛУКЬЯНОВ КОРДОН

Малолюдна эта земля. Деревня от деревни на десятки километров, стойбище от стойбища в несколько дней езды на собаках или оленях...

Кружит над просторами ее неоглядными черный ворон, хрипло грает. Седые замшелые елки стерегут тишину, бродит таежными урманами косматый лесной человек, встает на задние лапы и рвет когтями стволы сосен и кедров, показывая свою силу и власть. Страшно попасть сюда человеку городскому, где на каждом шагу опасность, где следят за тобой напряженно сотни встревоженных глаз.

Колька шел так, как будто знал это место, как пять своих пальцев. Вскоре меж деревьев образовались явные признаки тропы. Она, петляя между деревьями, вывела их к речке, на которой был устроен заезок. Небольшая речушка была перегорожена частоколом, укрепленным еловым лапником. В этой искусственной плотине оставалось лишь малое место для прохода рыбе, а в самом проходе стояла сплетенная из ветвей ивы ловушка – морда.

Ребята обрадовались. Место явно было обжито человеком. Было видно, как в морде серебрится попавшаяся рыба. И это тоже был добрый знак.

Повеселевшие путники сразу ощутили приступ голода и по набитой тропинке пустились дальше.

Вскоре тайга стала редеть, послышалось фыркание лошади и следом залилась лаем собака. Ее веселый лай благовестом звенел в тайге, отдаваясь в самых ее дальних углях.

Еще несколько минут хода, и они вышли на уютную поляну, с избушкой посреди ее, крытой еловой корой. На крыше вместо конька сидел живой глухарь, распушив хвост. На лужайке мирно паслась лошадь, а у избушки вертелась собака остроушка, хвост

которой был загнут лихим калачом.

Собака бросилась им навстречу, обнюхала, не выражая агрессии, а затем, дружелюбно вильнув хвостом, повернулась к дому, словно приглашая гостей отправится за ней.

Из избушки вышел высокий, одетый в длинную рубаху без пояса старик с седой стриженной бородой и такими же седыми стриженными под горшок волосами. Казалось, что его нисколько не удивило появление в этой глуши ребяташек. И только дрогнувший голос выказал, насколько обрадовало старика неожиданное появление детей.

— Соболько, — крикнул он ласково собаке. — Что плохо гостей встречаешь?

Тотчас Соболько принялся усиленно вилять хвостом и кружиться волчком вокруг ребят, заливаясь безудержным радостным лаем. Лошадь, пасшаяся на поляне, подняла голову и приветственно заржала, глухарь заходил взволнованно по крыше...

— Имею честь представиться, — по-военному доложил старик, подходя с улыбкой к ребятам. — Лукьян Северьянов, по образованию и призванию геолог, по существу охотник и отшельник.

— Василий Уралов! — Чувствуя расположение хозяина и теперь уже нескрываемую радость гостям, так же весело и радостно ответил Васька. — Ученик шестого класса Погореловской семилетней школы.

Он обернулся к Покачеву.

— А это вот Николай Покачев. Он мой друг. Мы вместе с ним идем на Шаманозеро. Это его родовое озеро.

По лицу старика пробежала тень.

— Озеро, говоришь, — сказал он, погрузнев. — Покачев из рода Шуки. А я знаю это озеро. И отца твоего, Коленька, Василия Андреевича, — он запнулся на этом слове, и продолжил, ласково глядя мальчику в глаза, — хорошо, Коля, знал... И тебя, Коля, видывал...

Колька Покачев вспыхнул, и лицо его озарилось радостной

надеждой.

Старик покачал головой, помолчал.

— Экая вот история приключилась. Тебя же ведь Коля геологи в детский дом отправили. А тебя, понимаю, снова в родные края потянуло...

Колька потупил голову.

— Ну, что же это я гостей дорогих держу у порога, смутился хозяин. — А ну, проходите в мои палаты...

Ребята вошли внутрь убогого Лукьянова жилища. В углу стояла печь каменка, топящаяся по-черному, маленькое оконце, стол, пара лавок, дощатый топчан с овчинным тулупом, над ним полка с тетрадами и бумажными папками.

— Сейчас я сгношу скоренько вам поесть, а уж потом мы разговаривать станет, — хлопотал гостеприимный Лукьян.

Он положил в глиняную миску мелких сухариков из полотняного мешка, залил их квасом, бросил туда пригоршню дикого лука черемши, брызнул в похлебку с птичьего перышка маслом, стоящем в глиняном горшочке на печи.

— Вот такая наша таежная еда. Прошу не осудить.

Но ребят не надо было просить трижды. Они тут же дружно застучали деревянными ложками. Лукьянова похлебка показала им верхом кулинарного искусства.

А хозяин тем временем принес на стол вяленое копченое мясо и нарезал его длинными ломтями. Мясо дивно пахло, на срезе аппетитно алело.

— Это вам на прикуску вместо хлеба. Ешьте от пуза, как говориться. А я пока чайку заварю.

Скоро они пили душистый таежный чай, все страхи минувших дней отступили, покой и тихое блаженство разливалось по мальчишеским телам и душам.

— Мы к вечерку еще и баньку соорудим! — радовался Лукьян. — А пока расскажите-ка мне, что за нужда привела вас в эту глухомань. Гляжу на вас и сам себе не верю, вы словно с неба свалились.

— Ох, дедушка Лукьян, тут такое было, такое! — округлил

Валька глаза. – Мы тут такое видели, такое, что другому бы я и не поверил. Вот как! Вот вы когда-нибудь видели, что бы целая деревня жила в тайге и слыхом не слыхивала ни про революцию, ни про войну, ни про то, чего сейчас на белом свете делается? Видели, как болото дыбом встает, или как медведище страшный верхом на лосе скачет?!

Лукьян понимающе покачал головой.

– Ну, об этом мы еще поговорим. А вы начните-ка сначала.

И Валька стал рассказывать про свою жизнь. Наверное, это был его первый рассказ о родителях, о самом себе, о том, как он попал в детдом, о друге своем Кольке Покачеве, как бежали они в страшную грозу из приюта, решив твердо пробираться на родное Колькино Шаманозеро, как скитались по тайге, как встретили страшного медведя, стреляли в него и потеряли все свои припасы и ружье.

Потом рассказывал Колька про свой род Шуки, про то, как они жили счастливо и как однажды произошло что-то страшное, о чем Колька знает лишь по рассказам геологов, доставивших его в детдом. И как Колька решил вернуться в родные места, чтобы отыскать родственников и поставить на озере свой чум.

Лукьян слушал ребят внимательно, не перебивая. Лишь изредка покачивая головой. А когда смолкли ребята, закончив рассказ о своих приключениях, убрал со стола остатки трапезы и расстелил на нем старую истертую карту, с которой, должно быть пройдено было не мало дорог.

– Вот смотрите, что я вам скажу, – склонился Лукьян над столом. – Вы говорите, что вошли в устье Кондаса и пошли вверх по течению, что бы выйти к Шаманозеру. Все правильно. Только вот тут-то у вас и вышла ошибка. Вы пошли не по Кондасу, вы до него не доплыли километров десять. Вы пошли по другой таежной речке – Стриге. А она увела вас в сторону от Шаманозера прямо на Великую чисть. Вот, видите, какое это гигантское болото, – старик чертил по карте крепким своим ногтем, словно указкой, – По нему, должно вы первые прошли. И то хорошо, что вы его перешли поперек, а идти по нему вдоль – настоящая

погибель. Вот таким путем вы и попали ко мне. И, можно сказать, ваши усилия не приблизили вас к цели, а отдалили ее. Ведь от моего кордона до реки рукой подать. На лошади я за день обернусь. Так-то, братцы путешественники.

Покачев повесил голову. Опечалился и Валька...

— Интересно, интересно, — продолжал старик. — Однако, я вокруг болота этого хаживал когда-то давно, но вот старообрядческой деревни не находил. Слышал от стариков, что есть в тайге такое место — Светлый Уймон, а не находил его. Видимо, не каждому дается. Вот вам, чистым душам — открылся он, а я стар и много грешен.

— А где же наше стойбище? Где Шаманозеро, дедушка Лукьян? — Взволнованно спросил Покачев.

— А вот и Шаманозеро ваше. — Толстый ноготь Лукьяна скользнул по карте на север, упершись в голубое пятно, очертаниями своими походившее на щучью голову.

От моего кордона до Шаманозера теперь не меньше десяти дней ходу.

Ребята пригорюнились.

— Но вы не печальтесь. — Поддержал их Лукьян. — То, что я вам расскажу, думаю, поменяет ваши планы. Я думаю и заблудились вы не зря, не зря и болото вставало дыбом, я думаю, что это, ребятки, судьба нас свела вместе. Но утро вечера мудренее, говорят. По утру все и решим, а сейчас, пойдемте-ка мы в баню.

Васька с Колькой проснулись поздно. Выглянули на улицу. Роса на траве уже высохла, солнце стояло выше елей, в воздухе серебрясь летали паутинки, стояла первозданная тишина. Лукьян чистил у очага свежую, по всему видно только что выловленную рыбу.

— Васька, — в волнении прошептал Покачев, — гляди!

Васька обернулся. У порога избушки стояли их походные мешки и бердана, потерянные на болоте.

НА КОРДОН ПРИШЛА ЗИМА

Зима пришла в тайгу неожиданно, нежданно. Еще вчера лес горел дивным многоцветьем осени, серебристые паутины сновали в воздухе, грибы водили веселые хороводы под соснами и березами, вдоль столетних бронзовых стволов кедрача сновали неутомимые белки, запасая орехи и грибы по дуплам...

Ребята с дедушкой Лукьяном тоже трудились без устали, заготавливая впрок ягоды, грибы, рыбу... Ждали со дня на день геологов, но их все не было и не было. Северьян еще раз съездил на Обь до поселка лесников на связь, привез мешок муки, сахара, чаю, канистру подсолнечного масла в обмен на пушнину. В тайге что ни день, пахло оладьями, которые пристрастился печь Колька Покачев.

Вечерами Лукьян усаживал ребят за стол и давал им уроки математики, физики, французского и немецкого языка, географии.

— Как бы трудно не было, а человек должен совершенствовать свои знания, иначе пойдет обратный процесс, и человек из высшего создания — венца природы — в два счета может снова превратиться в обезьяну. — Говорил назидательно Лукьян. — Я, думаю, вы не желаете этого?

Ребята засмеялись, а Васька прыгнул со скамьи на четвереньки и стал скакать по избушке, ухая и хоркая, подражая виденной в кино горилле.

Выходило очень похоже, что даже дед Лукьян зашелся в хохоте.

— Я бы мог сказать, что в тебе природный артистический талант, — проговорил отсмеявшись Лукьян, — но видит Бог я не желаю тебе стать артистом, пусть даже самым знаменитым, потому что лицедейство не есть профессия для настоящего человека. Нужно не изображать героев, а становиться ими, нужно

жизнь проживать настоящую, подлинную, а не сценическую. Уж поверьте мне.

Лукьян задумался, уходя мыслями в прошлое.

— А какая профессия самая, самая, на ваш взгляд? — растревожил Васька Лукьяна.

Тот вздохнул и улыбнулся.

— В любой профессии, друзья мои, нужно прежде всего быть человеком.

— Как это человеком? — удивился Колька Покачев. — Медведь не может быть геологом или строителем или учителем...

Васька снова зашелся в хохоте, представив огромного медведя с рюкзаком в больших резиновых сапогах. с ружьем и молотком в лапах, шастающего по тайге...

Лукьян усмехнулся, но отвечал серьезно.

— Конечно, медведь не может быть геологом, не может быть нефтяником, начальником стройки, а вот наоборот, бывает и причем очень часто... И тогда жизнь становится для подчиненных ему людей невыносима. Да и дела-то у такого начальника-медведя никогда на лад не пойдут...

— А что делать, если ты попал к такому начальнику в подчинение? — Посерьезнел Васька.

— А вот что я скажу. Никогда нельзя отступать. Надо идти навстречу трудностям, а не прятаться трусливо от них.

Чаще всего не сила решает все, у человека есть еще ум воля, упорство, хладнокровие... Они и помогают ему выйти в неравной борьбе победителем, — сказал Лукьян, глянув на Ваську проникающим взглядом, словно ему хорошо была известна тайна Васькиного побега из детдома.

— Нельзя отступать, нельзя, тем более, если это сражение идет за любимого тебе человека, — грустно, но убежденно сказал Лукьян и погрузился в свои мысли. Васька же покраснел до корней волос...

Ночью неожиданно похолодало. Где-то далеко за тысячу километров вздохнул исполинской грудью Ледовитый океан, стуженое его дыхание прошло вдоль всей Оби, проникло малыми

реками по всей тайге, опалив морозом еще не успевшую пожухнуть траву.

Ночью в просветленном, подмороженном небе закружили хоровод россыпи звезд. Сияющий рогатый месяц вышел в середину веселья, важно оглядывая небесные просторы. И в это время с севера выплыло белое облако, и начало глотать яркие звезды по одной и целыми созвездиями. Рассердился месяц, ударил своими рогами белое облако, и на землю, на кроны и шатры деревьев посыпались вдруг легкие снега...

Утром выглянули ребята в окошко и увидели волшебно преобразившийся мир, выскочили на улицу и стали пулять друг в друга снежками.

Пришел с реки Лукьян, принес только что пойманных щук, бросил их на снег у порога. Щуки еще били хвостами, разевали свои огромные, усеянные острыми зубами пасти, протаивая в снегу землю и зеленую траву.

— Ну что друзья. Скоро встанут реки, и на нашей улице будет праздник. Станем теперь пироги печь да гостей поджидать, — сказал с радостным волнением в голосе Лукьян.

— Что? Скоро приедут? Геологи? — Закричали ребята.

— Скоро, — отвечал Лукьян. — Теперь уж скоро.

— Ура! — Что есть мочи кричали ребята. — Ура!

От их истошного крика дрогнули ветви деревьев, и снеговые шапки на них пали вниз, рассыпая кругом снежную пыль.

Прошла еще неделя. Зима окончательно утвердилась на всех пространствах Приобья. Даже болота промерзли и отвердели так, что по ним можно было ходить как по полу.

Однажды днем в глубине тайги родился странный неясный звук, словно где-то там далеко кто-то подвывал и поскуливал, временами рычал и огрызался.

Первым этот звук услышал Соболюк, заволновался, глядя настороженно в лес, потом ребята услышали его и тоже заволновались, запереглядывались многозначительно.

Звук этот все нарастал и нарастал. Прошло часа два, и вот уже явственно стало слышно, что тайга зажила какой-то новой

пока еще непонятной жизнью, что вот-вот и сон ее тысячелетий будет разбужен чем-то совершенно новым, неизведанным, но непреодолимо зовущим и манящим...

Вышел из избышки дед Лукьян, прислушался тоже и лицо его радостно преобразилось:

– Ну, ребятки, ликуйте. Едут наши друзья геологи!

Ребятки грянули «ура» и начали восторженно носиться по поляне, увлекая с собой заливающегося радостным лаем Соболька.

Лукьян заторопился, нырнул в избышку и скоро заklubился над ней дымок, извещая о готовящемся там праздничном ужине.

Ребята кинулись на помощь Лукьяну. Колька Покачев тут же принялся за стряпню, затворив сибирские оладьи, Васька носил дрова и воду, дед Лукьян извлекал из кладовых соленья и копченья.

СТАЛЬНОЙ СОПЕРНИК

Ближе к вечеру промороженный лес уже стонал от грохота железных моторов, звук их раскалывал воздух и проникал, казалось, в самые отдаленные уголки тайги. Испуганные звери, преодолевая страх неизведанного, настороженно всматриваясь в чащобу: что это движется им на встречу то ли погибель их, то ли пожива?

Барсуки и медведи храпели по своим норам и берлогам, не видя и не слыша прихода новых обитателей тайги. Но не все, кому положено в это время видеть сны, спали.

Огромный медведь с косым шрамом через левый глаз, с зарядом васькиной дробы уже заплывшей жиром, бодрствовал. Он слышал рождение новых звуков в тайге, ловил резкие запахи гари, распространявшиеся на многие километры, оставляемые на пути пришлого соперника, и с каждой минутой беспокойство все сильнее и сильнее одолевало его.

По закону медвежьего рода он не должен допустить в пределы свои соперника. Здесь только он, самый сильный и самый грозный мог вершить над бегающей, летающей и ползающей тварью свой страшный суд: кому стать его добычей, а кому еще бегать, летать и ползать, нагуливая до поры до времени тело и жир.

Старые раны, нанесенные ему человеком, болели и свербили, требовали отмщения... Он не мог спать, не мог жить прежней медвежьей жизнью. Он встал на тропу войны.

Слыша новые звуки и запах соляного перегара, он раздувал ноздри, вставал на задние лапы, выпускал когти и, грозно рыча, срывал ими на высоте почти трех метров кору с сосен и кедров.

Если бы в эти края зашел его соперник, то прежде чем вступить в борьбу с хозяином территории, он должен был помериться с высотой заданной метки. Если ты меньше и не в состоянии

на такой же высоте драть с деревьев кору, то тебе и думать нечего о соперничестве. Ступай своей дорогой, ищи не занятые места...

Этими метками была помечена огромная территория, которую считал он своими владениями. Но похоже незваный гость перешел границу, пренебрег законами тайги и теперь нужно было вступить с ним в сражение.

Медведь взревел, что есть мочи, и тайга разнесла на многие километры этот леденящий кровь боевой клич.

Огромными прыжками бросился лесной человек навстречу сопернику, горя желанием уничтожить его, разорвать на клочья, пролить горячую кровь его на холодный искристый снег.

Могучие мышцы его перекачивались под шкурой, покрытой длинной лоснящейся шерстью, стальные когти легко вспарывали моховой покров и промерзшую землю,

Комья земли и ошметки кочек веером летели по за ним, встречные мелкие деревца и сухостоины, попавшиеся на пути, ломались, как высохшая трава...

Словно артиллерийский снаряд пролетел он болото, речку, сосновую гриву, выскочил на берег озера, утробно ревя,

И тут в грохоте, лязге, сиянии огней появилось чудовище, при виде которого шерсть на медвежьем загривке встала дыбом. Он попытался остановиться, но инерция была велика, и он проехал на лапах метров десять, едва не угодив под ревущее и грохочущее, исторгающее жар и смрад чудовище, превосходящее многократно его размерами и силой.

Глаза чудовища горели огнем, и огонь этот был настолько велик и силен, что от него загоралась едва ли не вся тайга, он исторгал страшный рык и рев, перекрыть который медведь был не в силах, он тащил по за собой, как змей огромный хвост, и на хвосте этом сидели люди, которые кричали и махали руками, показывая на хозяина тайги...

Потрясенный медведь рывкнул, сделал громадный прыжок в сторону и повержено бросился под кров тайги.

Он летел, не разбирая дороги, слыша только грохот и лязг,

ноздри его ловили дурманящий запах сгоревшей солярки, а в глазах отражались сполохи огня, игравшие над сумеречной тайгой.

И только ночью, лежа под гигантским еловым выскирем, вывернутым из земли летней грозовой бурей, пришел «лесной человек» в чувство после этой встречи. Вместе со стремлением уйти, спрятаться в чаще в самом дальнем таежном углу, родилось желание следовать за этим чудовищем, стать умнее и коварнее, подстеречь его, выкараулить. нанести удар, переломить хребет и выпустить дурную кровь из агонизирующего железного тела...

ПРИЕХАЛИ!

В сумерках, проламываясь через мелколесье, на кордон прибыл геологический поезд. Передовой грохочущий трактор на широких гусеницах тащил за собой сани, на которых была установлена цистерна с горючим, на других санях стоял жилой вагончик, второй трактор тащил в сцепке пару саней с оборудованием и прочим снаряжением для строительства площадки и установки буровой.

Лукьян с ребятами по русской традиции встречали геологов хлебом солью.

Стихли дизеля, и над поляной повисла было первозданная тишина. Но тут отворились двери вагончика и на снег, словно горох со смехом и шутками посыпался веселый молодой народ.

Распахнулась кабина трактора и на широкую гусеницу ступил крупный мужчина в собачьих унтах, дубленом полушубке и мохнатой шапке.

Веселые голубые глаза его сияли, скуластое лицо озаряла радостная улыбка. Он легко спрыгнул на землю и сгреб в свои объятия Лукьяна.

— Ну, батя, ты все-таки дождался. Теперь-то мы отсюда без фонтана не уйдем.

— Не уйдем, Иван Тимофеевич! Тут она нефть, тут. Я ее носом чую. — Радовался Лукьян, обнимая приезжего человека.

Лукьяна Северьянова и ребятшек уже окружили геологи, тормошили их, протягивали руки, знакомясь.

— Гляди, гляди, Васька, — Колька Покачев показывал на молодого парня, возившегося со сцепкой у трактора. — Узнаешь? Это же Костя Пирогов! Рыбак с Оби. Он нам еще берданку дал.

Действительно, ошибки быть не могло. Это был их Костя.

Васька даже подпрыгнул от радости и завопил во все горло:

— Костя! Костя! Иди скорее к нам!

Широко улыбаясь, Костя шагнул навстречу.

— Ну, здорово, братцы-кролики! Каково зимуете?

— Вот уж не ожидали тут тебя встретить! — радовался Васька.

— А я вот ожидал, — сказал Костя показывая, казалось, сразу все свои зубы. — Берданку хотел вернуть. Не потеряли?

— Нет, берданка цела. Она нас от смерти, можно сказать, спасла. А откуда ты знал, что мы у деда Лукьяна?

— От деда Лукьяна и узнал. Он тут за вас хлопотал все, ездил в поселок, справки наводил, в детдом звонил, усыновить вас хотел, что ли? Да не дают ему, вроде как. Стар, говорят. — Костя махнул рукой. — Ну, да время придет он вам сам все расскажет. — Он обхватил ребятишек и стал тискать их радостно. — Не бойсь, ребята, не пропадем. Мы вас сынами буровой сделаем!

Ребята прямо-таки засияли от счастья.

— А ты-то, Костя, как тут? — Спросил Васька.

— А я тоже решил из рыбаков в буровика переквалифицироваться. Попрактикуюсь с годик, а потом учиться по этой линии пойду. Будем для народа нефть добывать! Здорово, ведь. А? Вон я сейчас вас с Курбаном познакомлю.

Один из прибывших явно был кавказского происхождения. Темные курчавые волосы из — под лихо сбитой на ухо шапки, черная полоска усов над верхней губой, нос с горбинкой, темные горячие глаза, быстрая напористая речь с акцентом. На вид ему было около двадцати.

Он без всяких церемоний сунул свою горячую ладонь Ваське и представился:

— Курбан. Студэнт — нэфтяник. Я из Азербайджана.

— Там тепло, море. Мы в школе проходили!

— Мало проходить! Видеть надо! — Возликовал Курбан. Море солнца, виноград, горы в снегу, цветущие долины. Это моя родина. Это сказка, это счастье родиться и жить в Азербайджане. А меня тянет на Север!

Васька с Колькой слушали его раскрыв рты:

— В Азербайджане — нефть, много нефти. А я в Сибирь про-

шусь. Второй год на практику еду в Сибирь. Распределяться сюда хочу. А тут комариное царство, болота, зимой морозы в пятьдесят, дарог нэт, фруктов нэт, вина нэт, адин спирт. Почему? Сам не знаю. Тянет.

Тут Васька заметил, что в стороне от общей круговерти стоит у вагончика миловидная с румянцем во всю щеку девушка и застенчиво улыбается.

– А это кто с вами? – полюбопытствовал Васька у Курбана.

– А это – очень золотой человек. Это наша Шурочка, наш повар. Готовит – пальчики оближешь!

Курбан тут же подбежал к Шурочке и привел ее за руку в общий круг.

– Вот знакомьтесь, пожалуйста!

Шурочка, ласково улыбаясь, пожала Ваське и Кольке руки, поздоровалась с дедом Северьяновым. Васька почувствовал, что от Шурочки исходит какое-то особое тепло, похожее на то тепло, которое исходило от ее мамы. А тут еще Шурочка положила свою теплую, пахнущую земляникой ладонь на его голову и у Васьки от счастья закружилась голова. И уже нечаянная слеза готова была навернуться ему на глаза, так что Ваське пришлось круто повернуться и пойти в избу словно бы по делам.

У порога он повернулся и увидел, что Колька стоит, прижавшись головой к Шурочкиному полушубку, она обнимает его за плечи и ласково и грустно глядит на Ваську. Сердце мальчишки счастливо защемило...

Вечером начальник геологической партии Иван Тимофеевич Русов, дед Лукьян, Курбан Салманов сидели за картами в дедовой избушке, прокладывая маршрут к Шаманозеру, и вели свои геологические споры. Хотя и спорить-то им не было нужды, поскольку каждый был уверен в больших перспективах этого края, нефтеносность которого не вызывала у них сомнений.

Были споры лишь о тактике: где и как строить площадку под буровую, как вести бурение...

Ребята сидели в вагончике с трактористами и буровиками, гоняли чай. Костя играл на гармошке, пели дружно и проникно-

венно и старинные, и современные песни. У Шурочки был красивый грудной голос, она пела старинные русские песни о кручине, о тонкой рябине, о любви и разлуке... Ее просили спеть еще и еще. Потом в вагончик подтянулись остальные, пели все вместе на несколько голосов про Байкал и про Сахалин..

— А какие в ваших краях поют песни, Курбан? — Спросил Костя, сведя меха.

— У моего дедушки Сулеймана любимая песня была про Ермака. Ну-ка, Костя, подхвати.

Костя развел меха, вздохнули басы, запели, заволновались голоса.

Курбан затянул баритоном:

«Ревела буря, гром гремел,
Во мраке молнии блистали...»

И тот час песня расцвела многоголосьем, набрала силу, выплеснулась за стены вагончика, слилась с мерным шелестом тайги покатила по речным протокам и таежным урманам. И любопытный горноста́й привставал на сосновой ветке, пытаясь разглядеть в окошке вагончика новых обитателей тайги и понять своим звериным чутьем, с чем эти обитатели пришли сюда и надо ли от них прятаться, и бежать в самую глухомань...

«И беспрерывно гром гремел,
И в дебрях бури бушевали...»

Песня лилась слаженно, мощно, все, кто находился в вагончике, чувствовали себя единым целым, единым братством, которому подвластна и посильна любая задача, любое дело...

Песня кончилась, но долго еще сидели молча, наслаждаясь пережитым чувством. Наконец, Костя обратился к Курбану.

— Ничего не понимаю, как у твоего дедушки, который живет высоко в горах Кавказа, могла эта песня стать любимой?

— Расскажу! — Оживился Курбан. — Мой дедушка к Сибири непосредственное отношение имеет. Он здесь все свои молодые

годы провел. Он и меня Сибирью заразил.

Хотя, дед, здесь не по доброй воле оказался. А я па свайе собственной инициативе.

– Расскажи, Расскажи, Курбан. – Загудел народ.

– Эта была еще до революции. Моему деду было семнадцать. Он без устали трудился на винограднике, пас овец, растил скот, а прибыли имел мало. Земли было мало, земля бедная, народ тоже бедный.

Но бедный народ должен платить богатому имаму налог за веру в Аллаха. И все платили. И мой дед платил, а потом говорит, что платить не станет. Нечем платить, была засуха, урожай выгорел, скот приплода не дал.

Поэтому власти к подобному неповиновению отнеслись серьезно. Из губернского города отправили к деду Сулейману муллу, чтобы тот наставил ослушника на путь истинный и получил с него деньги.

Вот приходит мулла к деду на пастбище, где тот пас баранов, и начинает его увещевать:

– Почему ты не хочешь делиться с аллахом?

– А чем я буду делиться, если у меня нет урожая и нет приплода?

– А потому, что Аллах дал тебе землю, а ты плохо, нерадиво на ней трудился и ничего не вырастил.

– Если он дал землю, – отвечал Сулейман, – так зачем же он послал засуху, чтобы ничего не выросло а патом еще и прислал тебя, зная, что у меня ничего нет.

– Потому, что ты богохульствуешь, и Аллах наказывает тебя за непослушание. На все воля Аллаха, нужно покорно следовать его воле.

– Но, если на все воля Аллаха, то не обессудь. Я сейчас дам команду своим псам и они по воле Аллаха снимут с тебя штаны.

И тут собаки, словно осмыслив слова хозяина, бросились на муллу и гнали его чуть ли не до самого селения.

Покусанный и изодранный мулла пожаловался властям, и моему деду влупили за богохульство 20 лет каторги.

Он рассказывал мне, как гнали их этапом в Сибирь, как перешли они границу Европы и Азии и спустились с уральского хребта, как показалось деду, в преисподнюю.

Сбитые в кровь кандалами ноги, разбитые дороги, снежные бураны и метели, лютая стужа в пятьдесят градусов, стылый как камень хлеб и пустая похлебка, сваренная в поле...

Деду казалось, что это ворота в ад. Но вот парадокс, вернувшись в свое село, он всегда тосковал по Сибири. Скорее всего, потому и я здесь.

— В чем состоит эта притягательная сила ее, мне еще только предстоит узнать? Наверное, и вам тоже.

ВПЕРЕД, НА ШАМАН!

Экспедиция выступала на следующий день. Впереди шел трактор болотоход, подминая широкими гусеницами мелкоколесье. Счастливые ребята ехали с буровиками в вагончике, у всех было приподнятое, радостное настроение.

Дед Лукьян ехал верхом на Карьке следом, а веселый Соболько, то и дело забегал вперед грохочущего поезда, перекрывая шум звонким восторженным лаем.

На второй день пути ударил мороз под тридцать. Тайга словно оцепенела от стужи, на ветках деревьев появилась бахрома инея. Это мороз выжимал из деревьев лишнюю влагу. Воздух стал стеклянным, трактора уже не грохотали так, как вчера, их шум стал тоньше и звонче, словно в тайге кололи и били стекло.

Но снегу было мало, и колонна шла уверенно вперед.

В полдень подошли к закованной в лед речке Стриге. Отсюда до Шаманозера оставалось всего километров двадцать.

Первым выскочил на лед Курбан. Он прокатился в утлах по льду. Лед стоял как броня. Следом за ним высыпали на лед и остальные.

— Мой дед Сулейман рассказывал, что впервые увидев лед, он долго не мог преодолеть страх и вступить на него, — веселился Курбан, подпрыгивая и всем весом пробуя крепость льда. — Для южного человека дико, что река может быть твердой!

Иван Тимофеевич Русов прошелся, постукивая по льду пешней, попросил Костю пробить лунку, чтобы определить толщину льда и глубину реки.

За эти морозные бесснежные дни образование льда на реках шло стремительно. Костя долбил лунку минут пять, прежде чем в ней показалась вода.

Лед был не менее сорока сантиметров, а глубина реки на середине — около трех метров.

Все смотрели на Русова, ожидая решения.

— По моим предположениям трактора должны пройти. Первая сотка тащит за собой горючее, потом возвращается и перетаскивает вагончик. Потом идет второй.

— Конечно, можно не рисковать, заняться устройством переправы, наморозить дорогу и спокойно переправиться, но времени потеряем много. — Размышлял вслух Русов. — А это для нас чревато тем, что наши противники снова возьмут верх и финансирование экспедиции прекратится. Мы должны действовать стремительно.

— Николай! Ты пойдешь первым, — решительно сказал он, обращаясь к трактористу. — Отцепляй вагончик. Держи дверцы кабины открытыми, чтобы можно было выскочить, если лед обломится.

— Пройдем, Иванович! — Обрадовано замотал головой Николай и радостно бросился к трактору.

Вскоре все было готово к переправе. Болотоход медленно спустился с берега на лед и замер, как зверь перед решающим прыжком.

— Пошел! — Дал отмашку Русов, напрягшись так, словно он сам должен был перетянуть на ту сторону реки цистерну с солярой.

Трактор взревел всей сотней лошадиных сил и вылетел на лед, кроша поверхность его на искрящиеся под солнцем кристаллы.

Минута, другая прошли в напряженном ожидании. Лед удерживал железную махину. И вот гусеницы подминают противоположный берег Стриги.

— Ура! — грохнули геологи, и тайга отозвалась им многократным эхом.

Трактор оставил на противоположном берегу сани и снова вернулся за вагончиком. Все прошло благополучно. Лед держал, как броня, даже ни единой трещины не появилось на его поверхности.

У второго трактора, старенького уже ХТЗ, гусеницы были

много уже, поэтому сани с оборудованием, цементом перетаскивали тем же болотником.

Наконец, настал черед переправиться второму тягачу.

Молодой тракторист, почти мальчишка, сильно волновался, но пытался виду не подавать.

– Не бойся Гриша, – наставлял его Русов. – Попытайся спуститься, как можно мягче на лед, а дальше жми на всю гашетку! Главное не потерять скорости. Понял? Но в случае чего, увидишь, лед проседает и трещит, оставляй рычаги и прыгай, как можно дальше, да смотри, на гусеницу не угоди.

– Понял, Иван Тимофеевич. – Отвечал парнишка, унимая волнение.

Трактор, взревев мотором, подошел к кромке берега и вдруг, не сбавляя ходу, ринулся на лед. От удара тяжелой машины лед затрещал, по нему побежали глубокие трещины и вода начала выступать на поверхность. Трактор летел к середине реки, но лед под ним начал стремительно проседать, гусеницы уже выбрасывали за собой водяной веер, скрывшись в воде на половину. Еще секунды две, три и трагедия станет неминуемой.

– Прыгай! – Перекрывая рев двигателя, закричал Русов! – Прыгай, Гриша!

Из распахнутой кабины появилась голова Гриши, он испуганно оглянулся на берег и бросился вон. Он успел откатиться от медленно оседающего в воду трактора, встал на колени и, глядя, как река забирает его машину, заплакал.

Первым к нему прибежал Курбан и потащил потрясенного Гришу на берег.

– Не реви, – строго сказал ему Русов, бледный как мел от пережитого потрясения. – Нет такого случая из которого геолог не нашел бы выхода. Не реви, достанем мы твоего тягача.

Трактор ушел под воду полностью, даже труба была не видна. Лукьян подошел к Русову. В глазах его было страдание.

– Что делать, Тимофеевич, станем? – Спросил он с печалью в голосе.

– Без этого трактора экспедицию загубим, – отвечал Русов.

Поэтому выхода у нас нет. Будем доставать.

— Как? — Поразился Лукьян.

— Тросами, — ответил односложно Русов.

Перешли на другой берег, Русов велел достать трос с чоком, протаскать его от болотохода до полыньи.

...Полынья парила, темная свинцовая вода, от вида которой уже начинали болеть зубы, свивала упругие струи над едва видимыми очертаниями трактора.

Русов велел принести валенки, тулуп и бутылку спирта, после чего стал решительно раздеваться у кромки полыньи. Его красивое, тренированное тело тридцатилетнего мужчины, обнаженное среди этой оцепеневшей от мороза тайги и закутанных в меховые одежды людей, казалось пришедшим из других миров. Все замерли, не в силах что — либо сказать.

А Русов, взяв в руки один конец троса с чоком, ухнул в ледяную купель.

Ему показалось, что тело его сжало со всех сторон с такой силой, что он не сможет больше сделать ни вдоха. Миллионы острых игл впились в него, а руки и ноги начало сводить судорогой. Но, собирая в кулак волю, Русов справился с непреодолимим желанием вынырнуть и спрятаться под меховую полость тулупа. Он открыл глаза и начал погружение.

Трактор, видимо, еще какое-то время шел по дну. Поэтому передняя часть его — фаркоп, за который нужно было завести трос, оказалась под слоем речной гальки. Хуже того, большой валун не давал возможности зацепить чокер. Русов уперся ногами в дно и попытался плечом отодвинуть валун в сторону. Но камень лишь едва пошевелился.

Больше находиться под водой не было сил. Еще несколько секунд и он может остаться здесь у этого трактора навечно. И тогда прощай мечта о сибирской нефти...

Его долго не было на поверхности, опасно долго. Наконец, он вынырнул, отдуваясь, и протянул руку. Его подхватили, вытащили на лед и запахнули в тулуп.

Шурочка, чуть не плача, протянула Русову в дрожащей руке

стакан со спиртом.

Русов выпил спирт залпом и даже не стал его запивать, молча стоял, прислушиваясь к себе.

Наконец, спирт начал действовать, погнал кровь по жилам, глаза у Русова оттаяли, и он выдохнул с огорчением и в то же время твердой решимостью:

– Трудно одному завести трос, очень трудно. Но я справлюсь. Я буду нырять до тех пор, пока не закреплю его.

– Эх, где наша не прападала. – Курбан ударил шапкой о лед и стал сбрасывать с себя полушубок.

Остановил его Костя.

– Не надо, Курбан. Охлонись! Ты человек южный, тебе нужно еще много на севере пожить, чтобы закалиться. Я пойду. Для меня это дело привычное. И Костя сбросил с плеч фуфайку.

– Подожди меня, Иванович! – Сказал он твердо. – Я помогу.

Они вместе ушли под воду, и ныряли в полынью еще дважды, прежде чем сумели отодвинуть камень и закрепить трос на ХТЗ.

Тем временем ломami и пешнями остальной народ пробил во льду к берегу дорогу.

Теряя силы и сознание, Русов дал отмашку и, взревев сто- сильным мотором, болотоход медленно начал выводить к берегу утонувший трактор. Скоро показалась его труба, потом кабина и вот уже весь он, обрастая тут же ледовым панцирем, показался на берегу.

И снова дружное «ура» потрясло заиндеветшую тайгу.

Отпоив героев спиртом и чаем, Шурочка уложила их спать в жарко натопленном вагончике. Тем временем Гриша с Николаем пытались оживить «утопленника». Их усилия не пропали даром. К вечеру «утопленник», взревев мотором, заявил о себе.

Моржи-добровольцы уже пришли в себя и сидели вместе со всеми за вечерним чаем.

Шурочка не сводила влюбленных глаз с Русова.

ПЕРВАЯ БУРОВАЯ

К Шаман-озеру подошли через день на рассвете. Шли всю ночь, чтобы наверстать упущенный день. Николай с Гришей едва не засыпали за рычагами. Шурочка той дело поила их крепким чаем из термоса. Наконец, под утро тайга раздалась, и в свете фар передовой сотки открылся заснеженный простор Шаман-озера.

С трех сторон вплотную к озеру подступала тайга, сосны стояли прямо по урезу воды, с четвертой южной стороны к озеру примыкала небольшая поляна, на которой еще виднелись следы недавнего человеческого присутствия.

Это были останки вогульского стойбища покачевского рода Шуки. В сумеречном свете словно призрак чернел обнаженными ребрами чум. Ветрами и непогодой с него сорвало покров. Навесы и вешала для вяления рыбы завалились, наполовину торчал из-под снега деревянный лодка — обломок с поломанным веслом...

Трактористы заглушили моторы. Северьянов и Русов прошлись по стойбищу и молча сняли шапки перед останками чума.

— Здесь они приняли свою страшную смерть, — сказал тихо Лукьян. — Не знаю, право, стоит ли рассказывать об этом мальчишке.

Они не видели, что сразу за ними стоит полураздетый растерянный мальчишка, сдерживающий из последних сил слезы.

— Нужно предупредить всех, чтобы люди были предельно осторожны, зверь может быть где-то тут.

— Мы уже видели его на подходе к твоему кордону, — ответил Русов. — Снова не лег зимовать, будет кружить рядом.

Он обернулся и увидел Кольку с глазами полными слез.

Дед Лукьян подошел к мальчишке и обнял неловко, прижимая к себе.

– Ничего, Колюшка, не плачь. Посмотри, сколько у тебя родных и друзей на всю твою долгую жизнь. Они тебя никогда не оставят в беде, – говорил растроганно Лукьян, глядя корявой рукой мальчишечьи вихры.

Прибежал из вагончика проснувшийся Васька

И тоже ткнулся деду Лукьяну в плечо.

К ним уже подтягивалось все остальные члены геологической экспедиции.

– Поглядите, – уже улыбаясь сказал Русов, – все мы здесь родня, если не по крови, то по нефти. Братья по нефти.

...Северьянов показал Русову место, где нынешним летом после землетрясения вышла на поверхность нефть. По предположениям старого геолога добраться до фонтана можно было без особого труда.

Русов был необычайно возбужден и разговорчив. Курбан тоже буквально кружил в танце вокруг указанного Северьяновым места.

– Я видел нефть, я видел много Бакинской нефти и я точно скажу: здесь будет новый Баку! Здесь будет много нефти! Столько много, что мы сделаем не только себя, но и всю нашу страну счастливой!

...Сразу же после короткого отдыха приступили к обустройству лагеря и площадки под буровую установку.

Работали слаженно и четко. Кто-то валил лес, и обрубал сучки, трактора стаскивали бревна на площадку, монтажники готовились к монтажу буровой. Работали день и ночь, спали часа по три-четыре.

Русов торопился. Весь его маленький коллектив знал, что старший их товарищ, начальник экспедиции, устав от бесконечных и бесплодных споров о бесперспективности северных районов, совершил дерзкий самостоятельный шаг, за который он мог жестоко поплатиться.

У страны не было лишних денег. И средств на геологические изыскания отпускалось столько, что геологам не хватало денег даже на покупку резиновых сапог. Да что там сапог, не было

даже, клея, чтобы чинить изодранную по тайге обувь.

Нынешним летом все же выделены были небольшие средства для организации геологической экспедиции с тракторами и буровой установкой. Начальником назначен был Иван Русов. Только вот маршрут экспедиции лежал совсем в другом направлении от того места, куда стремилась чуткая душа геолога, куда звал его неотступно старый геолог Северьянов, уверявший, что знает точное местонахождение нефти.

Идти с экспедицией на юг, в бесперспективные, по мнению Русова, районы, было выше его сил. И Иван задумал обходной маневр.

Он решил принять условия и выдвинуться на юг, но дорогой поменять направление и стремительным марш-броском выйти к Шаманозеру, смонтировать в кратчайшие сроки буровую установку и пробиться к нефти.

Пропажу его экспедиции не сразу обнаружат, какое-то время можно будет протянуть, передавая нейтральные сообщения, не привязанные к местности, потом их не сразу найдут. И если за это время они сумеют найти нефть, то вряд ли их будут судить за самоуправство. Победителей не судят.

Свое решение Русов держал от всех в секрете, пока они не вышли в путь. В тот же день он собрал всех своих коллег в вагончике и раскрыв карты, объявил о смене маршрута.

На какое-то время в вагончике воцарилась полная тишина. Если бы кто-то из членов экспедиции не захотел идти по измененному маршруту, то дерзкое предприятие Русова тот час провалилось. Но в вагончике не было людей, которые бы не верили в большую нефть Севера, не доверяли полностью своему руководителю.

Первым пришел в себя Курбан. Глаза его осветились радостью и он страстным шепотом, словно боясь, что его услышит кто-то чужой в этой вековой тайге, предложил:

— Ура, товарищи, Ивану Русову! Ура! Да здравствует нефть Шамана!

Не прошло и десяти дней, как над Шаманозером поднялся

невиданный железный чум, островерхим концом своим возвышаясь над вершинами сосен. Скоро к таежным звукам и шумам прибавились еще треск дизеля и звон падающего с высоты долота, клюющего шаг за шагом земную твердь...

— Вот, ребята, если вы хотите стать настоящими нефтяниками, то лучшей работы, чем вышкарь, не придумать, — говорил Русов, глядя улыбочиво на мальчишек... Я тоже когда-то начинал с верхового. Кажется, весь мир перед тобой.

Сорокаметровая заиндевшая вышка поднималась над тайгой, словно космический корабль пришельцев.

Валька поднял голову и голова поплыла вместе с легкими облаками по зимнему небу. Там, на самой верхотуре выше сосен и кедров раскачивалась люлька, в которой стоял Костя и приветствовал их, махая рукой.

— Дядя Ваня! А можно нам подняться наверх?

— Нет, это опасно. А ну, как закружится голова — высоко падать придется.

— Не закружится, дядя Ваня, — дружно атаковали Русова ребята. — Мы люди бывалые...

— Не говори гоп, пока не перепрыгнул! — Осадил Русов хвастунов. — Впрочем, ладно. Но пойдете со мной. И слушать меня беспрекословно.

— Ура! — радостно запрыгали Васька с Колькой.

И вот они поднимаются по крутой лестнице, и весь коллектив буровой, собравшись внизу, переживает за них, подбадривает.

Все выше и выше поднимаются ребята с Русовым.

— Теперь вниз не смотрите, — предупреждает Русов, а то испугаетесь.

Ребята присмирели, слышно только напряженное дыхание да скрип инея на обледеневшем железе. Краем глаза косит Васька на Кольку, стараясь не выдать собственного волнения, и видит, что верный друг его бледен и напряжен. А еще видит Васька, что сосны вокруг буровой опустились вниз, и что Васька и Колькой стали уже вровень с вершинами кедров, по которым скачут и щебечут веселые клесты.

Сразу захотелось обратно, на землю, поближе к жаркой Шуурочкиной печке. И желание это было настолько сильным, что Васька едва-едва смог его в себе побороть.

Еще пролет, еще. Хочется непреодолимо взглянуть вниз, но страх сковывает Ваську, и он видит перед собой лишь металлические конструкции, покрытые снежной изморосью.

Наконец, добрались до люльки. Сильные руки Кости приняли ребят и поставили рядом с собой.

— Ну, а теперь, смотрите, да покрепче держитесь. — Скомандовал Русов. Васька с Колькой открыли глаза.

И тут словно что-то взорвалось в них, сначала ребята попятиться было назад, но, натолкнувшись на Русова, замерли и с волнением стали осматриваться. И тот час страх сменился радостным восторгом: такое чудесное видение открывалось с высоты.

Внизу, словно в глубоком колодце, передвигались маленькие человечки, махали им руками, что-то кричали. Куржавился дымок над кухней, трактор, размером со спичечный коробок тяжело тащил к буровой бревна. Оплетенная трубами буровая, словно самостоятельный организм, жила напряженной жизнью...

Налетел порыв ветра и люлька качнулась, и тотчас крепкие руки Кости и Русова прижали их к себе. Стало покойно и совсем не страшно. Уже без опаски смотрели ребята вниз и кричали приветы стоящему у вагончика деду Лукьяну и счастливой Шуурочке, выскочившей из кухни поглазеть на героических ребятешек...

КОНЕЦ ЗЛОБНОГО ТАРЕНА

Накануне Костя подстрелил у озера несколько белых куропаток и Шурочка решили приготовить их по всем правилам кулинарного мастерства.

Ребятишки с утра крутились на буровой, пока холод не загнал их на кухню. Шурочка усадила их за стол, налила горячего чаю, подала по краюшке сдобного хлеба, а сама накинула на плечи шубейку и сунула ноги в валенки.

– Ты куда? – насторожились ребята.

– Я пойду на болотечко, пособираю из-под снега брусники, – отвечала Шурочка. – Куропатки с брусникой – царское блюдо. Не пробовали?

– Мы с тобой! – Вскочили было Колька и Васька. Но Шурочка их остановила. – Сидите, грейтесь. За печкой следите. Я скоро.

Она прихватила маленькое ведерко, отворила дверь и скрылась удивительно красивая в облаке морозного пара.

Шурочка была единственной девушкой в этом суровом мужском коллективе. Она словно нежный весенний цветок в темной, едва проснувшейся от зимней спячки тайге тихо и скромно украсила суровый мир.

Шурочка спала за занавеской. Крохотный девичий уголок ее был образцом уюта, но заглядывать туда осмеливались только самые юные.

Ее звонкий радостный голосок то и дело раздавался под таежными сводами. Люди на буровой уставали предельно, но стоило только услышать кому легкие Шурочкины шаги, ее ласковый призывный клич: «Обедать!», как тут же усталость словно испарялась и улыбки освещали лица до предела измученных геологов.

Шурочку любили все, но сама она была явно влюблена в Русова, и многие уже многозначительно поглядывали в их сто-

рону, если начальник партии и повар Шурочка оставались один на один.

Шурочка выросла в детдоме, родители ее сгинули в пекле войны и не смогли, не успели напитать ее сердце родительской любовью. Она любила их в воспоминаниях, разговаривала с ними, заботилась, страдала о них. И в страданиях этих, в тоске по родительской ласке, воспиталась тонкая, чувствительная Шурочкина душа, готовая тотчас откликнуться на чужие страдания.

После школы она сразу же поступила в геологическую экспедицию и всем сердцем привязалась к начальнику ее Ивану Русову. И, верно, полюбила его, соединив в нем и образ загадочного принца, которого, наверное, ждет каждая девушка, и образ отца, мудрого и сильного, ласкового и доброго, которого так недоставало в ее маленькой еще жизни.

И Русов почувствовал вдруг непреодолимое влечение к этой тихой голубоглазой хрупкой девчонке. Как не пытался он убедить себя, что он для нее слишком стар — тридцать пять — это вам не баран начихал, что бродячая его профессии не располагает к созданию полноценной семьи, что его постоянные длительные походы по тайге, по болотам до сих пор не позволили развиться сколько-нибудь серьезным отношениям с женщинами, претендовавшими на брачные узы...

Все эти, казалось бы аргументированные соображения, тотчас улетучивались из сознания уже, казалось бы, набравшегося не только производственной, но и житейской мудрости начальника партии, как только встречался он взглядом с Шурочкиными небесными глазами, в которых было столько невысказанной любви, что большой и сильный человек терял под ногами землю, голова его шла кругом, и к сердцу подкатывала сладкая истома...

И только огромными усилиями воли Русов не давал воли своим чувствам, пытаясь скрыть за нарочитой суровостью и официальностью разговаривающую в его душе нешуточную любовь.

Но скрывай, не скрывай, а все в геологоразведочной партии видели, что между Русовым и Шурочкой начинается роман, и что

скорее всего, по возвращению из экспедиции дело закончится свадьбой.

В этот день по поднятым из глубины образцам грунта Русов с Лукьяном и Курбаном предположили, что радостное событие совсем недалеко. Это известие словно на крыльях подняло их маленький сплоченный коллектив. Люди готовы были работать вообще без сна, забывая, что на улице мороз под пятьдесят градусов.

Шурочка, казалось, радовалась больше всех. Она старалась приготовить такой обед, чтобы люди почувствовали настоящий праздник.

...Прошло с полчаса. Васька подкинул в печь дров и вдруг что-то вонзилось в его сердце, оно затрепетало в сильном волнении.

Васька обернулся. Колька Покачев сидел мертвенно бледный у окна. В глазах его был страх.

– Бежим, Васька, скорее! Беда!

Васька, не разговаривая, схватил шапку и бросился к дверям, Колька успел схватить стоящую в углу берданку.

Они почти одновременно выскочили на улицу. След от Шурочкиных маленьких валенок уходил в лесную чащу.

– Шура! Шура! – Закричал в отчаянии Васька, И бросился по следу. Колька бежал за ним, на ходу передергивая затвор берданки.

Метров через триста они увидели истоптанный окровавленный снег. Шурочка лежала навзничь, глядя широко открытыми неживыми глазами в небо, шапка упала с головы, в русых волосах ее застыла кровь, перемешавшаяся со снегом. Страшные когти зверя разорвали ее грудь и высыпавшаяся из ведерка брусника была не отличима на снегу от Шурочкиной горячей крови.

– Нет! – Закричал в страшном отчаянии Васька. И крик его, взметнувшись над соснами перекрыл шум буровой. От нее уже бежали взволнованные люди, прихватывая на пути, кто монтажку, кто гаечный ключ, кто тяжелый лом.

Скоро у растерзанного тела Шурочки собралась вся экспе-

диция. Люди были потрясены и шокированы случившимся и в первый момент не заметили, что Кольки Покачева среди них нет.

Первым обнаружил пропажу Лукьян. Он попытался по следам на снегу понять, что же тут произошло. Он обошел кругом место трагедии и обнаружил медвежий след, уходящий в глубину леса. А рядом с этим гигантским следом был след валенок маленького человека. Это Колька Покачев отправился с Костиной берданкой убивать взбесившегося ненавистного зверя.

Русов, увидев озабоченного Лукьяна, все понял и лицо его стало вдвое бледней.

– Спаси, парня, Лукьян, – прошептал он одними губами, – Прошу тебя.

Старик немедля ушел в вагончик и вернулся оттуда с ружьем, походным мешком и охотничьими лыжами.

– Я с тобой, дед Лукьян! – Выступил вперед Костюшка.

Вдвоем его легче взять.

– Нет, Костя! На зверя я пойду один, а ты помоги мне вернуть парнишку. Беги скорее за лыжами.

И Лукьян поспешно углубился в лес. Скоро молодые Костины ноги вынесли его на болото, через которое уходили следы зверя, идущего за ним мальчишки и деда Лукьяна. Костя приналег и нагнал старика у сосновой согры.

– Эх, беда! – Выдохнул на ходу старик. Погибнет мальчишка. Успеть бы.

И тут они увидели Кольку, сидящего на корточках под заиндевевшей сосной. Парнишка выбился из сил, замерз, но крепко сжимал в руках ружье. По щекам его текли слезы и тут же застыли на морозе.

– Я найду тебя, проклятый убийца. – Шептали Колькины губы. – Я посчитаюсь с тобой, злой Тарен, за всех моих родных и близких...

Костя подхватил парнишку на руки. А Лукьян, почти не останавливаясь, стал быстро углубляться в лес.

Он шел широкими шагами по медвежьим следам.

Похоже, этот свирепый убийца и не думал прятаться далеко. Физическое превосходство над людьми сделало его самоуверенным: вряд ли можно было всерьез опасаться этих занятых своими делами людей. Он понял, что они не соперники ему в лесу: видел он намного лучше их, видел даже в темноте, его нюх в сотни раз превосходил обоняние человека, он был в десятки раз сильнее каждого из них, и все это давало возможность уйти целым и невредимым даже от дальнобойных ружей. Медведь снова обрел уверенность в себе и почувствовал себя все-сильным хозяином. И он снова, встав на дыбы, снимал с сосен кору на огромной высоте, демонстрируя свою силу и мощь.

И что против его, этого безжалостного лесного правителя мог представлять этот маленький мальчишка или немощный старик Лукьян, уставший от одинокой таежной жизни...

...Охотник медленно приближался к лежке зверя, но медведь не думал тот час же уходить, он лежал на снегу, положив голову на лапы, чутко прослушивая окружающий мир.

Ему слышно было, как гомонили люди на буровой, как хлопали двери вагончика, как кто-то колот дрова топил печь. Тонкий запах дыма достиг его лежки и у медведя непроизвольно дернулся нос. Вот кто-то вышел из вагончика и окликнул собаку, она, по всей видимости, была привязана, потому что стала прыгать и повизгивать...

А охотник все шел и шел размеренно, сокращая расстояние до лежки, и в движении его не было ни малейшего страха.

Медведь поднял голову, принялся и вдруг потревожено начал вставать.

Он понял своим звериным чутьем: тайгой шел победитель, тайгой шла его смерть.

Медведь, озираясь, уходил в чащу. А за его спиной все так же размеренно шелестели по снегу лыжи и раздавалось размеренное дыхание человека, полностью уверенного в себе.

Медведь бросился бежать, взбивая снежные клубы и сотрясая грузным своим телом землю.

...К концу следующего дня обезумевший зверь вышел почти к самой буровой и обессиленный рухнул в снег. Лукьян был от него в нескольких сотнях метров. Он все так же размеренно и монотонно шел по следу... Через несколько минут их глаза встретились. В глазах медведя был ужас, в глазах человека — решимость.

Лукьян поднял ружье...

...Людоеда привезли к буровой на тракторных санях.

Соболько пришлось привязывать, так он неистовствовал и лаял до хрипоты.

Васька смотрел на поверженного зверя со страхом, смешанным с отвращением. В этой трагедии он всем своим детским сердцем чувствовал нечто большее, чем простая гибель дорогого человека и возмездие зверю. В ней была некая вселенская тайна противостояния зла и добра. Но тайну эту ему придется постигать всю жизни и вряд хватит ее этой жизни для постижения непостижимого.

В остекленевшем зверином глазу отражалась и тайга, и буровая, и люди, толпящиеся вокруг, и Колька Покачев, в печальной задумчивости разглядывавший зверя.

Медленно, словно встающая заря, всплывали памяти мальчишки события годовой давности, когда дикая злобная сила напала на их стойбище. Он вспомнил и этот звериный оскал окровавленных клыков, и полный ненависти единственный глаз зверя, и эти страшные лапы со стальными когтями, несущие смерть. Это был он, убийца Колькиного рода Щуки с Шаманозера.

Колька закрыл голову руками и убежал прочь в вагончик, где его не тревожили до самого вечера.

ФАКЕЛ НАД ТАЙГОЙ

Шурочку похоронили недалеко от буровой рядом с могилками Колькиной семьи, поскольку своей семьи, у Шурочки, выросшей в детдоме, не было. Отправить ее на большую землю не было никакой возможности, если только вызывать авиацию. Но тогда пришлось бы раскрыть местонахождение экспедиции и поставить под угрозу все предприятие. Скорее всего разгневанное начальство приказало бы свернуть работы и возвратиться к месту дислокации.

Геологи выпили за помин ее души спирта, погоревали, однако тяжелая работа не давала возможности расслабляться и уходить с головой в горе.

Хотя Русов от горя почернел лицом. Ему казалось, что с гибелью этой девочки, он потерял самого дорогого ему человека. Но ведь они ни разу не поговорили откровенно, не открыли друг другу своих чувств. Но и без этого любовь их оказалась, настолько сильна, что захватила обоих безраздельно.

— Отныне, — думал Русов, — вся его оставшаяся жизнь будет освещена этим чистым ясным светом любви и все, чтобы он не делал, к чему ни стремился — все будет обращено к памяти этой девочки, ставшей неразделимой с его душой.

...Ждали вот=вот пойдет нефть. День и ночь не умолкала буровая. Трещали дизеля, визжала лебедка, звенели ставшие от мороза хрупкими обсадные трубы, глухо ухало в глубинах земли долото...

Мороз все жал и жал. Однажды обсадная труба сорвалась с крюка и упала на землю, рассыпавшись на куски.

— Вот пасматрите, — заметил Курбан, — железо и то рассыпается в этих условиях, не выдерживает. А люди работают, да еще как работают. Люди много крепче железа. А спросите их, что заставляет их так работать? Деньги? Желание прославиться? Нэт!

Курбан не успел ответить на свой вопрос, как на буровой неожиданно установилась непривычная тишина. Смолкла лебедка, остановились дизели...

– Что? Что там случилось? – Закричал встревоженный Курбан.

– Плохо дело, – отвечали сверху. – Прихват. Трубы в скажине зажало.

Выскочил из вагончика бледный Русов, на ходу натягивая шапку и полушубок, бросился наверх. Вслед за ним полез на высоту Курбан.

Случилось то, чего больше всего боятся буровики, когда ситуация грозит поставить крест на всей предыдущей работе. Если трубы из скважины не удастся вызволить, то дальнейшая проходка на скважине будет невозможной. Все надо начинать снова и на новом месте.

Наверху бурильщики пытались спасти ситуацию, вытащить с помощью лебедки прихваченные породой на глубине трубы, повернуть их ротором... Но они намертво застыли и не поддавались усилиям буровиков и механизмов.

Русов мгновенно оценил обстановку.

– Попрошу всех покинуть буровую, – сказал он тоном не терпящим возражений.

– Разрешите остаться, – выступил вперед Константин.

– Нет! – в голосе Русова зазвенел металл. – Всем покинуть буровую.

Бурильщики, понуриив головы, стали спускаться.

– И вас я тоже попрошу, – неожиданно на Вы обратился к Курбану Русов.

– Иван! Давай вместе! – Попытался остановить его Курбан.

– Нет! Я повторяю: всем покинуть буровую.

Курбан нехотя повернул назад.

Наконец, Русов остался один на один с буровой. Если сейчас ему не удастся изменить ситуацию, то экспедицию, можно считать проваленной. Зря погибла Шурочка, зря привел он в эти дикие места людей, зря потратил государственные средства.

Неудача экспедиции даст козыри оппонентам, утверждающим бесперспективность Западной Сибири, как нефтеносного края и разведка этих мест не коснется еще много лет...

Надо рисковать. Или грудь в крестах, или голова в кустах...

Руки легли на рычаги, взревели дизели, завизжала лебедка, натянулись до предела тросы и сама вышка, кажется, сыпля снежной изморосью, прогнулась под непомерной тяжестью, грозя обрушить всю конструкцию.

Вздулись у Русова от напряжения жилы на лбу. Еще немного, еще чуть-чуть...

Но стоит колонна, намертво зажатая в скважине. Стоит, не шелохнувшись.

И снова руки на рычагах, снова режут дизели на запредельной мощности, снова прогибается вышка, звенят, готовые лопнуть стальные тросы.

Замерли геологи и буровики в тоскливом ожидании, не имеющие возможности чем-либо помочь командиру.

И снова режут дизели, гремит лебедка, звенят тросы.

И вдруг заледенелую тайгу сотрясает мощное «ура!»

Колонна шевельнулась и пошла наверх...

— Ура! — Громче всех кричал Курбан. — Ты победил, Иван! Теперь все будет хорошо.

...Наконец, морозы отступили, смягчились. Осел снег вокруг буровой, птицы оживились, залетали весело меж сосен и кедров, оглашая тайгу веселым свистом. Звуки стали мягче, приглушеннее. И даже буровая рычала, трещала и звенела, как-то мягче и ласковее...

Веками настаивалась тишина в этих краях. Громче птичьего крика, да звериного рычания ничего не слыхала тайга. И вот пришли сюда люди, разбудили ее, растормошили, огласили шумом моторов, песнями, победными криками, омыли слезами неизбывной горечи и несказанной радости...

Двадцать дней спустя после начала буровых работ скважина ожила. Из потревоженных глубин вырвалось наружу спрятанное до поры до времени настоящее солнце. Но вместо ожидаемой

нефти, охнув богатырски, выбросил Шаман к небу тугую струю газа, озарившего яркой вспышкой сумеречную тайгу на десятки километров. И загудела, зарокотала скважина, оповещая о наступлении нового времени в вековечной таежной Сибири. И увидели это новое солнце, вырвавшееся из глубин земли и в стойбищах, и в рыбацких селениях на Оби, и в спрятавшемся от людских глаз староверческом селении Белый Уймон...

Все бросились к вышке, восторженно крича и бросая в воздух шапки. Русова подхватили, начали качать. Потом качали Курбана, деда Лукьяна, Костю Пирожкова... Ваську Уралова и Кольку Покачева.

Вечером заседал в вагончике высший совет.

— Я думаю, — говорил Иван Русов, — мы вскрыли только верхний газовый пласт месторождения. Все говорит за то, что под ним находится нефть. Здесь что-то вроде слоеного пирога с начинкой. И эта нефть будет найдена и поставлена на службу людям. Правильно я говорю!

Возражений не последовало.

На следующий день в штабном вагончике оживили вышедшую было из строя рацию. Запела веселым дискантом морзянка, пронзая заснеженные пустынные пространства. Пропавшая в тайге экспедиция Русова вышла на связь с миром.

— При испытаниях разведочной скважины на озере Шаман открыто газоносное месторождение. Начальник экспедиции Русов.

Ответ пришел только часа через два. Запрашивали координаты. А далее рация почти не умолкала.

Задвижку на трубе закрыли, потушив факел, начали готовить площадку на озере для посадки самолета. И среди общего ликования только дед Лукьян ходил задумчиво сосредоточен.

— Переживает дед, — сказал ребятам Костя. — Прикипел он к вам, жалко расставаться. Заберут вас отсюда.

— Как заберут? — Встревожились ребята.

— А вы что думали? — Нарочито рассердился Костя. — А кто за вас учиться будет? Неучи-то кому нужны? Тут, братцы мои, ско-

ро такие дела закрутятся, что без образования никуда. Я и то вот в нефтяной институт собираюсь на заочный. Буду Курбана догонять. Вы себе тоже подходящую специальность выбирайте. Будем все вместе нашу тайгу будить.

Против Костиных аргументов трудно было что-либо возразить. Да и сами ребята понимали, что настала пора возвращаться в мир и готовить себя к новой, большой жизни.

У Васьки Уралова сладко защемило в груди, когда подумал он о детдоме, о девочке Ларисе, о Викторе Акимовиче. Он вспомнил своих недругов, Ленку и Андрюху, но пережитое им поражение уже не казалось катастрофой. Валька понял, что он уже стал другим, более сильным и уверенным в себе, но не столько физически, сколько духовно. Потому побеждает, как понял Васька, не сила побеждает, а дух.

И Колька Покачев уже по-другому воспринимал этот мир, открывший для него свои горизонты. В мечтах он уже грезил о большем, нежели жить в чуме на берегу родового озера. Ему страстно захотелось изменить жизнь своего народа к лучшему: дать ему настоящие жилища, школы, библиотеки...

Ребята, не сговариваясь, бросились искать деда Лукьяна.

Тот сидел на ступеньках вагончика, вслушиваясь в шум таежной буровой, думая о чем-то своем.

У Васьки сжалось от жалости к деду сердце. Он обнял его, прижавшись щекой к мягкой седой бороде и сказал, как выдохнул:

— Уж если нам в тайге нельзя оставаться, так поедем дед с нами. Будем вместе жить. А-а?

— Поедем, дедушка? — Подхватил Колька, прижимаясь к Лукьяну с другого боку.

У Лукьяна блеснула на щеке слеза.

— Нет, ребятюшки, нельзя мне с вами. А уже отвык от мира-то. Отвык, не прижиться, пожалуй, мне. А вот вам ехать надо. Трудно будет, но трудности надо преодолевать, бороться надо. Причем, вот что я скажу, слушайте внимательно. Мне для этого жизнь пришлось прожить, прежде чем понять эту истину.

Ребята замерли, готовые выслушать Лукьянову мудрость. Дед перевел дыхание и поднял кверху корявый палец:

– Никогда не боритесь «против», а всегда боритесь «за»! Понятно?

– Как так? – Удивился Васька. – Если встретишь подлеца, то и бороться против него нельзя?

– Когда ты против него борешься, то получается, что ты свои силы на него тратишь, его своими силами поддерживаешь. А вот когда ты борешься «за», тогда все по иному складывается. Не надо бороться против, скажем, капитализма, а надо бороться за то, чтобы наша жизнь была лучше, чем там на западе, и тогда мы победим. Не надо бороться против грязи, надо бороться за чистоту... Вот такой вам мой наказ.

Дед улыбнулся и прижал ребятишек к себе.

– Вам будет хорошо. Скоро вы с большой радостью встретитесь. В первую очередь ты, Васютка, да я, думаю, и ты, Колюха...

Ребята настрожились в радостном ожидании.

– Что за радость, скажи, дед? – Пристал Васька.

– Потерпите малость, сами увидите, – ушел от ответа дед.

Томимые догадками ребята побежали на озеро, где геологи уже зажигали костры, обозначавшие площадку для посадки самолета.

Прислушались. Где-то далеко в небе чуть слышен был отдаленный неясный гул. Но с каждой минутой гул этот нарастал, становился отчетливее, явственнее. Костры на озере уже полыхали вовсю, люди стояли, задрав головы, выглядывая в небе черную точку самолета.

Но он появился неожиданно из-за вершин кедров, выплеснув на озерное пространство жаркий грохот мотора и снежную круговерть. Сделав круг над озером, «Аннушка» плюхнулась на лед и побежала, подруливая к стоящим пообочь площадки, людям.

Волнение достигло предела. Тут распахнулась дверь и в темном проеме появилось веселое бородатое лицо летчика. Он поставил на лед лестницу, прыгнул на площадку и повернулся к самолету, протягивая руки. По лестнице первой спуска-

лась женщина. Хрупкая, красивая женщина в приталенном пальто, пуховом платке и серых ладных валеночках. Она вступила на землю и взволнованно огляделась. Сердце у Васьки Уралова забилося сильно, сильно. Это была его мама. И он бросился бежать к ней со всех ног.

ВСТРЕЧА НА ПЕРРОНЕ

Легкий морозец бодрит и румянит щеки. Пахнет луговым сеном и антоновскими яблоками, скрипит под полозьями снег, и позванивает сбруя на Воронухе. Васька Уралов, счастливый и взволнованный вместе с неразлучным другом Колькой Покачевым и мамой Надеждой Петровной Ураловой едут в Погореловский детский дом.

После счастливой встречи на буровой у Шамана прошло полтора месяца. Они вернулись в родное село, и Васькина мама снова стала работать в детском саду, а Васька, как прежде, ходил в школу, пилил и колол дрова, топил печи, ухаживал за домашним скотом, сам мыл посуду и даже, когда у мамы случались неотложные дела, готовил обеды. Но теперь он был не один, рядом с ним всегда был его неразлучный друг Колька Покачев.

Однако на сердце у Васьки Уралова было не ладно, он всей душой рвался в оставленный детский дом к Виктору Акимовичу и, прежде всего, к голубоглазой девочке Ларисе.

Сам он стеснялся сказать об этом матери и попросил Кольку Покачева договориться с мамой о поездке в Погорелово. Но Надежда Петровна и сама видела страдания своего сына и догадывалась, какая драма терзает его сердце.

В зимние каникулы они втроем отправились в Погорелово, до которого было всего километров около тридцати. Надежда Петровна попросила в хозяйстве лошадь, собрала нехитрые подарки для детишек, при чем председатель колхоза передал от правления и колхозников мешок белой муки и большую коробку из колхозного сада антоновских яблок, переложенных сеном.

Яблоки положили на дно саней, укрыли сверху тулупом, сеном, чтобы их не прихватило морозом. Васька с Колькой еще навалились сверху для тепла. Но и под таким прикрытием кол-

хозный подарок источал такой манящий и дразнящий запах, что ребята всерьез начали опасаться, что у них не хватит воли не забраться в коробку и не отведать антоновки.

Ехали вдоль Иртыша с песнями. Уставали петь – бежали рядом с лошадей, согреваясь и разминая ноги.

Около обеда показались знакомые бескрестовые купола храма, приютившего под сводами своими детский дом. Вот и знакомая излучина Иртыша с высоким берегом, поросшим ивняком, где была выкопана их с Колькой укромная землянка. Вон виден хозяйственный двор с дымами над крышей, а вот и ребяташки, катающиеся на санях с горы с веселыми криками.

Ваське с Колькой захотелось вдруг сорваться с саней и броситься на перегонки с этой веселой толпой ребяташек, закружиться в веселом вихре детских забав, но они сдерживали свою радость, прятали ее в своих сердцах.

Надежда Петровна, словно догадавшись о переживании ребят, решительно направила лошадь к воротам церковной ограды. Вышел на крыльцо детдома сторож Петрович с неизменной козьей ножкой в зубах, и, прислонив руку ко лбу, стал выглядывать приезжающих.

Сердце у Васьки гулко забилося.

– Петрович! Это я, Васька Уралов! – Крикнул он, выскакивая из саней. – Помнишь, ты мне еще про китайскую грамоту рассказывал. А – а?

– Васька? Уралов? – Радостно всплеснул Петрович руками. – Ох, ты мне, пропащая твоя душонка! Да и Колька Покачев тут! Прибыли, значит, беглецы. Живы, здоровы!

Он обернулся в сторону дверей и крикнул, что было сил:

– Виктор Акимыч! Радость-то какая! Спускайтесь скорей! Пропажа нашлась. Васька и Колькой объявились.

А по лестнице уже спускался, прихрамывая, сияя радостно, такой родной и близкий их Виктор Акимович! Он схватил обеих ребяташек в охапку и крепко прижимая к себе, стиснул, не говоря при этом ни слова. От директора пахло табаком и одеколоном, чернилами и книжками... Ребята притихли на его теплой широ-

кой груди.

А Надежда Петровна стояла молча у саней и на глазах ее блестели слезы.

– Приехали в гости, путешественники? – ласково проговорил Виктор Акимович. – А мы вас давно уже поджидаем.

– Вы простите нас, Виктор Акимович! – проговорил Васька, потупив голову. – За побег. За все переживания, которые мы доставили вам.

– Простите нас, – вторил ему Колька.

– Ну, на первый раз так и быть, прощаю, – рассмеялся Виктор Акимович. – Как вас ругать, если, говорят, вы еще и нефть в тайге нашли...

– Нашли, нашли, – наперебой закричали ребята. – Это было здорово! Она как ударит, а как газ вспыхнет... Зарево на всю тайгу.

– Хорошо! Вечером расскажете всему детскому дому о ваших приключениях.

Он отпустил ребят и шагнул навстречу Васькиной маме.

– Здравствуйте, Надежда Петровна! Пойдемте-ка, в тепло, за чай! Надеюсь, что и Новый Год встретим все вместе.

– Сначала наши подарки примите! – Отвечала весело Надежда Петровна.

Достали из кошевки коробку с антоновкой, тотчас заполнившей своим знойным запахом все пространство, Петрович потащил в сени мешок с мукой.

– Вот это подарок! – Радовался, как ребенок Виктор Акимович. – Теперь у наших ребятшек настоящий праздник. С яблоками, белыми пирогами!

Васька же во все глаза в волнении смотрел на берег, где каталась с обрыва детвора. Он всем сердцем стремился увидеть сейчас Лару, увидеть и не заробеть. Потому, что еще не видя ее, при одной мысли о ней Васька приходил в такое смущение, что руки и ноги его становились деревянными и голос пресекался. Он собирал всю свою волю, ожидая этой встречи.

Ребята, катавшиеся с обрыва, уже заметили гостей, раз-

гружавших сани возле их дома, и, оставив катание, побежали, гонимые любопытством, разузнать кто это пожаловал к ним накануне Новогоднего вечера.

Первая волна детдомовцев захлестнула Ваську с Колькой с головой. Их тискали, обнимали, кричали радостно. А с берега все подбегали и подбегали ребятишки, искренне радуясь встрече с друзьями.

Васька увидел, как вперевалку подошел к толпе Андрюха Чекан, раздвинул обступивших его ребятишек и дружелюбно сунул Ваське жесткую ладонь.

— Ну, здорово, что ли! Кто старое помянет, тому глаз вон! Лады?

Васька улыбнулся в ответ и сжал Андрюхину руку. Он заметил неожиданно, что за время своих странствий по тайге и отсутствия в детском доме, то ли Андрюха стал меньше ростом, то ли он, Васька, сильно вырос и окреп.

Обида прошлого ушла, казалось, безвозвратно.

Краем глаза увидел Васька и Леньку Кропачева. Тот стоял в стороне, воровато втянув голову в плечи. А когда глаза их встретились, повернулся резко и ушел за дом.

Но как ни выглядывал Васька голубоглазую девочку Лару, так и не обнаружил ее в веселой толпе детдомовских ребятишек. И сердце его все более стало наполняться тревогою и тоской.

— Колька! — Попросил он Покачева, — спроси у Виктора Акимовича про Лару.

Колька сорвался с места и побежал по лестнице на второй этаж в кабинет директора. Его не было, всего несколько минут, которые Ваське показались вечностью.

Но вот Колька появился на лестнице, лицо его было растерянно, он махнул Ваське призывно рукой.

Они вместе вошли в кабинет Виктора Акимовича, где он Надеждой Петровной разбирает из коробки яблоки.

— Где она? — Не сдерживая волнения с болью в голосе спросил Васька.

Виктор Акимович удрученно положил яблоки на стол

и глянул Ваське в глаза.

— Это жизнь, Вася! Ларису Жаркову час назад увезла на станцию ее тетя. Она оформила опеку и забрала девочку. Теперь Лариса будет жить у тетки далеко отсюда в Краснодарском крае.

Васька стоял, как громом пораженный. Из глаз его показались крупные соленые слезы и застили мир. Отчаяние охватило его.

И тут Васькина мама выступила вперед.

— Мы успеем, Вася, не горюй! — Решительно сказала она. — Сколько до станции? Десять? Успеем.

Они почти кубарем скатились с лестницы, прыгнули в сани.

— А ну, Воронуха, выручай! — Надежда Петровна взмахнула вожжами над головой.

И Воронуха, словно поняв всю ответственность момента, почти с места пустилась вскачь.

Они летели, взрывая облака снежной пыли, к станции вдоль заснеженного Иртыша, мимо вытащенных на зиму бакефов, мимо рыбацкого становища, пронеслись заснеженной деревней, мирно курившей свои трубы, сосновым гулким бором...

— Скорее, Воронуха, скорее милая! — молил Васька.

И Воронуха упруго натягивала постромки.

Они вылетели из леса, и станция оказалась, как на ладони.

Около водокачки стоял черный паровоз с большими красными колесами и пускал струи белого пара. За ним, словно в очередь на водопой, выстроилась вереница зеленых вагонов. В каком-то из них находилась Лара, ожидая отправления.

Васька встал в кошевке, перехватил у матери вожжи и присвистнул. Воронуха подхватила галопом и вынесла сани почти на самый перрон.

Васька и Колька бросились вдоль вагонов, заглядывая в окна. Ларисы не было видно. Дежурный уже вышел на перрон и ударил в колокол к отправлению. И тут Васька увидел ее. Она сидела у окна, и прекрасные голубые глаза были полны печали.

— Лариса! — Закричал во все горло Васька. — Я нашел тебя!

Лариса!

Поезд дернулся и лязг буферов заглушил Васькины крики. Но Лариса услышала, встрепенулась, повернула голову и увидела за окном Ваську Уралова, размахивающего шапкой. И тот час лицо ее озарилось радостной улыбкой и особым счастливым светом. Им не нужно было слов. Все сказали сами за себя глаза. И тут Лариса открыла маленькую сумочку, достала свернутый листок бумаги, что-то быстро написала на нем и приложила к стеклу.

Это было Васькино письмо, отравленное летом в бутылке по Оби:

«Я люблю тебя, Лариса!» — узнал Васька свой почерк.

А рядом была только что написанные Ларисой слова:

«И я тебя тоже!»

Поезд уже шел, все быстрее и быстрее набирая ход. Васька сначала шагал рядом, потом бежал рысью, потом мчался рядом с ним, не в силах оторвать глаз от счастливого лица Ларисы

ВЕСНА НА ТРАКТЕ

...В зелени и тепле плавился май. Ручьи, уставшие от паводкового разгула, чуть слышно звенели на перекатах, жаворонки колоколили над головой, из сырых низин накатывали волны хмельных запахов прелой земли и цветущих медово ив. Уже поднялась на лугах трава-мурава, а в заливных поймах мощно пробивалось к солнцу травяное многоцветье – настоящая кладовая природы.

В этот погожий денек на старом тракте появился молодой человек, высокий, широкоплечий, с красиво посаженной головой и прямым уверенным взглядом. Молодой человек был одет в прорезиненный плащ, фетровую шляпу и резиновые сапоги. В руках его был потрепанный портфель. Скоро он остановил грузовик, везущий в колонне к посевной семена и удобрения в дальние углы района.

Молодым человеком был Василий Уралов, инженер районного управления сельского хозяйства. Он отправлялся в дальнее село Бекетовское знакомиться с хозяйством. Райком партии предложил кандидатуру Василия Уралова в этот колхоз на должность председателя. Было Василию всего двадцать два года. И было в душе его страстное желание преобразований.

С того памятного открытия Шаманского нефтеносного района прошло одиннадцать лет. За эти годы Западная Сибирь мало в чем изменилась, все так же жили люди по деревням и лесным поселкам при керосиновых лампах, а то и вовсе при лучине, все также убийственно было бездорожье на тысячи не мереных верст, а на сотни верст безлюдье и дичь... Однако Сибирь жила ощущениями великих перемен.

Волнующие слова «нефть, газ» все чаще звучали не только на партийных и хозяйственных заседаниях, но уже широко проникли и в обиход.

А Васька Уралов и Колька Покачев успели за это время окончить среднюю школу, поступить в высшие учебные заведения, и стать дипломированными специалистами, начать трудовую жизнь. Василий закончил факультет механизации сельскохозяйственного вуза, Николай в Ленинграде- университет народов Севера.

Трудно ли им было? Да уж, конечно, не просто, если на двоих одна мать – Надежда Петровна Уралова с зарплатой заведующей садика, так и не решившаяся на второе замужество, хотя претендентов было немало. В том числе и Виктор Акимович, директор детского дома, похоже любивший Надежду Петровну всем своим сердцем.

Они ютились втроем в барачной комнатухе, но жили счастливо, потому что были вместе, вместе садили огород и растили картошку, ловили на реке топляки, чтобы обогреть зимами свое жилище, корпели вечерами под керосиновой лампой над тетрадами и книжками...

Но государство уже подставляло детям войны свое надежное плечо, мостило новому поколению твердую дорогу в будущее. Если бы не эта помощь и опека, разве смог бы вогульский мальчишка Колька Покачев, оставшийся без роду, без племени подняться на вершины знаний в прославленной столице науки Ленинграде? И вряд ли Васька Уралов получил бы свой красный диплом отличника и почти сразу же ответственную работу?

Они готовились с Колькой к серьезной жизни, мечтая уже не найти, а самим создать, построить, выпестовать свою страну Истины и Справедливости, свое Беловодье, где каждый будет счастлив и любим. И потому новое свое назначение Василий воспринял с большим энтузиазмом.

Василий не стал ждать, когда придет за ним машина, добирался до Бекетовского, центральной усадьбы колхоза «Заря», попутным транспортом. Райком решил предложить его кандидатуру на должность председателя колхоза. После института он успел всего год поработать в соседнем районном управлении сельского хозяйства. Видимо, проявил себя неплохо, если партия

решила, что молодой специалист способен поднять это хозяйство, в котором за последние три года сменилось четыре председателя. Последний председатель тоже ничем не успел себя проявить — утонул во время бури на Иртыше.

Колхоз был в лежачем состоянии. Поголовье скота не росло, надои падали, урожайность зерновых — на уровне дореволюционных...

Было у Василия страстное желание работать, засучив рукава, были знания, но знания чисто технические, а вот управленческого опыта — кот наплакал. И управлять-то нужно было не железками, а людьми... Об этом и размышлял он, добираясь до Бекетовского.

На старом Сибирском тракте подбирала его колонна грузовиков, везущих в дальнюю глубинку семена и удобрения. Однако радоваться было еще рано. Скоро бетонка кончилась и колонна встала.

На границе с насыпной дорогой был перекинут огромный, изо всего леса, осиновый шлагбаум. Водители высыпали из машин, загалдели.

Тут из маленькой, сколоченной наспех будки, вылез старик в бродах, зеленой пограничной фуражке без кокарды.

— Не пуцу! — решительно замахал он руками. Поворачивайте обратно!

Вот оно что! Дорога на распутицу закрыта.

Закрывали сельские проселки каждую весну, и каждую весну между дорожниками и шоферами шла упорная война.

— Покуражится да пропустит, — заверил Уралова шофер и вылез на обочину покурить.

Старик же молчаливо оглядел колонну, сдвинул на глаза фуражку, почесал седой затылок.

— Впустую, мужики стоите. Сказано — не пуцу!

Он повернулся к будке и начал обстоятельно пластать топором короткий чурбачок на дрова. Скоро над будкой занялись кисловато-горькие куржавчики дыма. Дед собирался чаевничать.

— Дед Гарapon! — крикнул шофер головной, машины. — Ты

это кончай! Нам ехать надо.

– А ты езжай, – выглянул старик из окошечка. – Только в обратную сторону. Через город езжай.

– Да ты в уме, старый! Что нам, двести километров кряк делать? – начали кипятиться мужики.

– Мое дело маленькое.

– Да ведь посевная, бюрократ ты в ботах! Семена везем, понял?

– А ты, гражданин хороший, не кричи. Есть повыше начальство. Товарищ Бурышев строго-настрога наказал без документов не пущать! – Отвечал невозмутимо Гарapon.

– А это что? Филькина грамота? – шофер тряс потрепанным пропуском.

– А вот мы и посмотрим: Филькина, али товарища Бурышева.

– Старик достал из кармана очки, долго шевелил губами, рассматривая бумаги.

– Не пущу! – наконец, все так же невозмутимо, ответил он. Товарищ Бурышев наказал только с красной полосой пущать, а у тя – синя. Не стой, батюшко, не стой!

– Ла-дно-о, – заскрежетал зубами парень. – Ладно, старый пень. – Он со злостью пнул камень на обочине. Камень плюхнулся в канаву, пугая лягушек. Шофер скривил рот – зашиб палец.

– Я тебя, старая кочерыжка, в будке запру. Будешь тут всю ночь куковать.

– Не выйдет, милый! – ласково возил старик. – Лицо его покраснелось от чая и было полно благодушия. – Я уж и нумерки ваши на гумажку списал. А то этта и в самом деле ваши, нет ли, мужики батожок к дверям приставили. Учен.

– Этак его не возьмешь, – сказал шофер Уралову – Тут нужна дипломатия.

Он ушел к мужикам на совещание. Солнце уже скатилось к вершинам леса, стряхнувшего зимнюю дремоту. Слышно было, как под гулками сводами леса бормочут косачи, и где-то далеко в просыхающих полях ровно гудели тракторы.

Мужики толпились у пограничной будки. Что-то до боли зна-

комое было во всей этой сцене у шлагбаума. И старик в зеленой фуражке с его куражом и амбициями государева служащего напоминал Василию кого-то, с кем не раз пришлось встречаться на жизненном пути. Уралов вздохнул, сдерживая страсти.

– Постно кушаешь, батя. Пустой чай душу не греет. Пуншиком не побалуешься? – Осаждали водители будку.

– Не потребляю!

– Али старуха ругает?

– Я, милый, на службе не пью.

– Ой, ли? Поднести, может?

– Отказываюсь категорически. Ты меня на подкуп не бери. У меня самого старухе наказано в лавку сбегать. Кончу дело, гуляю смело.

Водитель вернулся и сердито упал на сиденье.

– В объезд не тронусь. Ночь просижу, а высижу. Всяко уйдет домой, либо уснет.

Тоскливая тишина надолго воцарилась на дороге. Лишь ошалевшие от любви лягушки радостно и безмятежно славили мир.

– Эй, Гарapon! Подымай бревно, – совсем безнадежно окликнул старика шофер передней машины, самый молодой и нетерпеливый.

– Не подумаю! – дед взял топор и принимается докалывать чурбачок.

Тут где-то в середине колонны раздался пронзительный визг и вслед за ним крепкая ругань Тут же визг повторился, но более яростно и отчаянно.

Дед Гарapon поднял голову и прислушался. Визжал поросенок, ругался шофер. Еще утром купил он его на рынке и теперь вез домой. Поросенок оголодал за день, взбунтовал.

И тут неприступного Гарапона словно подменили. Он торопливо засеменял к машине.

– Никак кабанчика купил?» – спросил он заискивающе шофера.

– Купил! – огрызнулся тот. – Тебе что за забота?

– А как жо? Подохнет чай. Деньги плачены. Ну-ка, покаж!

Он стащил мешковину с корзины, радостно сдерживая брыкающегося поросенка.

– Добрый кабанчик, добр. Я этта сам привез кабанчика-то. Еле-еле со старухой отходили. Оправился, не сглазить бы.

Он торопливо побежал к шлагбауму, распутал узел веревки. Лесина, качнувшись, медленно ползла вверх.

– Езжайте, езжайте, мужики. Бог с ним, с Бурышевым.

Весело побежали машины по просыхающей дороге.

– Добрый кабанчик будет, добрый!

Повеселел и Уралов, радуясь, что еще засветло доберется до Бекетовского.

БЫКА ЗА РОГА

Посадки села Бекетовского стоят на высоком берегу реки. Дома крепкие, за высокими тесовыми заборами, с амбарами да черными банями, с ухоженными огородами...

Сюда на поселение ссылали всякого рода вольнодумцев да лихих людей, смешалась здесь русская кровь с татарской и кавказской, с вогульской и остяцкой, под лютыми морозами выплавился особый сибирский характер: независимый, не сгибаемый, упертый... Если уж в бой идти, то за победой, если гулять, так гулять, чтобы чертям было жарко, если работать, так работать до седьмого пота...

Только вот парадокс: в районе говорили об истовом трудолюбии бекетовцев, а колхоз — на боку... Почему земля не родит, почему на фермах надои у коров козы? Почему казна колхозная пуста?

...В Бекетовское приехал Василий Уралов только к вечеру. Улицы были пустынные, и лишь собаки, весело виляя хвостами, приветствовали будущего председателя.

Сразу за деревней видны были строения ветхого коровника.

Василий решил еще по дороге сразу же «брать быка за рога». С коровника он и начал свое знакомство с хозяйством.

На дворе было пусто. Под ногами хлюпала навозная жижа, кормушки были пусты и коровы, словно почуяв в этом новом человеке будущего председателя, встретили Василия отчаянным ревом.

На сердце Уралова стало горько. Он прошел по двору. Ни души, хотя время было не такое уж и позднее.

Заглянул в пристройку. В «красном уголке» под писаном на ватмане «Графиком случки коров в разрезе доярок» сидела пожилая женщина в фуфайке, больших валенках с калошами, сером платке, упавшем с седых волос на плечи, и плакала.

Уралов смутился и постарался, как можно мягче, окликнуть ее.

– Скажите, что здесь случилось?

Женщина подняла на него полные слез глаза и тихо ответила:

– Коров жалко! Они-то чем виноваты, что пастух второй день пьян в стельку, а распорядиться привезти подкоску некому.

– Как вас зовут?

– Нина Пасхина я. Вековечная доярка. Сейчас вот устарела, так ночным сторожем наряжают.

– Пойдемте со мной! – Решительно сказал Уралов, – покажите, где живет бригадир.

Долго стучали в тесовые ворота большого в пять окон по переду дома с резными наличниками. Наконец, брякнула щеколда.

Бригадир вышел на крыльцо распаренный в одном исподнем и полотенцем на плечах. В деревне, видимо, был банный день.

– Что же это Николай Иванович, делается? – С упреком обратилась к нему спутница Василия. – Что же вы это скотину губите?

Бригадир покосился на Уралова, стараясь определить, что это за деятель пришел на его двор, чего от него ждать, и властным жестом руки остановил расходящуюся бабку:

– Не трещи! Сказано, у братанов свадьба. Сеструху выдают. А боле мне послать некого.

Уралов, стараясь быть предельно сдержанным, хотя его так и подмывало сказать этому благодушному типу далеко не лестные слова, представился:

– Я Василий Уралов, прислан к вам райкомом партии для ознакомления с хозяйством. Я советую вам сейчас же одеться и поднимать трактористов, возчиков, кормачей, ехать за травой и накормить скотину.

Видно стало даже сквозь банный румянец, как побледнел бригадир и стиснул зубы...

– Команды отдавать легко, – сказал он угрюмо. – Да тут у нас командиров не больно почитают, тут у нас сами с усами...

— Тогда сами и поезжайте и косите, и возите, если не в состоянии управлять людьми. — Резко сказал Уралов.

Бригадир бросил на Василия насмешливый взгляд и хмыкнул:

— Я то поеду, а вот остальные... У нас свадьба — дело святое, почти вся деревня там. Пока не нагуляются...

Тут деревенская тишина словно раскололась. Где-то недалеко на улицу выплеснулась гармонным перебором, задиристыми частушками, присвистом и уханьем лихая гулянка. Задробили часто каблуки в тесовый помост, загомонил народ...

Бригадир кивнул головой в сторону расходившегося веселья.

— Вот они братья Кряжевы веселятся. Можно вместе дойти, поговорить. Может и съездят за травой-то? — Сказал бригадир с иронией, испытующе глядя на приезжего гостя.

— Пойдемте! — Решительно согласился Уралов, еще не зная, что он скажет этим людям, как достучится до их сознания. А если сейчас он не сможет выправить ситуацию, не сможет договориться с людьми, то как ему вести себя дальше? О чем будет говорить с людьми на собрании, когда придет время выбирать его председателем. Поверят ли ему люди?

Дом Кряжевых всем видом своим напоминал крепость. Рубленый из бревен в обхват, с маленькими окнами, трехскатной крышей, мощным забором. Около дома стоял на приколе колесный трактор с тележкой, чуть дальше гусеничный ДТ. Напротив дома из обрезной доски пятидесятки был набран помост, на котором и около которого топталось человек сорок хорошо выпившего народа.

На кругу выделявал под гармонь коленца здоровенный чубатый парнище в темном бостоновом костюме, хромовых начищенных сапогах, за голенищем у него торчала наборная рукоятка финского ножа. Парень, согнувшись едва ли не пополам, бухал ногами в помост и скорее кричал, чем пел частушку:

Мы ребята ежики,
В голенищах ножики,
А по две гирьки на весу,
Револьвер на поясу...

Ему вторил другой, плясавший напротив, такой же крепкий и такой же чубатый парень:

Выхожу и запеваю,
А в кармане молоток
А неужели не заступится
За родного браток...

И столько было страсти, энергии и задора, готовности тот час вступить в сражение с противником, если таковой объявится, в этой их удалой пляске, что Василий понял: начни он командовать здесь, скандала не избежать... Уж на что крепок и натренирован он, но и ему тут не устоять, намнут бока кандидату в председатели...

У площадки в окружении девчонок стоял третий такой же крекий, такой же чубатый парень, только потончивее и помоложе. На одно плечо его бы накинут пиджак, на голове прилеплась кепка восьмиклинка с веточкой черемухи.

Братаны оставили круг и на подмостки выскочила бойкая девчонка, лихо продробив каблучками.

Допризывнички гуляют,
Допризывничкам почет...
А несчастная браковка
Еле ноги волочет...

— Это вот и есть братья Кряжевы, — сказал бригадир. Один вот, Ванька, в армию идет, а эти два — трактористы, а больше трактористов нет в этой бригаде. Но сейчас, точно вам говорю, лучше их и не трогать...

— Это почему? — Не сдавался Уралов, хотя ему и так уже было ясно, почему Кряжевых лучше не трогать.

– Генаха-то, у которого финка из-за голенища торчит, уже в тюрягу сходил. Уж больно горяч, чуть что не по ему – в драку...

– А второй?

– Второй- Пашко. Не сидел, а такой же отлет...

– А что же вы их в трактористах держите? На ответственном участке...

– Работники они хорошие, как начнут пахать, так как огнем палят. Сутками из-за рычагов не выходят, но уж если праздновать начнут, тут их не трожь...

– И все же я хочу с ними поговорить! – Твердо сказал Василий.

Но их и так уже заметили. Гармошка жалобно всхлипнув, замолкла, плясавшие в кругу братья Кряжевы, повернулись к вновь пришедшим гостям.

– О-о! Сам бригадир к нам пожаловал. Да не один, – Сказал нараспев Генаха, раскрыв широко руки. – Нашего полку прибыло. По чарке гостям.

Из дому уже несли на подносе закуску и бутылку «Московской» со стаканами.

– За счастье молодых! По целому, – Генаха ловко сорвал с бутылки сургучную пробку, в его огромных руках пол литра казалась четвертинкой, и вся она в один миг вместилась в эти два стакана.

Бригадир глянул жалобно на Василия и взял в руки стакан.

Но Василий решительно отвел угощение.

– Вот что, друзья, – твердо сказал он. – Я пить не буду ни за счастье молодых, ни за их будущее...

– Это почему это не буду? – опешил было Генаха. – За счастье молодых он не будет... Так мы можем и по другому попросить! – В голосе его зазвучала неприкрытая угроза... – Ты кто такой, чтобы нам, Кряжевым, поперек пути становиться?

– Я Василий Уралов, прислан сюда по решению райкома партии как кандидат на должность председателя колхоза. – Сказал громко и твердо Уралов, чеканя каждое слово. – И я вижу, что у вас в колхозе полный бардак. Коровы от голода на дворе

так ревут, что крыша поднимается, а вы тут гулянки устраиваете...

Генаха недобро усмехнулся:

– Коровы чай не сдохнут до завтра, а вот председателем ты можешь и не стать...

– Ты чего это несешь, Кряжев! – Встрял бригадир. – Ты эти замашки брось. Ишь, угрожать вздумал!

– Ты, бригадир, не мельтеши. Генаха никогда и никому не угрожал. Он сразу резал, – ухмыльнулся Пашко. – А этого мы резать не станем. Мы его просто не выберем...

– Выберете вы меня или нет, мне без разницы. – Вскипел Уралов. – Я без работы не останусь, а вот у твоей сестры, как ты говоришь, ни счастья, ни будущего, ничего с таким вот вашим отношением к делу, не будет. И у вас не будет, и у ваших детей... Развалите колхоз в конец, прогуляете...

– Чего-о ты сказал, паренек? – Вздыбился Генаха. – Кто прогуляет? Мы с Пашко колхоз прогуляем? Да ты кто такой, ты чего про нас знаешь-то?

– А и знать нечего, – вдруг вынырнула из-за спины Уралова Нина Ивановна. – Не стыдно ли вам приезжего человека, срамота, сами жрете, а скотину голодоморите!

На какое-то время наступила тишина. Но тут вперед, раздвинув братьев, выступил могучий мужик лет пятидесяти с седеющей гривой волос, в котором сразу видна была порода, давшая на свет и Пашка и Генаху.

– А ну, уймитесь, соколики! Верно вам говорят люди. Не гоже скотину мучить. Только вот чего я скажу, Василий, Как тебя по батюшке-то?

– Васильевич он, – подсказала Нина Ивановна.

– Так вот, Василий Васильевич. Не чинись, выпей с нами заздравную, а скотину мы сейчас живо обрядим.

– Сначала обрядите, – уперся Уралов.

– Хорошо. – Согласился Кряжев старший. – Генаха, Пашко! В поле ехать не стоит. Худая еще трава, жидкая. Заводите трактор, спускайте с повети пустошное сено, везите на двор.

– Ты чего это батько наше сено-то отдать решил? – вывер-

нулась из-под руки у Кряжева маленькая, словно воробей, женщина.

— Ничего мать, накосим нового! — Отвечал ей спокойно Кряжев.

Тут же затрещал в заулке трактор, распахнулись тесовые ворота. С десятков добровольцев, не снимая парадных костюмов, уже забрались на поветь и орудовали вилами. Через пятнадцать минут с полным возом колесник уже тарахтел по направлению к колхозному скотному двору...

— Ну что, командир, с почином! — Старший Кряжев протягивал Василию стакан, полный склень водкой, и соленый огурец на вилке. — Не держи на Кряжевых зла!

Отступить было некуда. Василий выдохнул из груди воздух и, пересиливая себя, выпил стакан до дна.

И тотчас, словно пожар вспыхнул внутри его, голова закружилась легко, и груз дневных забот и тревог стал отходить на задний план.

Перед ним словно из туманы выросла веселая девица в крепдышиновом сиреневом платье, сверкнула озорно горячими глазами, и, ухватив Уралова за руку, вытащила в круг. Радостно отозвалась гармошка, и ноги у Василия сами пошли в пляс.

Девица выдрибила строчку и, не сводя с Василия дерзких манящих глаз, пропела, как выдохнула:

А ни коровы, ни козы,
 Не коси, не майся...
 Только с милым на печи
 Лежи да обнимайся.

Тут же Василия подхватили под руки и потащили в дом.

— Не хватало и мне еще загулять вместе со всеми! — В отчаянии подумал он и уперся.

— Нет, нет! — Запротестовал Василий. — Я не могу сейчас идти с вами. Меня ждут.

Он нашел глазами в толпе Нину Ивановну и призывно замахал ей рукой.

Она все поняла, подхватила Уралова под локоть и сердито прикрикнула на разгулявшуюся публику.

– Вам сказано, что товарища Уралова ждут. Он не может остаться!

Шум праздника остался в стороне.

– Вы где собрались ночевать-то сегодня? – Спросила осторожно вековая доярка Пасхина. – Ежели чего, так у меня изба пустая. Только сначала надо на двор сходить доглядеть.

...На этот раз коровник встретил тишиной, нарушаемой лишь хрустом сена да глубокими вздохами скотины.

– Слава тебе, Господи! – Перекрестилась Нина Ивановна. – Теперь пойдем на покой!

Она помолчала прислушиваясь к своим мыслям, покачала головой:

– Это ж надо, Кряжев сено самолучшее свое отдал! А три года назад уполномоченного с крыльца спустил. Так Генаха тогда на себя вину взял. Два года отсидел ни за что не прошто...

– Это что за история? – Заинтересовался Уралов.

– Так ведь не давали скотину-то держать. Не давали. – Вздохнула Нина Ивановна. – Косить не давали, приусадебные участки обрезали...

Хрущев-то будто заявил, что все по столовым будут питаться, что там все дешево станет и дома не надо будет силы тратить... Что все силы на общественное производство...

– В принципе-то это правильно, – сказал Василий. – На личном подворье труд малопроизводительный...

– Может, оно и так, – устало возразила Нина Ивановна, – только какая это будет семья, если она за общим столом не собирается, какой дом без скотины-то? Ведь народ-то в зимогоров превратиться...

Уралов не возражал.

– Приехали с района представители, – продолжала Пасхина. – До часу ночи собрание шло, уламывали всякими способами, чтобы проголосовали за сокращение приусадебных с 35 до 15 соток, за то, чтобы коров со дворов сводили на мясо...

– Ну и как?

– Проголосовали. Не все, конечно. Кряжевы не голосовали. Корову не свели. Потом и началась битва. По ночам косили, тайком. Был у нас такой бригадир из пришлых, так он Матрену Стогову выкараулил, как она сено с пустошей ночью на горбу несла, да и поджег сзади ношу-то. Сено то, как полыхнет в ночи-то... Так она чуть ума не лишилась...

– Ну, а Кряжевы что?

– А что Кряжевы? Надо скотину-то кормить. Накосили в тайге, привезли опять же ночью. Кто-то и донес. Вот к ним комиссия и нагрянула. Старший-то и встал на дыбы.

Вот с той поры у нас у народа на колхозное вроде бы обида какая... Не надо было подворье-то зорить. Теперь вот не запрещают скота держать, а обида осталась...

...Маленькая избушка Нины Ивановны Пасхиной была уютна и чиста. Хозяйка согрела самовар, выставила на стол нехитрую снедь: вареные яйца, молоко, хлеб...

– Я ведь, Василей Васильевич, батюшка, без скотины тоже жизни своей не мыслю. Сейчас вот сил уж не стает, так хоть козлика с козочкой да держу Уралов тоже молчал, потрясенный этой историей.

Да, Хрущев уповал на то, что общественное животноводство, более дешевое и производительное накормит всю страну и высвободит опять же для производительного общественного труда рабочие руки... Выходит, резали по живому... В скольких сердцах осталась такая вот неизбывная боль по своему хозяйству, по скотине...

– Вот я и думаю, если на том свете есть коровий рай, так точно Белава моя в раю. Не зря она мне во сне грезится. Верно к себе зовет. А я и сама последние лапти донашиваю на этом свете, только вот попаду ли в рай=то – не знаю. Ох, нагрешили мы за время свое безбожное немало, и церкви наши бескрестовые лесом на куполах поросли...

...Было уже темно. Нина Ивановна постелила Уралову в горнице на перине. В избе пахло хлебной закваской и ржаной

соломой. Совсем, как в далеком теперь детстве... Едва коснулась голова подушки, словно провалился он в глубокий омут. И снилась ему дальняя дорога, плачущая доярка Пасхина, братья Кряжевы с финскими ножиками за голенищем, и та самая девица, пляшущая на кругу, с горячими темными глазами. Вот повернулась она на каблуках, взмахнула подолом сиреневого платья, и вновь открылось ее лицо, но это была уже другая девушка, белокурая, с ясными голубыми глазами, грустной улыбкой на губах. Это была его Лара...

ЧЬЯ В ДЕРЕВНЕ ВЛАСТЬ?

— Да, милый вы мой, крестьянская психология — это особый строй души, — наставлял Василия в институте профессор Амелин, руководитель его научной практики. — Вот вы приедете в хозяйство, поставят вас к рулю, так я заранее очень попрошу вас: с вашим-то горячим характером не наломайте дров.

— Сельское хозяйство требует, вы сами говорили, решительных коренных преобразований. Как, не разрушив старого, можно построить новое? — Удивился Уралов.

— В том-то и дело! — Воскликнул профессор. — Нужно чувствовать остро, чтобы строить и перестраивать, не нарушая корневых основ. Давайте-ка мы с вами, оставим пока на минуту классиков марксизма-ленинизма, а обратимся к такому вот знатоку крестьянской души и крестьянской психологии, как Глеб Иванович Успенский. Вспомним его знаменитый очерк «Власть земли»:

«Русский народ до тех пор велик и могуч, до тех пор терпелив и безропотен в своих страданиях, пока царит над ним власть земли, пока сохраняет он в своей душе невозможность послушания ее повелений. Уберите эту власть — и нет того человека, нет того кроткого типа, который держит на своих плечах вся и все. Наступает страшное: « Иди куда хошь».

И беда, если власть земли будет подменена властью чиновника. Так-то вот, дорогой мой.

Профессор разволновался и отложил в сторону очки.

— Помните Петровские реформы? Он пытался указами внедрять нововведения. Указом заставить крестьян садить картофель повсеместно. И что получилось? Крестьяне посадили эти «земляные яблоки» вместо репы, а поскольку понятия не имели о их свойствах, то стали собирать не клубни, а пупышки, которые на ветках растут, наелись, потравились и устроили картофельный бунт, который пришлось усмирять огнем и мечом.

А что сделали французы? Они тоже внедряли картофель, но как. Они учитывали психологию крестьян. Они раздали семена лучшим крестьянам и наказали строго настрого, чтобы ни один клубень не ушел на сторону. И через два года вся Франция сажала картофель...

– Выходит, чиновники тоже разные бывают? И не всегда их власть и влияние на крестьянина бывают негативными...

– Влиять, а не управлять, вот в чем вопрос. Но и влияние до определенной степени, Умное влияние. А то крестьянин скажет, а зачем мне самому думать, зачем беспокоиться. Придет дядя сверху, распорядится... И тогда результат будет печальным. Задача руководителя в том, чтобы не самому работать и думать, а понуждать своих подчиненных думать и действовать.

Было время, когда у нас среди руководителей были сплошь одни кавалеристы: все проблемы у них решались лихой кавалерийской атакой.

– Знавал я одного такого, у него прозвище в народе было такое «Всадник без головы», – поддержал Амелина Василий.

– Вот, вот, – засмеялся Амелин. – А зачем голова, когда на каждое твоё движение сверху есть определенная директива.

– Ну, сейчас, время изменилось. – С удовлетворением сказал Василий. – Теперь только и разговоров о самостоятельности, инициативе.

– Э, молодой человек, не спеши, – возразил Амелин. – Ситуация не меняется по мановению волшебной палочки. Те, кто подмял под себя негласную власть, так просто с ней не расстанутся.

Вот послушай, что я тебе скажу. По своему разумению я делю людей на три категории: первая высшая – это гении, творцы. Они живут и работают не ради собственной выгоды. Чаще всего об этой стороне дела они не помнят и не замечают ее. Их без остатка увлекает дело, его масштабность. Они счастливы тем, что заняты созидательным творческим трудом.

Другая категория – это таланты, созидатели. Талантливым может быть и писатель, и кузнец, и пахарь. Они тоже увлечены

делом, не часто думают о материальных выгодах своего занятия, и тоже остаются в обычной жизни не защищенными.

Но есть и третья категория. Назовем ее — рутинщики. У рутинщиков нет гениальных способностей, нет задатков творцов, они не могут похвастать умениями и талантами, они серы, и в своей серой массе ничем друг от друга не выделяются. Но они находят для себя достойное занятие. Они идут вслед за гениями и талантами, за творцами и созидателями и обставляют их жизнь своими правилами, своими законами, начинают управлять творцами и распоряжаться результатами их труда. Они корпоративны, они организованны и сплочены одной общей задачей. Они опасны, наконец, для общества и государства. Если не выстроить вовремя против них защиту.

Но сделать это будет чрезвычайно непросто, потому что и серость и рутинщики завтра без тени сомнения объявят себя борцами и с рутинной и серостью, с бюрократией и коррупцией, поменяв коней и окраску, что бы только не потерять свою власть над творцами и гениями...

— Что же делать? — Спросил расстроенный Уралов.

— Что делать, что делать? — Единственное, я полагаю средство, когда увлекаешься делом, масштабами его, теряй при этом головы. Поглядывай, что делается вокруг, кто стоит за твоим плечом. И не чурайся рутинной работы, чтобы ее за тебя не стали делать другие и опутали тебя своими сетями...

С Амелиным Уралов вновь встретился на партийно-хозяйственном активе в районе, куда направили его работать после института. Профессор приехал, чтобы прочитать доклад о научно-обоснованных нормах кормления скота.

Он утверждал, что для того, чтобы корова доила не менее трех тысяч литров молока в год, нужно, чтобы ее ежедневный рацион составлял не менее девяти кормовых единиц.

В это время сидевший в президиуме заместитель начальника областного управления сельского хозяйства по животноводству Першаков, сверкавший огромной лысиной, властно прервал докладчика, постучав по графину карандашом:

— Вот скажите, уважаемый товарищ профессор, как это получается... Вот у нас здесь присутствует председатель колхоза «Таежные поляны» Леонид Петрович Кропачев. Он вам может ответственно заявить, что у них на корову приходится пять кормовых единиц, а получают они от этой коровы тоже около трех тысяч литров.

Зал загудел. Из первых рядов поднялся высокий молодой человек, одетый в серый с иголки костюм, идеально подстриженный и без обычной для председательских лиц окалины загара.

— Вот, пожалуйста, товарищ Кропачев, подтвердите профессору ваши результаты.

Амелин с интересом взглянул на молодого председателя.

— Так за счет каких же резервов вы смогли достичь этих феноменальных результатов? — Спросил он насмешливо.

— Я думаю, здесь не уместен смех, — ледяным тоном отвечал молодой человек. — Выполняя решения прошедшего съезда партии, встав на трудовую вахту в честь празднования Первомая, наши животноводы увеличили продуктивность скота, несмотря на недостаточность кормовой базы.

Что-то знакомое показалось Василию в этой высокой тончистой фигуре, в голосе, и жестах.

— Кропачев? Леонид Кропачев. Ленька! Так вот где судьба свела их вновь.

Кропачев сел.

Амелин отложил доклад, повернулся в сторону Першакова:

— С научной точки зрения, этот феномен я объяснить не могу, но могу объяснить, как рядовое очковитирательство.

Зал грохнул, Першаков покраснел и набычился:

— Я бы не советовал вам делать столь скоропалительные выводы. Наука слишком много на себя берет...

Все знали, что «Таежные поляны» искусственно тянут в передовики. Даже такой анекдот рассказывали. Будто бы приезжает Першаков на ферму, подходит к передовой доярке и спрашивает:

— А скажи, Евдокия, ты три тысячи от коровы надоить

можешь?

– Могу, Петр Федорович!

– Ну, а четыре?

– Могу и четыре.

– А пять?

– Могу, Петр Федорович и пять, только вот молоко-то сине будет!

В перерыве Уралов подошел к Амелину. Профессор обрадовался своему бывшему студенту, как родному. Долго тряс ему руку.

– Вот мы с вами говорили о крестьянской психологии, а теперь, поездив по хозяйствам вашего района, я хотел бы с вами о коровьей психологии поговорить. Понимаете в чем дело: генетически это животное на протяжении столетий формировало свою психологию, направленную только на отдачу. У коровы не должно появляться других желаний, кроме одного: доиться, доиться и доиться. Она должна знать, что обо всем остальном позаботится человек, ее хозяин, вовремя и полноценно накормит, напоит, согреет, почистит стойло и постелет душистую солому... Но если у нее появятся на сей счет сомнения, если ее не накормить раз, второй, если не напоить вовремя, тогда она начнет перестраивать свое отношение к жизни. Она перестанет отдавать молоко полностью, а станет свою энергию резервировать про запас, на всякий случай.

После заседания хозпартактива Василий, выйдя на улицу, почти столкнулся с Кропачевым.

– Ну, что ж, здравствуй, – сказал тот с плохо скрываемым вызовом. – И тебя в эту упряжь запрягают, слышал. В «Зарю». Давай, давай, Оратай Оратаюшка. Не сломай только шею...

Василий молча смотрел на Кропачева, человека, который принес ему уже столько страданий и смог повлиять на его жизнь. Но в душе его похоже давно сгорело негодование, осталась одна брезгливость...

– Поживем, увидим, – ответил он коротко и оставил Кропачева на крыльце райкома.

КОЛХОЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Все эти дни до колхозного собрания Уралов жил у старой доярки Нины Ивановны, втягиваясь в круг председательских забот. А их, как оказалось, было выше головы, начиная от отелов на ферме, кончая бабьими родами. До всего должно быть дело председателю, со всяким вопросом к нему идут... Так заведено тут десятилетиями.

Сельский клуб располагался в верхней теплой части переоборудованной под культурный центр церкви Иоанна Предтечи. Церковь в прежние времена была богато расписана, фрески с библейскими сюжетами начинались прямо от входа, с лестницы и украшали весь верхний и нижний пределы. Фрески пытались не раз забелить, но побелка держалась плохо и сквозь нее то тут, то там проступали лики святых.

Сцена с трибуной располагались в алтарной части. За сценой на белой стене висели портреты Карла Маркса и Ленина, а между ними виднелась на стене фреска, изображавшая Иоанна Крестителя с высоко поднятым крестным знаменем.

Народ давно уже привык к такому соседству и не обращал внимания ни на Предтечу Христа, ни на классиков коммунистической идеи.

Собрание по выборам нового председателя назначено было на одиннадцать дня, но народ не торопился бежать на собрание, обряжал скот, хлопотал по дому, словно испытывая терпение кандидата на прочность. Василий начал уже было волноваться.

Пока что в клубе были только специалисты из конторы, несколько старух, ребятишки, затеявшие возню и игры с бегом-ней вокруг лавок, несколько деревенских собак, загодя занявших укромные места, где бы не наступили им на хвосты.

В бродовых с закатанными голенищами сапогах, в зеленой пограничной фуражке пришел дед Гарapon, потерявший свою

начальственную должность с открытием дорог и страдавший от этого.

— Новому председателю, поклон от ветеранов земледелия, — дед снял фуражку и церемонно поклонился Василию. — Надолго ли в наши края?

— Да я еще пока не председатель?

— Выберут! Поорут, покричат да и выберут! — Прищурился хитро Гарапон. — Так —то оно проще. Есть с кого спрос чинить, если какие в хозяйстве не лады. Сами-то в стороне, а председатель отвечай. Как у нас прежние-то председатели правили? Побьются, потрепещутся, да и на вылет.

— И давно у вас так? —Спросил Василий.

— А с тех самых пор, как телефонный звонок Сталина нас подвел.

— Сталина? —Удивился Уралов.

— Докладываю, — оживился Гарапон.- Урожай в наших краях, надо сказать сразу, с испокон веку хороши были. Земля, считай, чернозем чистый, да и стараньем Бог не обидел. Председателю до ордена рукой подать.

Вот собирает он после уборочной правление. «С одним планом хлебосдачи, — говорит, — мы успешно справились, — возьмем, говорит, обязательство и второй сдать!» Но правление — на дыбы: «А чего колхозникам на трудодни останется?»

Сколько ни давил, сколько не ломал — устояли. Пусть, отвечают, общее собрание колхозников решит сдавать второй план или не сдавать.

Повесил наш пред головушку, а потом как стукнет по столу: «Собрание, так собрание!»

Вот в клубе весь колхозный народ в сборе, портреты вождей в красном углу, на сцене президиум восседает, а вот председателя нет. Пять минут нет, десять... Заволновались, зашумели. Пятнадцать минут нет уже.

И тут из боковой двери стремительно так выкатывается, и портфель под мышкой. Взлетел на трибуну, как кочет, и молчит. Торжественно так молчит, значительно.

Притихли мы в ожидании, а он как заголосит:

– Поздравляю, – кричит, – вас товарищи колхозники! Только что я разговаривал по прямому проводу с вождем мирового пролетариата, генералисимусом всех времен и народов, нашим мудрым учителем и кормчим... Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Тут нас как волной со скамеек подняло. Ударили мы, что есть мочи дружное «ура», так что лошади у коновязи пообрывались. И так, стоя аплодировали, наверное, полчаса... Еле-еле унялись. Шутка ли, сам вождь удостоил такой чести.

– Так вот, – говорит в продолжение наш оратор. – товарищ Сталин просит нас максимально напрячь силы и выполнить второй план по хлебосдаче. Прошу голосовать. Кто «за»?

Снова встаем и – в аплодисменты. Хлеб сдали вплоть до семян. И с тех пор двойной план по хлебосдаче за нами так и остался. Обнищали в конце.

– Дали хоть председателю орден? – Спросил улыбаясь Уралов.

– Какое там! Отправили на лечение. Манию величия признали. А надо бы весь колхоз лечить. Не могли сообразить, что в деревне месяц, как телефон не работал...

И Гарapon испытующе вперился в глаза Уралова, ухмыляясь в прокуренные усы.

...Хлопнула внизу дверца залепленного грязью козелка. Приехал Зажигин, первый секретарь райкома партии, чтобы поддержать молодого кандидата.

Он был невысокого роста, кряжистый, во всех движениях его чувствовалась неумная энергия, а глаза лучились веселым светом. Зажигин заметно прихрамывал – сказывались фронтовые раны.

«Первым» Зажигин стал несколько месяцев назад. До этого он руководил крупным колхозом, который сумел за несколько лет вытащить в передовые. И теперь Уралов, надо полагать, был его ставленником.

– Ну, здравствуй, герой! – весело приветствовал Зажигин

Уралова. – Присмотрелся к Бекетовскому? Нелегка ноша, надо прямо сказать, но я в тебя верю! Теперь надо сделать так, чтобы люди поверили.

– Народ-то, Валентин Владимирович, собирается медленно. – Не скрыл огорчения Василий. – Того гляди, сорвут собрание.

– Придут. – Успокоил его Зажигин. – Тут свои правила, ждут чтобы их уважили, поклонились, попросили еще раз. Пошлешь гонцов, начнешь кланяться – себя потеряешь... Не станут уважать.

– А что делать?

– Надо начинать, и как только мы начнем – все соберутся. Местный телеграф сработает мгновенно – все тут будут. Проверено.

Наконец, пришли члены правления колхоза. Собрание началось. Выступал с отчетом главный бухгалтер, уныло перечислявший цифры убытков, долгов, недостатков... И пока подводил он печальный баланс прожитому году, зал постепенно наполнился людьми.

Бухгалтер закончил. В зале раздались аплодисменты. Потом выступил агроном, доложив о рекордно низких урожаях, нехватке удобрений и не вывезенном от ферм за три года навозе... Похлопали и ему. Потом взял слово председатель комитета народного контроля, говорил резко, бичевал недостатки, называл цифры потерь... Ему хлопали больше всего.

Потом за трибуной оказался механик животноводства:

– Уже в этом пастбищном сезоне произошло несанкционированное «ЧП». – Заговорил он с пафосом обличения. – Пастух товарищ Поздняков в нетрезвом состоянии, начал раздражать быка производителя Капитона путем щекотания. В результате чего пастух Поздняков получил телесные повреждения путем забодания.

Неожиданно это сообщение механика вызвало бурную реакцию зала.

Первым вскочил сам пострадавший пастух Поздняков:

– А цепи где? Где цепи, я вас спрашиваю? Я сколько раз

подавал заявки зоотехнику на цепи. Это где это видано быков без цепей держать? А?

Зал загудел. Председатель собрания, кладовщик Хомяков, вытащил из кармана большой ключ, наверное, от амбарного замка, и постучал им по графину. Но его старания не были услышаны.

Пастух Поздняков, высокий, худой, театрально потрясая руками, перешел в атаку:

— А я чего, один что ли пью? А это кого производитель Капитон гонял третьего дня по пастбищу? Не тебя ли? А ты ведь, кажись, трезвой был? Али под мухой?

Инженер пытался что-то сказать, но зал гудел, словно паровой котел, готовый вот-вот взорваться. Инженер махнул рукой и ушел с трибуны.

В зале, как показалось Василию, творилось что-то невероятное. То тут, то там в разных концах его вспыхивали жаркие споры. Люди вскакивали и начинали запальчиво говорить, обращаясь к кому-то сидящему в зале через несколько рядов. Ответ не задерживался. Тот, к кому была обращена горячая речь, в свою очередь вскакивал и произносил свою страстную речь.

По обрывкам фраз Василий понимал, что спор идет о несчастном колхозном производстве, о погибших телятах, проквашенном по халатности молоке, и сгноенном сене, и еще о многих и многих провалах в организации производства.

— Племенной работы нет, про агротехнику и не вспоминают! — доносились выкрики.

— В прошлом году, кто удобрения у реки свалил, а их паводком и смыло!

— Молодежь уезжает от тоски, клуба порядочного нет. В церкви поем и пляшем, греховодники. — Кричали из зала.

— Вы поглядите в какие у нас дороги! — Кто-то кричал запальчиво. — Только на эропланах и летать!

Уралов впервые присутствовал на таком вот собрании, которое напоминало потерявшее управление судно в штормовом море.

Василий растерянно поглядел на Зажигина, но тот хранил спокойствие и только улыбался, вслушиваясь в этот гудящий котел.

– Ничего, ничего! Надо терпеть. Пусть люди выговорятся. Видишь, сколько всякой дряни накопилось в колхозных делах.

Тут над залом колыхнулась зеленая фуражка деда Гарапона.

– Дайте слово ветерану колхозного производства! – Звонко и молодо выкрикнул дед, перекрывая шум собрания.

– Ну, чего тебе старый? – Пробасил Генаха Кряжев, сидевший на передней скамье вместе с братом и отцом. – Опять как-небутную провокацию замышляешь?

– Имею серьезное предложение по выходу из сложившегося тупика!

– Валяй, Гарапон, говори, – поддержали его из зала.

Гарапон снял картуз и откашлялся:

– Так вот, дорогие друзья-товарищи. Сколько у нас там в кассе денежек-то на текущие расходы осталось? Пятьсот рублей?

Зал недоуменно загудел.

– Так вот я и предлагаю на все купить хванеры!

Теперь в гуле собрания зазвучали угрожающие ноты.

– Так вот я и говорю: надо на все эти денежки купить хванеры.

– Да на кой ляд тебе хванера-то, старый ты греховодник! – Возмутилась вековечная доярка Пасхина.

Дед снова многозначительно откашлялся. Зал на некоторое время замолк, ожидая услышать мудрость старейшины.

– А как жо? Нужна нам хфанера, ой, как нужна. Купим мы хванеры, настроим аэропланов и разлетимся отседа к едрене матери!

Зал ахнул и взорвался. Кто-то хохотал, кто-то ругался, кто-то пытался внедрить свою тему.

Василий поглядел на часы. С начала собрания прошло два часа, мужики уже хлопали по карманам в поисках табака, бабы перевязывали платки.

– Надо отпускать народ на перерыв, – сказал Зажигин Уралову. – Пусть сходят, обрядят скотину, пообедают, а потом уже начнем снова. Учти, раньше полуночи не закончить, пока всех и вся не перетрясут.

Уралов повел Зажигана обедать к бабке Нине, где квартировал.

– Когда семьей обзаведешься? – Спросил Василия секретарь, глядя на него испытующе. – Смотри, председательский крест тяжелый. Все на виду. Ни выпить лишней рюмки, ни девку за бок ухватить. Не зря сказано, игуменья за стопку, сестры – за ковш... Есть на примете девушка-то?

– Девушка то есть, – отвечал со вздохом Василий, только вот следы ее потерял...

– Как так?

– Последний раз видел ее одиннадцать лет назад. Ее из детдома забрали родственники, увезли в Краснодарский край. Сколько я не писал ей по адресу, ответ один: адресат не известен. Пытались через Всесоюзный розыск найти – не получается...

– Вот как? – С удивлением глянул на Василия Зажигин. – Так ты до сих пор хранишь верность своей детской любви? – Секретарь покачал головой. – Это достойно всяческого уважения.

Он помолчал.

– Надо искать, Вася. Если есть девушка, значит, должен быть и адрес...

ГАРАПОНОВ ТАБАЧОК

Гарапонова старуха зря брякала в печи ухватами. Гарапон на обед не спешил. Только все покинули клуб, как Гарапон собрал вокруг себя ребяташек.

— Вот что, сандранапалы, я вам скажу: « Не хотите ли курнуть дедова табачку?»

Ребята засмутились.

— Знаю, знаю. Покуриваете, — Напирал на них Гарапон. — А у меня табачок собственного производства: сам садил, сам и готовил. От меня, ребята, скрывать нечего, у меня рот на замке, никто не узнает.

— Ну, коли так, давай, — все еще смущенно согласился один, самый бойкий в длинных хлопчатобумажных штанах, перетянутых солдатским ремнем.

— Дам, без сумления. Только вы вперед мое задание выполните.

— Какое задание?

— Надо пойти к скотнику, наимать в соломенной крыше воробьев и сопрятать их до поры до времени за пазухи, а когда время придет выпускать их — команду подам.

...После обеда собрание приняло более конструктивный характер. Кричать и ругаться уже не хотелось. Народ придерживался порядка и слушался секретаря, ведущего собрание.

Поставили на голосование утверждение отчета, утвердили его и почти единогласно опять же под аплодисменты выставили работе правления оценку «неудовлетворительно».

Когда к трибуне вышел Василий — насторожились.

— Мне трудно говорить, — сказал Василий волнуясь. — Я человек здесь новый, а со стороны всегда критиковать проще. Поэтому я не буду критиковать колхозные дела и порядки, вы и сами их знаете лучше, чем кто-либо другой.

Я не набиваюсь к вам в председатели. И вы не спрашивайте меня, справлюсь ли я? Я не знаю, я еще ни разу не пробовал себя в председательской роли. Но я скажу вам честно: я буду стараться. Стараться изо всех сил. И я говорю вам точно, если вы меня выберете председателем, я вам покою не дам.

Зал потревожено загудел.

— Но и вы мне его не давайте. — Продолжал Василий. — Я буду стараться, чтобы колхозники жили богато, и чтобы в первую голову богатство это исходило от колхозного производства, а как это сделать — давайте думать вместе...

И тут поднялась со скамьи Нина Ивановна Пасхина.

— Вот что я скажу, товарищи колхозники! — Зазвенела она. — Надо выбирать парня. Я то уже попригляделась к нему и скажу: наш парень. Душа у него за дело тревожиться. И разуменье есть.

Теперь зал согласно загудел. С переднего ряда неожиданно для Уралова поднялся отец Кряжевых, пробасил:

— Берем Василия в председатели! Только вперед уговор: слушаться всем.

Проголосовали опять «единогласно»

...Зажигин ужинать не остался и не дал Василию провожать его.

— Оставайся с народом. Скоро увидимся.

После собрания в клубе катили кино «Свинарка и пастух». Никто не расходился. Народу еще добавилось. Пришел, опираясь на можжевелевый посох, отшлифованный за многие годы руками, ветеран русско-турецкой войны Константин Стогов... Дедушке Константину было уже сто пять годов.

Жил он со своею дочкой Матреной, которой самой уже было далеко за восемьдесят. До последнего времени Стогов работал в колхозе, чинил упряжь, ухаживал за лошадьми. Но вот Матрена забрала его к себе в дом и на работу ходить запретила.

Василий не раз встречал, опирающегося на посох деда Стогова у ворот дома, и всегда останавливался поговорить.

Дед радовался каждому встречному, рассказывал, как сражался на Шипке, как видел самого белого генерала Скобелева,

который от картечи и пуль был словно заговорен: вылетал в трудные минуты перед войском на белом коне, в белой бурке и звал за собой в атаку полки.

Потом была война с «ерманцем». Участвовал в Брусиловском прорыве. Служил в одном отделении с сыном, сын у него в подчинении был. Надо идти в разведку боем: кого посылать? Всех жалко, а сына и того жалчей. Пошел сам и вернулся, а сына на глазах убило...

Жаловался дед Василию, что Матрена ничего не дает ему по дому делать. Как-то по весне привезли в заулок дров осиновых, лежат они на дворе не колотые, дух от них сырой, пьянящий исходит. Не выдержал дед Стогов, спустился середь ночи с печи и во двор.

Под утро Матрена проснулась от стука, выскочила на крыльцо и ахнула: там тятя ее дрова колет.

Заругалась, отобрала топор.

— Что же вы это, тятя, меня на людях-то позорите.

Али бы я сама не переколола дрова-то!

— Я бы еще пожил, — жаловался Василию дед, так от всех делов отстранили. Не нужен видать!

В последнюю их встречу Василий обещал Стогову переговорить с Матреной и дать ему в колхозе должность по силам, если станет председателем.

...Наконец, народ угомонился. Затрещал в кинобудке проектор, и вот появилась на экране ухоженная северная деревня, березовые перелески, высокие дома с резными крыльцами, ухоженные улицы, полные молодости и веселья, бойкая босоногая Марина Ладынина в образе свинарки и вслед за ней рубахапарень Николай Крючков с гармонью:

«Стоит мне милашке Глашке
Левым глазом подмигнуть,
Как ко мне милашка Глашка
Камнем падает на грудь...»

Зал затаил дыхание, только слышно было, как трещали

цигарки у мужиков, кутивших у порога.

И вот уже зима, и Глафира в отчаянии ждет письма с далекого Кавказа, и зал полон сопереживания... И тут какая-то темная тень мелькнула на экране, за ней вторая третья... И вот уже десятки черных теней замелькали под потолком клуба. Мечутся и чирикают... И зрителям уже не до кино. Что за диво такое? Что за напасть?

– Анатолей, – Закричали из зала. – Останови кино! Свет дайте! Огня.

Вспыхнула электрическая лампочка под потолком, и взорам колхозников предстала дикая картина. Под потолком носилось десятка три ошалевших от шума и света воробьев.

– Где этот Гарапон? – Перекрывая шум, захохотал Генаха Кряжев. – Это точно его проделки.

– Гарапоновы шуточки. – Поддержал Генаху брат Пашко. – Он еще накануне заявлял, что если его в правление не изберут, так он всем нам акцию протеста устроит.

Открыли двери и окна. Со смехом и руганью принялись гонять воробьев.

А Гарапон тем временем рассчитывал ребятню, наделяя их самокрутками.

– Нате вам, курите на здоровье, да помните деда Гарапона.

Спрятавшись в кустах, ребяташки раскурили самокрутки, и тут же из глаз их брызнули слезы, из носов потекли сопли, и кашель стал сотрясать юных курильщиков, выворачивая до нутра... Попомнится ребятам гарапонов табачок... Цигарки-то были с перцем. Надолго пропадет тяга к курению...

...Досматривать картину уселись уже затемно. Но домой ни кто не ушел.

Когда фильм закончился, в зале стояла тишина. Народ не поднимался с мест. И тут раздался чей-то задорный голос.

– Анатолей, Рязанов! Крути по –новой.

И снова появились на экране деревенские улицы, полные молодости и веселья, и босоногая Марина Ладынина, и красавец гармонист Николай Крючков... И снова зал затаил дыхание.

ШУМЕРЫ ВПЕРЕДИ

Первым посетителем заступившего в должность молодого председателя был дед Гарапон. Он зашел в кабинет Уралова, словно давний закадычный друг, повесил на гвоздь старую выгоревшую пограничную фуражку и уселся на стул.

– Имею рацпредложение по животноводству. Выгода сумашедшая. За год двойные надои получаются!

Дед полез в карман и извлек на свет несколько исписанных цифрами тетрадных листочков.

– Попрошу оформить внедрить и выплатить дивиденды.

Этой зимой у деда Гарапона пропала корова Малина. И пропала она самым таинственным образом. Бесследно. Гарапон пришел в обед на двор подоить кормилицу, а кормилицы и нет. Вкруг двора снег суметами лежит, одна только узкая тропка от дома коридором пробита, да около двора площадка натоптана самой Малиной – Гарапон ей по науке зимние прогулки устраивал. И все.

Следов похищения или побега не оказалось.

И Малины не было.

Гарапон заполошно выскочил на улицу, обежал свои владения, ломанулся было в деревню да одумался. Сел на опрокинутое ведро, охватил руками голову, загоревал тяжко. И тут слышит он, что откуда-то, словно из подземелья, доносится глухое мычание.

Прислушался: точно! Мычит Малина! Пошел на голос: мать честная!

Еще летом Гарапон решил рядом со своим домом сделать погреб. Дом стоит на высоком речном берегу. По передку дома и выкопал Гарапон ямищу размером три на четыре метра, тесом обшил, сусеки устроил. Туда и картошку, и капусту опустил, и морковь, и свеклу... Над погребом навес настелил, а вот сам погреб закрыть не успел. Положил еловые плахи, а поверх их

стал складывать овечьи объеда — сено, которое овцы не доедали. Сам себя за сметку хвалил: утеплить погреб. А тут еще и Малина, выйдя на прогулки, заглядывать стала под навес. Нагуляет аппетит, похрумкает объедами. То-то Гарапону радости. Будто бы безотходное производство налаживаться стало...

И вот заскакивает Гарапон под навес и видит, что плахи над погребом разошлись, и из погреба жалобное малинино мычание исходит. Чиркнул Гарапон дрожащей рукой спичку, заглянул в утробу погребеную: ах ты мне! Одни рога малинины торчат. Провалилась Малина в погреб!

Ох, и забегал по началу Гарапон. Тащит веревку, веревкой Малину опутывает, из погреба пытается поднять. Да где там! Тут кран подъемный нужен. Веревка на малинину шею удавкой сползла, едва успел топором перехватить, остался бы вовсе без коровы. А так, пусть и в погребе, но корова.

Пол дня простояла Малина в узилище своем, обвыклась, стала морковку хрупать, капусту жевать. Тепло. Вроде бы и понравилась новая квартира. Гарапон прибежал, самолучшего сена на веревке спустил, бадью с пойлом. Соломы под бочину кинул. Вечером по лестнице с подойником лезет...

Неделю простояла корова в погребе. Прибавка в надоях существенная образовалась. Гарапон и обрадовался тут. А так хотел уже резать Малину-то, да частями доставать.

Дело к лету пошло. Трижды в день Гарапон к корове в погреб нырял. Стала корова в надоях рекорды бить. Раньше про свою беду помалкивал. Не дай Бог, деревня узнает, засмеет. А теперь в пору в газете с передовым опытом выступать.

Посчитал Гарапон выгоды на бумажке и теми бумажками в контору отправился. К новому председателю.

— Так в чем тут новизна? — едва сдерживая смех, спросил Гарапона Уралов. — В западных странах давно уже коров на пастбище не гоняют. Это закон: чем меньше корова затратит энергии на свою жизнедеятельность, тем больше она даст молока. Впрочем, оставьте свои записи, я познакомлюсь с ними. И скорее всего, мы будем перестраивать технологически животноводство,

и даже, я думаю, есть смысл перейти на двухразовое доение.

— Что? — Глаза у Гарапона округлились. — На что ты замахиваешься? Одумайся Василич! Да корову-то испокон веку три раза доили. Да с тебя там наверху за такое самоуправство голову снимут, — искренне испугался Гарапон за нового председателя.

— Не волнуйся, — засмеялся Уралов. — Есть научные расчеты. При переходе на двухразовое доение только в самом начале корова будет меньше давать молока. А потом продуктивность восстанавливается. Зато как мы облегчим труд животноводов, доярок? Ведь они свету белого не видят: в четыре утра уже на ногах, домой приходят затемно, а у них и дома хозяйство, мужа, дети... Это же не жизнь, а каторга. А при такой нагрузке разве можно говорить о высоких надоях? Ведь корове= то настроение доярки передается. Все взаимосвязано. Плохо одной, и другой — плохо.

— А и верно ты говоришь, Василич! — Восхитился дед Гарапон. — Вот светлая ты голова. Жаль, что нынче я не член правления, а то бы я тебя первый поддержал.

— А ты так поддержи, неформально. Проведи, так сказать, социологическое исследование, как народ воспримет эту идею. Любая реформа или перестройка прежде всего должна поддержку у людей заиметь.

— Я понимаю. — Загорелся Гарапон. — Я это мигом внедрю.

Председатель взглянул весело на деда Гарапона, почесал в затылке и неожиданно заявил:

— Кстати, насчет должности... Думаю я, что без должности тебе, Гарапон Семенович, никак нельзя. Я вот посоветуюсь с правлением не назначить ли тебя нам редактором колхозной газеты А? Ты человек, похоже, грамотный, за дело болеющий... Поднимать надо сознание-то...

Гарапона словно осветили изнутри с головы до пят.

— Вот это дело! Да я тут все правду — матушку изложу. У меня не забалуешь...

Он нахлобучил на голову пограничный картуз и быстро исчез из кабинета.

НЕ ТОТ КОЛХОЗ!

Возвращаясь с дальних пустошей, Уралов свернул не на ту лесную дорогу и оказался в чужих владениях. То, что он на чужой территории, он понял не сразу.

На большой сенокосной поляне залоговал у костра народ, закопченный чайник висел над огнем, слышен был смех и радостное взвизгивание девиц. Поодаль стоял без дела колесный трактор с косилкой. Половина травы на поляне была не кошена, и это обстоятельство больно задело Уралова.

Он резко подрулил в сенокосному стану:

— Что за веселье в рабочее время, дорогие товарищи! — Строго спросил он людей. — Веселиться будем зимой, когда у скота будут полные кормушки, а сейчас страда в разгаре. Сами знаете, в сенокос дорог каждый час.

Народ с удивлением, но почтительно поглядывал на нежданного гостя.

Поднялся тракторист в замасленной спецовке:

— Тут у нас технические неполадки. Косилка накрылась. Послали в мастерские гонца за механиком с запчастями, а по сию пору никого не прислали. Вот и залогую.

— Да за это время можно было вручную выкосить не один гектар. Вот у вас какая сила! — возмутился Уралов. — Давайте, товарищи, поднимайтесь, ведь на себя работаете!

Народ запереглядывался, но начал подниматься и братья за косы.

Уралов обернулся к безучастно стоящему трактористу

— Чего там у тебя, — показывай!

Пошли к трактору, Уралов сбросил пиджак, закатал рукава рубахи полез под косилку. У косилки был поврежден привод, но поломка была не такая уж серьезная, чтобы не справиться с ней в полевых условиях.

— А ну, полезай сюда, — скомандовал Уралов. — Ты что не в состоянии самостоятельно эту тягу выправить? Зачем же из-за такого пустяка отвлекать людей. Давай сюда инструмент!

Скоро час косилка была исправна. Тракторист смущенно запустил двигатель и повел трактор вдоль прокоса.

Уралов разошелся. Взял свободную косу и встал вместе со всеми в прокос. Через час совместными усилиями трава на пустоши была повалена полностью.

Радостно возбужденный народ собирался у костра.

— Ну что, друзья, дружно не грузно, а врозь — хоть брось, — подвел Уралов итоги работы. — Давайте-ка и дальше в таком темпе, а мы посмотрим, как вас отблагодарить и морально и материально.

— Это хорошо, когда материально и морально, — сказала одна бойкая молодуха, поглядывая на Уралова горящими глазами. Уралов присмотрелся внимательнее и узнал в ней девушку, что плясала в крепдышиновом сиреновом платье на свадьбе у Кряжевых. Она вытащила тогда его в круг. Девушка подошла к Уралову поближе и спросила озорно:

— Но вот скажите нам, пожалуйста, Василий Васильевич, у нас что, объединение колхозов произошло?

Уралов не понял вопроса и не успел уточнить его, как, на поляну вырулила машина технической помощи и из нее вышел председатель соседнего колхоза Павел Советов. С ним Уралов встречался только на партийно-хозяйственных активах в райцентре. Высокий уже седеющий мужчина интеллигентного склада с тихим мягким голосом, он уже около двадцати лет руководил своим хозяйством. Павел Александрович, как было известно Уралову воевал, после войны сразу же попал в председательский хомут и тащил его безропотно.

Следом на поляну бесшумно выкатила черная «Победа» и из нее вышел второй секретарь райкома Замятин. Увидев Уралова, он скривился, но ничего не сказал, а торопливо кинулся открывать заднюю дверь автомобиля, но не успел. Дверца открылась сама.

– Перед кем это так прогибается наш секретарь? – подумал было Уралов, но тут на покос ступил из машины богатырского роста и сложения человек лет пятидесяти. Светлые, коротко стриженные под бокс волосы, высокий лоб, глубокий, проникновенный взгляд.

Он окинул быстрым взором пустошь и сенокосный стан, и, казалось, мгновенно увидел и оценил каждого здесь присутствующего.

– Здравствуйте, товарищи! С хорошей сенокосной погодой вас! – Пророкотал он.

Уралов узнал в нем первого секретаря обкома партии Дмитрия Михайловича Щербатова, портреты которого он видел не раз в областных газетах.

Но те портреты были серы и малоинтересны. А тут был живой, энергичный и очень внимательный человек, глаза которого просвечивали, словно рентген.

Стали знакомиться:

– Уралов, председатель колхоза «Заря», – представился Василий.

– А ты тут чего делаешь? У тебя что, сенокос закончен? – Прошипел Замятин, сверля негодующим взглядом Уралова.

Щербатов услышал и обернулся к Уралову.

– Чего это он на тебя гневается?

– Да вот не знаю пока, Дмитрий Михайлович!

– Давай, выкладывай. – Обратился Щербатов к Замятину.

Тот, наклонившись к нему и заговорил:

– Это наш молодой председатель из «Зари»! Вчера обсуждали его на бюро. Много на себя берет, не сдержан. Мы его крепко предупредили, но, видимо, выводов не сделал. Теперь вот заставем его на чужом стане, вместо того, чтобы у себя в хозяйстве руководить заготовкой кормов. Уж не знаю, что он тут делает, может быть, по женской части приехал промышлять...

– Это так? – Щербатов впился глазами в Уралова, лицо которого налилось краской стыда. Только теперь до него дошло, что он на территории чужого хозяйства.

«Вот так опростоволосился! Позор!» — подумал про себя Уралов и беспомощно развел руками.

Но тут от полевого стана шагнула вперед та самая девица, которая начала было разговор с Ураловым, и весело воскликнула:

— Люди, так ведь молодой председатель соседнего колхоза просто заблудился. А мы то думали, что нас объединили! Вот это молодец! Вот так покомандовал! Вот бы нам такого молодого и энергичного. Ты уж прости, Павел Алексеевич! — Обернулась она к своему председателю, скромно стоящему в сторонке.

— Он тут нам такую революцию устроил, — теперь она обращалась непосредственно к Щербатову, — косилку у нас в два счета безо всякой автомастерской починил, трактор запустил, а сам с косой вместе с нами встал. О! Посмотрите, какой луг смахнули на раз!

Тут весь покосный стан грохнул. Смеялись все. И косари, и старый председатель колхоза Советов, и Щербатов, и сам Уралов. Не смеялся только Замятин. Вернее, он пытался улыбаться, но выходило криво.

Насмеявшись вдоволь, пошли пить с покосниками чай. Щербатов неожиданно с шуточно тона перешел на серьезный в то же время доверительный тон. Уралов с первых же слов его понял, что перед ними был человек глубокий и цельный, страстный и решительный, владеющий ситуацией и в стране, и области, и в мире...

Безо всякого апломба и начальственных амбиций он стал общаться с двумя десятками простых колхозников и говорил с ними так, словно он пришел советоваться в людьми, представляющими на равным с ним высшую государственную власть.

Он говорил о том, что Сибирь открывает свои неисчислимые кладовые народу, что наши геологи подобрали ключи к этим богатствам и это обстоятельство решительно изменит всю мировую политику этого столетия...

Советский Союз, на который с надеждой смотрят миллионы и миллиарды людей, приобретает такой ресурс, который позво-

лит ему вести независимую от Запада политику...

Он обращался к этим простым людям за поддержкой, поскольку они должны были накормить стремительно возрастающее население этого края, геологов и нефтяников, строителей и переработчиков...

Уралов видел, как преображались лица людей, освещаясь этой высокой благородной целью, которую выдвигал перед ними партийный секретарь... И самому Уралову тоже страстно захотелось поучаствовать в этом общем деле...

НОЧНАЯ ГРОЗА

Василий остался квартировать у «вековечной доярки» Пасхиной. Старая женщина окружила молодого председателя трогательной заботой, и Уралов чувствовал себя у нее в квартирантах, как у Христа за пазухой.

Чуть свет на столе уже пыхтел самовар, парил чугунок с вареной картошкой, сахарно белела в глиняной плошке капуста...

Капустка — милая закуска, — припевала бабка Нина, собирая на стол. — Подать не стыдно и съедят не жалко.

Василию привычна была столь простая еда, и он с удовольствием хрустел капустой, заедая ее рассыпчатой картошкой.

Вечерами у бабки Нины собирались деревенские беседы. Пожилой народ приходил сумерничать. Рассаживался по лавкам вдоль стен, и начиналось обсуждение деревенских новостей и событий. Уж ни одно сколько — нибудь значительное происшествие или случай не проходили мимо этого общественного совета: начиная от распоряжений председателя, заканчивая действиями самого рядового возчика.

А уж если дело касалось любовной интриги, то тут комментарий был самым обстоятельным. И что было характерно, не было в этих вечерних обсуждениях пошлости и злословия. Все было по семейному, по-доброму.

Работы у Василия было невпроворот. Редко выпадали дни, когда возвращался он на квартиру засветло. Но когда попадал на такие вот посиделки, то душа его оттаивала. Весь колхоз представлялся ему большой, сплоченной семьей, где до каждого, пусть даже самого непутевого человека, народу есть дело и есть не поддельная забота...

Вот и о судьбе Василия пеклись деревенские старики, поговаривали, что не годится ему ходить в холостяках, что пора уж и семьей обзаводиться... Уже приглядывали ему партию, обсуж-

дая достоинства деревенских невест.

— А что Василей Васильевич! Одно даже березовое полено не горит. — Цеплял Уралова дед Гарапон. — Ежели тебе за девками недосуг ухлястывать, так я тебе старуху свою отдам, а сам пойду к какнебутной молодухе посватаюсь. А еще парень-то огого!

Ой, уж хоть бы молчал, старый ты греховодник! — Ругалась гарапонова старуха. — Нужон ты кому со своим радикулитом...

— Не скажи! — хорохорился Гарапон. — Вон Нинка соврать не даст.

— Да ты о чем это, пустомеля? — Возмутилась бабка Нина. — Я вот как огрею тебя вдоль хребта ухватом!

— Вот так, вечно я из-за женского пола страдаю. А я ли виноват, что мне одной-то старухи мало...

Тут уж заплевались все, какие были в избе бабки.

Дедушка Петро Стогов, тоже прибредший на беседу, крикнул.

— Вот у нас в прежние-то времена был один такой. Батьке говорит, ежели женить меня надумал, так жени сразу на двух. Мне одной женки мало.

Батько и отвечает: «Ладно! Женись на двух, две работницы в доме будут». Оженил его по осени. Вот по весне наш новоженя выбрался на завалинку, за стенку держится.

А улицей два полицейских арестанта ведут.

Новоженя тоненьким голоском спрашивает:

— Куда служилые человека ведете?

— На расстрел, — отвечают. — Преступник это!

— Не стреляйте его, — пищит. — Лучше жените на двух, так сам помрет...

Довольные бабки засмеялись, а Гарапон не унимался:

— А так думаю обратиться в собес с ходатайством. Вон меня как кастили на собраниях, на комитетах, да заседаниях, что я баб-то шибко сильно люблю. Тамот-ко девки понимающи работают. Может зачтут мне стажу год за два да пенсию хорошую дадут... А то колхозная-то не шибко велика — двенадцать рублей.

Тут откликнулась Нина Ивановна:

– Да и за эту пенсию спасибо. А то ведь было, что роби-ли, робили, а на старость не заработали...

Старики загудели:

– Грех жаловаться! Теперь зажили, как старопрежние баре. И пенсию на дом принесут, и дровами колхоз подсобляет... А уж тебе, Василей Васильевич, какое спасибо за электрическую машину. А то ведь с керосиновыми лампами сидели, а то и, стыдно сказать, с лучиной. Люди в космос летают, а мы все «темно да рассвело»

– Надо же, лампочку провели мне в избу, – рассказывала бабка Балямиха. – Так теперь хоть нитку в иголку вдевай, хоть иголку на пол роняй – видать все... А вчерась у меня лампочка-то и лопни. А на стол залезла, дай, думаю, в патроне том пальцем обведу, не осталось ли стекол. И так меня, девки, шандарахнуло, что я у порога оказалась. Да и думаю, кто это меня дернул так? Оказалось, что тамот – ко в патроне ток сидит...

Василий вышел на улицу. Далеко в полях слышен был гул тракторов: работали на заготовке кормов в две смены. Над речной излучиной висел огромный бронзовый диск луны. Василию показалось, что луна ехидно ухмыляется и подмигивает ему. Мол, что же это ты парень, в такую пору один?

Заработала машина «Динамо», вспыхнул свет на столбах. На другом конце деревни играла гармошка, ставшую недавно модной песню про старый клен:

«Отчего, отчего,
отчего гармонь поет,
От того, что кто-то любит
гармониста...»

– выводил чистый красивый голос, и время от времени волнующе звенел девичий смех.

Сердце Василия наполнилось сладкой тоской. Оно жаждало любви, как пересохший ручей в летний зной жаждет дождя и влаги.

И он стал думать вновь о девушке своей мечты, о том, где

она сейчас, какой стала, что делает, вспоминает ли его, Василия, и о том, как искать ее дальше.

Зажигин сдержал свое слово, прислал из больницы письмо, в котором сообщал, что по своим каналам удалось выяснить, что из Краснодарского края Лариса выехала пять лет назад. Но куда – неизвестно...

И что, скорее всего Василий должен действовать самостоятельно, для чего в очередной отпуск нужно отправиться на поиски самому..

На отпуск Василий мог рассчитывать только зимой.

В какой-то момент Уралову показалось, что все его поиски бессмысленны, что Лариса все дальше и дальше отдаляется от него, и что поиски идут только от него и что Лариса могла бы дать весточку, хотя бы через детский дом, пусть уже и расформированный за ненадобностью. В Погорелове сейчас размещался детский санаторий, и Уралов за годы студенчества не раз навещал его, в надежде, что хоть какая-то весть от Ларисы придет туда.

Кто знает, может они и приходили, весточки, да не найдя адресата, затерялись.

А может? А может его Лариса уже замужем сейчас?

Ведь он так мало знает ее, может быть для нее это всего лишь детская влюбленность, которая как первый снег тает, не долетая до земли...

Василий погнал прочь эти сомнения, вспоминая волшебные, полные чистой, невысказанной любви Ларисины глаза, увиденные им в последний раз в вагонном окошке. Он хотел бы сейчас взмахнуть крылами и улететь в поисках своей судьбы, но, увы, он уже не был свободен. Он уже чувствовал, как колхоз и все его огромное производство с полями и лугами, фермами и зерновыми токами, с этими простодушными и в то время непростыми людьми, становится его частью, частью его души, что вот так оставить их он не в праве, и не может оставить...

Ждать. Снова нужно ждать...

Василий стряхнул с плеч навалившуюся было хандру,

и решил съездить в поля к кормозаготовительному звену. Верный «газик» стоял под окнами, дожидаясь хозяина. Был он не нов, и изрядно побит, досталось ему лиха на сельских проселках, колдобинах и ухабах, таскали его тракторами из умопомрачительных трясин, выкапывали из топей, вырывали из грязи вагами и домкратами...

Но он продолжал служить верой и правдой, оставаясь неизменно колхозным передвижным штабом. Знал он председательские радости, когда поднимались первые дружные входы на полях, и отчаянье, когда посевы эти выгорали под палящим солнцем, угрюмую тоску, когда под снег уходил урожай, и разгорающиеся надежды, когда снова из под снега выходила напитанная влагой и готовая родить земля...

Когда-нибудь в чистом поле должен появиться памятник председателю колхоза, который бы собрал в себе все лучшие качества руководителей села, без всякой корысти и стяжания благ отдавших себя земле и народу... И верно, рядом с председательской бронзовой фигурой должен стоять рядом этот заслуженный председательский «газик».

...Василий выехал за околицу. В открытые окна машины накатывали с лугов волны воздуха, напоенного запахами разнотравья и медоносов. Казалось, слышно было, как рядом с дорогой наливалась, выходя в трубку, пшеница. Ошалело кричали коростеля в клеверах, до хрипа объясняясь в любви серым своим подругам.

В полях догорали последние отблески зари. Василий включил фары, в ярком свете их выпорхнула из под колес большая птица, скорее всего сова. Машина вылетела на пригорок, Василий увидел вдали маленькую деревушку, вернее первый и единственно освещенный ее дом.

Скоро он въехал в деревню и остановился у крайнего дома. Свет из окон падал во двор, посреди которого стоял огромный мужик, одетый в мешковатую механизаторскую робу. Ухватив за волосы женщину, мужик охаживал ее ременными вожжами..

— Ой, убивают, — истошно кричала женщина, — Ой! Спасите! Ой, жизни от него нет, ирода!

Кричала она очень убедительно и громко, однако, на помощь ей никто не спешил. Ни один огонек не вспыхнул в ответ в деревенских окнах.

– Сейчас же прекратите, безобразия! – Воскликнул Уралов, закипая негодованием.

Мужик остановился, вглядываясь со света в темноту, не выпуская при этом женщину на свободу.

– А-а, председатель, – наконец, произнес он устало. – Вот и я ей говорю: «Прекращай, Лидка, безобразничать». Дак, не слушает.. Пьет зараза. Два дня уж печь не топлена, не варено, не жарено... За вожжи взялся! Стыдоба. Вот может правление подсобит?

Василий опешил от неожиданного поворота событий.

– Как деревня-то называется? – Спросил он примирительно.

– Угрюмово! – Отвечал мужик удивленно. – А тебе какую надобно?

– Да мне на Макаровские покосы к звену надо. – Сказал Уралов. – Только ты жену-то отпусти. Смотри, шею ей ломаешь.

Мужик разжал свою могучую клешню и женщина облегченно вырвалась на свободу. Но не побежала в дом, а стала заинтересованно прислушиваться к разговору.

– На Макаровские пожни надо брать левее. Через полчаса будешь там.

Но тут женщина подала голос:

– Не слушай ты его, неварового, председатель. Он наговорит... Он у нас сроду такой., – выговаривала она сварливо.

– Это я-то неваровый? – возмутился мужик и попытался снова ухватить жену за волосы. Та увернулась и отскочила на безопасное расстояние.

– Неваровый, так неваровый и есть, – затароторила женщина. – Ты погляди, гроза настает, как раз под грозу человека засылаешь. Зашибет молнией, будешь отвечать...

Она приблизилась к изгороди и показала рукой на сбегаящую с пригорка дорожку.

– Вот по ней правь, перелесок проскочишь и будешь

на Макаровских покосах.

Мужик не стал возражать.

– Ты жену больше не трогай! – Сказал на прощание Уралов мужику. – Не дело это.

– Да и то верно, не ремесло. – Согласился мужик. – Только вот как с ней ладу дать – ума не приложу.

И чего бесится?

– А ты будто не знаешь, – всхлипнула вдруг женщина. – Мне уж за тридцать. Ребеночков я хочу. А нету ребеночков то, нету. Пустоцветами на земле живем. Не дает Бог деточек...

Плечи у мужика как-то разом опали и голова опустилась печально.

Василий не знал, чем их утешить, и погнал машину в низину к перелеску, где густел ночной туман.

Через мгновение он уже въехал в лесную чашу.

И тут полыхнула ослепительно молния, осветила каждое дерево, каждый куст и каждую былинку. И после этого долго, долго плыло в глазах негативное изображение деревьев, кустов и травы...

С грохотом и треском прорвалось небо. Дальше Василий уже ничего не видел и не слышал: такая стояла канонада, так ярко сверкали молнии, что зрение отключилось. Василий потерял дорогу, и машина провалилась передними колесами в какую-то колдобину. Уралов оставил машину и сел в заросли дягиля, чтобы уберечься от бьющих в высокие деревья молний.

Вскоре на землю обрушился ливень, такой обильный и густой, что скрываться от него не было ни какого смысла.

Однако, и гроза, и ливень скоро кончились, тучу унесло и стало много светлее. Василий отыскал машину. Выбраться самостоятельно было невозможно, нужно было идти на поиски трактора.

Недалеко звенел на перекатах ручей, набравший после ливня силы. Уралов пошел на его голос, дно ручья было твердо от устилавшего его галечника, а вода была тепла.

Лес отступил. Перед Василием лежала умытая дождем доли-

на. Сразу от лесной опушки начиналось буйное клеверное поле, покрытое алыми и бордовыми головками цветов, источавших густой медовый запах. На конце поля все еще провисали изреженные тенета уходящего дождя, сквозь них видна была деревня, светившаяся пастельными серо-лиловыми тонами строений.

Весь мир разом изменился. Поле дымило парным туманом. Там в дебрях его вдруг ударил свою любовную песню коростель, ему отозвался второй, третий... Их примитивные скрипучие песни на этот раз не показались Василию нудными и бессмысленными – столько было в них чувственной страсти.

Василий упал в исходящее медовыми запахами клеверище и словно слился с природой воедино, глубоко и размеренно дышавшей энергией любви и плодородия...

Ближний лес звенел птичьими трелями, дергачи заходились любовными песнями, неожиданно забился и зазвенел на голове в середине лета, измученного жарой и оводами, весенний певчий жаворонок.

Василию показалось, что он поднялся с поля совершенно иным человеком. Этот мир виделся ему по-иному, и объяснить этой новизны он не мог. Ему показалось вдруг, что он слышит, как растет у тропы пшеница, выходя из темно-зеленого стебля молочным, еще не видевшим солнца колосом, услышал, как развернулся бутон клевера, как в самой земле началось движение живых соков, а сам он вдохнул нечаянные доселе ароматы животворения...

Тем же ручьем добрался он до деревни. Она была тиха, словно сон младенца, только ручеек пробежавший деревней чуть слышно позванивал, да редкая капля дождя, не успевшая скатиться с широких ладоней липовых листьев, падала иногда в траву с тихим шорохом.

Было, наверное, часов около двух. Нужно было возвращаться в Бекетовское, выспаться, приводить себя в порядок, с утра отправлять трактор на поиски машины... Но надо было найти кого – то, кто показал бы, как добраться до села.

Уралов посидел на лавочке у крайнего дома с высокой под-

клетью и веселыми занавесками на окнах, не решаясь будить людей. Но делать было нечего, он дотянулся палочкой до окна и негромко постучал.

Там в чуткой тишине дома он услышал, как захрустела соломенная постель, чьи-то босые ноги опустились на пол, скрипнули половицы. Послышались шаги, приближающиеся к окну.

Сердце у Василия неожиданно затрепетало в предчувствии чего-то необычайно важного.

На окне откинулась занавеска. Легко распахнулись створки, и сверху к Уралову упали тяжело волны густых девичьих волос.

Василий вздрогнул: на него смотрели чисто и безмятежно прекрасные темные глаза в обрамлении пушистых длинных ресниц. На припухлых губах девушки лежала приветливая улыбка, словно Уралова ждали в этом доме и были уверены, что он вот-вот появится...

Василий узнал ее. Вот уже третий раз встречается она на его пути. В первый день приезда в Бекетовское она вытащила его плясать в круг, потом встретил он ее на покосах соседнего колхоза, теперь вот она улыбается ему из окна незнакомого дома и незнакомой деревни...

Василий топтался под окном, не находя слов. Он даже не знал имени девушки. Девушка ждала.

— В Бекетовское мне надо попасть, — наконец прохрипел он, стесняясь своего грязного и мокрого вида, спутанных и забитых мелким лесным мусором волос.

— Это туда! — Грустно и ласково улыбнулась девушка и махнула рукой.

— Пойду, однако, — сказал Уралов. — Под ливень попал.

— Нет! — с жаром воскликнула девушка. — Ступайте в избу. Вам надо обсохнуть. Я напою вас чаем, товарищ, председатель...

Василий повиновался. Звякнула щеколда и в дверном проеме показалась все та же девушка в накинутом поверх длинной ночной рубахи платке.

— Как вас зовут? — спросил Василий.

— Меня зовут Клавой, — сказала она без церемоний, — я

прихожусь двоюродной сестрой братьям Кряжевым. А живу здесь в Березове с мамой.

Она принесла овчинный полушубок.

— Печка у нас теплая, одежда скоро высохнет, а вы посидите в нашем тулупе.

Пока Уралов снимал с себя мокрую одежду и залезал в полушубок, Клава уже принесла на стол самовар и пироги.

— Я и сама недавно пришла из Бекетовского. Скоро уж на сенокос отправляться, спать некогда, а погулять все-равно хочется. Дело-то молодое!

Она задорно взглянула на Уралова.

— А я смотрю на вас, вы ведь тоже молодой, а на девушек не заглядываетесь. Все в делах, да заботах. Так и молодость пройдет, не заметите...

Василий не нашелся, что ответить. Девушка ласково положила ему ладонь на руку. Ладонка была теплой и шелковистой. Василий почувствовал, как будто электрический заряд пронзил тело. Лицо вспыхнуло, и всего его бросило в жар.

Он повернулся к Клаве. В глазах ее светились призыв и покорность. Василий протянул руку, и пальцы утонули в шелковистых волосах девушки. И тот час губы их слились в страстном поцелуе. Василия закружило в каком-то неземном водовороте, потеряв голову и возможность реально мыслить, Василий стремительно проваливался в сладко волнующую бездну. И только маленьким молоточком стучала в мозгу мысль: «Лариса! А как же Лариса!» Но волна страсти уже уносила Василия в бушующее море любви.

Он не помнил, как очутились они в соломенной постели, как в страстном порыве отчаянно целовал он девушку, как шептала она горячими губами: «Милый! Любый мой! Кровиночка моя! Счастье мое!

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ

Еще один день пролетел в хлопотах и заботах. Вечером бабка Нина, накормив ужином Василия, достала из кармана передника два письма:

— Ну, что, Василич, пляши! — Сказала он шутливо. — Издалека тебе письма шлют.

Сердце Василия затрепетало. Он, не скрывая волнения, взял конверты, которые казалось хранят тепло дружеских рук. Письмо было от Покачева из Ленинграда.

Василий зажег свет и распечатал конверт, на котором изображался космонавт номер два Герман Титов в скафандре.

«Здравствуй, дорогой друг мой, Василий Васильевич! Получил твое послание и порадовался за тебя. Вот у тебя уже есть большое самостоятельное дело, в котором ты можешь проявить себя.

Помнишь, как мы мечтали об этом в тайге у деда Лукьяна о стране Истины и Справедливости, о таинственном Беловодье, которое ищут люди уже много веков и тысячелетий и найти не могут..

Помнишь, тебе тогда приснился город на Шамане с дворцами и фонтанами, зимними садами? Я видел много раз такой город наяву: это Петродворец. И я мечтаю, чтобы в наших краях вырос такой же блистательный город, который вобрал бы в себя черты и европейской культуры, и азиатской, и народов ханты и манси, по-старому остяков и вогулов.

Я думаю, не надо искать готового счастья, надо его создавать своими руками и там, где ты родился и живешь. После окончания института народов Севера меня оставили, как ты знаешь, в аспирантуре. Сейчас я готовлюсь к защите кандидатской степени по культуре малых народов Севера. И, честно сказать, Васька, я горд этим.

Я вспоминаю, как жили мы в стойбище в дымных чумах, оторванные от всего мира, от цивилизации, от медицины, от мировой науки, и мне горько, что до сих пор многие мои соплеменники лишены этого.

Я понимаю, что необходимо сохранить самобытность и культуры народов Севера, что такой вот образ жизни тоже имеет право быть, и многие мои земляки не захотят менять его, но у них должно быть право выбора. Понимаешь, Васька? И я постараюсь помочь своему народу. Как только состоится защита диссертации, я отправлюсь в родные края.

Сейчас здесь многие говорят об открывающихся перспективах Западной Сибири. И многие хотели бы поехать к нам, нести лишения, тяготы, готовы кормить комаров, утопать в болотах, чтобы создать у нас мощнейший нефтегазовый комплекс, способный изменить ход истории, построить невиданные города в тундре... И люди собираются ехать к нам не за длинным рублем, их увлекают масштабы и сложность задач.

Думаю, что скоро мы встретимся и вместе примемся за дела. Передавай привет маме Надежде Петровне и всем своим друзьям...

Что касается поисков Леры. Я делал запросы в справочные Ленинграда и области, но результатов нет. Порой я думаю, может быть, она сменила фамилию? Может быть не она сама, а ее заставили.

Но ты, Василий, не отчаивайся. Как там в песне:

«Кто весел, тот смеется, кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!»

Я тоже, дорогой мой, товарищ, часто тоскую по одной девочке, которую встретили мы в тайге. Как она там живет? Может быть, ее выдали замуж и она уже обременена семьей и детьми, а я, глупый, все думаю и думаю о ней. Но я надеюсь, что она тоже помнит меня. Много встречалось на моем пути девушек, но ни одна так не запала мне в душу, как Анютка. Может быть, у тебя выпадет время, и ты сможешь приехать ко мне в Питер на защиту? Напиши! Твой верный друг и брат Колька Покачев»

ДОЖИНКИ

Деревенские праздники – особая, волнующая и греющая душу традиция, которая дает человеку ощущение большой, единой, дружной семьи. И потому деревенский человек, где бы он не находился, в каком пекле не оказался, на голову выше городского, потому что он всегда подспудно ощущает за своими плечами весь огромный деревенский мир, который дает ему чувства уверенности и защищенности, отвагу и решимость до конца защищать этот мир...

В «Заре», объединившей семь деревень, праздники, теперь уже советские были распределены так, что, например, Новый год праздновался в Бекетовском. И каждый житель села, имеющий свое подворье и дом, обязан был по негласному закону готовить на праздник пиво, запастись вином, резать скотину, варить, жарить, печь пироги в таких количествах, чтобы можно было в течении двух дней накормить и напоить огромную массу людей. И вот со всех остальных деревень на Новый год отправлялись в Бекетовское гости, они словно морские волны накатывались на деревню, звенели гармошки и песни, слышался смех и лихой посвист. И вот уже в первом доме брякает щеколда и нарядный хозяин встречает поклоном гостей у порога, поднося пиво и водку. А народу все прибывает и прибывает в доме – в углу гора полушубков и шапок, за широким столом тесно от народа, а на столе от закусок.

Выпивали за гостей и за хозяев, за праздник и урожай, выходили на круг с огневой пляскою и задорной частушкою, но вот наступал момент, когда выносил хозяин гостям киселя. Все. Кисель – сигнал для гостей, пора прощаться с хозяевами, да идти в другой дом... Не зря такие поговорки с той поры остались: за семь верст киселя хлебать или не солоно киселя хлебать. Это на тот случай, когда плохо принимают и порога кисель подают...

Но такого в деревенском мире быть не могло. Если уж кому-то сильно не уважаемому в деревне у порога киселя подадут...

Так и ходят гости партия за партией от дома к дому, пока в каком-нибудь доме сон их не сморит – разберутся по полатам, по печам, по полам на соломенных матрасах... То-то весело молодым да и старым...

А уж отстрадают Бекетовские Новый год, так потом все праздники только в гости по другим деревням ходи, радуйся жизни...

А вот дожинки праздновали всяк у себя.

Погода стояли теплая. Зима застряла еще где-то на дальних подступах. Но деревья уже обнажились, потемнели и нахмурились леса, и только озимые поля ярко и торжественно зеленели, набирая силу для будущего урожая.

Корма для скота к зиме были запасены полностью, скот стоял уже под крышами, зерно высушено и отправлено в закрома, колхозники рассчитаны деньгами и натуроплатой.

К Покровам варили общее пиво. Сначала проращивали на мешковине рожь, потом сушили ее на печках, потом мололи на солод.

Скоро из овинов тянуло сладковатым дымом, там на кострах старики под предводительством деда Гарапона калили до красна гранитные камни, потом хватали их большими деревянными клещами и тащили их к большим бочкам с солодом, залитым родниковой водой. Камни взрывались клубами ароматного пара, но тут же бочки накрывались дерюгой и томились до поры до времени. Потом поостывшее сусло заправлялось оголовком – забродившими дрожжами, которые давали брожение пиву, потом уже пиво, почти готовое закреплялось хмелем.

Через пару тройку дней пиво было готово. К пивному празднику бабы пекли пироги, варили студень, рубец, готовили по русскому обычаю кишки в печках...

Стол собирался в складчину. И только пиво было общее. На этот раз пивной праздник гуляли у Кряжевых. В просторной избе были поставлены буквой «п» столы, а для плясок и танцев

было высвобождено пространство, где могли сразу плясать человек двадцать.

Правление выделило из колхозных резервов на праздник два мешка ржи, теленка и ящик водки. Накануне мужики ездили на рыбалку на озеро, тягали невод. Жирные караси, бронзовые, как медные подносы, были в каждом доме. Их тоже готовили к празднику, запекая с кашей и морковью в печах, жаря в сметане на огромных сковородах...

С Покрова Богородицы начинались по деревням свадьбы. Девки, которым срок подходил на выданье, приговаривали тихонько, глядя на медленно кружащие в воздухе первые снежинки: «Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня женишком...»

Уралов был приглашен на праздник, как почетный гость без взноса. Но бабка Нина подала ему на выходе из дому корзинку с рыбником и вареными яйцами.

На широком подворье Кряжевского дома было уже полно мужиков. По заведенной традиции они первыми приходили на пиво. Потом уже, после обряда по хозяйству, подходили женщины. Ну, а ребятишкам закон не был писан. Они, словно воробы стайками сновали по двору, в сенях, в доме, занимая места на печке и полатах...

Мужики степенно здоровались с Ураловым, признавая в нем, несмотря на молодость, уже непререкаемого лидера. Молодой председатель за какие-то полтора года буквально перевернул колхоз, поднял его и уверенно повел к свету...

Уралов поднялся по высокому крыльцу, миновал сени и шагнул пригибаясь в дом.

Многие мужики уже сидели за столами, и, завидев, могучую стать Уралова, одобрительно загудели.

Вышел хозяин дома, старший Кряжев, с братиной в руках, поклонился церемонно гостю и протянул братину с пивом. Василий отпил глоток терпкого, хмельного пива, ответно поклонился и пожелал хозяевам и гостям здравствовать.

По традиции следом должна была подойти хозяйка с подно-

сом и рюмкой водки, после ее угощения гость должен был целовать хозяйку. Но из-за ситцевой занавески, отделявшей кухню, вышла совсем не хозяйка, а племянница ее Клава Белова из Березова. Она несла Уралову на подносе стопку водки, озорно улыбаясь.

У Василия, при одном взгляде на Клаву, кругом пошла голова. Народ вновь одобрительно загудел.

Уралов выпил поднесенную рюмку и неожиданно для себя крепко прижал девушку к себе, целуя ее в жаркие губы.

Руки у Клавы опустились и рюмка, соскользнув с подноса тонко звякнула, разбившись о пол.

Вот это дело! — Зашумела публика.

— Посуда она к счастью бьется, — выкрикнул дед Гарapon. — Вот бы нам еще и председателя зараз окрутить. Честным пирком да за свадебку.

Клава, смутившись, бросилась за занавеску. Смутился и Василий. Но его уже брали за руки и вели за стол.

Часам к семи вечера на гулянку стали подходить женщины. А через полчаса рыкнула в избе гармонь, зачастили голоса, завздыхали басы, рассыпалась дробь каблуков по полу, первая частушка вспыхнула на кругу, завертелась, закружилась деревенская гулянка, выплеснулась через окна и двери на улицу, заполняя пространство спящих полей своей удалью и весельем.

Уралов вышел на улицу. Шум праздника несколько стих. Над деревней висело бездонное небо, полное несметных звезд. Где-то далеко лениво брехали собаки. Было и покойно и уютно. Он услышал, как тихо подошла сзади Клава и осторожно прижалась к его руке. Он обнял ее за плечи и нежно прижал ее к себе. Они долго стояли так и молчали, им было хорошо и без слов. И Уралов, понял, что он счастлив. Почти счастлив.

Знаешь, Вася, — мягко и ласково сказала Клава. — А я уже не одна. Во мне зародилась благодаря тебе еще одна маленькая жизнь.

Василий вздрогнул.

— Это значит, что у тебя будет ребенок?

— Да.

Уралов помолчал, собираясь с мыслями и чувствами.

— Я хочу, чтобы этот ребенок был у нас, — сказал он мягко и твердо.

— Ты делаешь мне предложение?

— Да. Ты сегодня пойдешь ночевать ко мне. Отныне мы будем вместе.

Клава счастливо прильнула к широкой груди Василия.

— Я согласна. Хотя у нас в деревне так не женятся. Это называется самоходкой. Без родительского дозволения...

— А вот мы сейчас спросим дозволения у народа! — Встрепенулся Василий. — Пошли в дом.

...Дома Василия ждало письмо от Курбана Салманова, оно было переслано мамой. Последнее письмо от него было давно, года три назад. Тот писал, что уезжает в длительную заграничную командировку на поиски нефти.

Неслучайно на Курбановом конверте была изображена нефтяная вышка.

«Здравствуй, мой юный друг Василий! — Писал Курбан четким, но неровным, выдающим темперамент, почерком, похожим на горную гряду.

Как давно мы с тобой не виделись. Казалось, что прошла целая вечность. Я очень скучал по Сибири и рвался сюда искать нефть, но мне сказали большие люди:

«Курбан! Ты еще успеешь открыть свои фонтаны в Сибири. Но пока мы должны помочь нашим добрым друзьям за границей. Сегодня они бедны, их душат капиталистические развитые страны, но они хотят жить независимой самостоятельной жизнью! Никто кроме нас им не поможет!»

И я сказал, что готов ехать хоть на край света.

И мы поехали. Ты, наверное, слышал о таком великом геологе, как Аюб Тагиев, которому во многом принадлежат открытия нефтеносных районов «второго Баку». Это настоящий нефтяной король, хотя у него нет ни одной собственной скважины.

Мы поехали в Индию. Англичане искали там нефть. Долго

искали. И сказали, наконец, что нефти в Индии нет.

Тогда индусы пригласили русских. И мы поехали с Аюбом. И Аюб нашел нефть. Очень скоро нашел. Индусы были счастливы и хотели поставить золотой памятник Аюбу при жизни. Но он просил этого не делать. Он скромный человек.

Потом мы поехали в Бразилию. Там искали нефть американские специалисты.

Они тоже, как и англичане в Индии, не нашли в Бразилии нефти.

Мы долго плыли по Амазонке, пробирались тропическими болотами, кормили ужасных малярийных комаров и отбивались от зубастых, голодных пираний и крокодилов. Но мы нашли нефть и в Бразилии.

Теперь я вернулся на родину в наш солнечный и самый лучший в мире город Баку. Здесь много нефти, много работы, здесь поют самые лучшие в мире птицы и здесь самый лучший виноград и самое лучшее вино, здесь самые красивые девушки, но понимаешь, не знаю почему, но меня тянет Василий, в Сибирь.

И, должно быть, скоро мы снова встретимся.

Знаешь, я написал письмо Байбакову, главному нефтянику страны. Когда-то давно мы были с ним знакомы, я, будучи бакинским школьником, выступал на собрании с наказами будущему депутату Верховного Совета страны. И он сказал мне тогда: «Если будет нужно – обращайся». И я обратился с просьбой направить меня в Сибирь. Жду решения. Думаю, оно не заставит долго ждать.»

Далее была приписка. Василий тревожно напрягся...

«Дорогой, Вася! Теперь о твоей просьбе. Я был в городе Краснодаре, куда увезли твою девочку Лару десять лет назад. Найти ее было невозможно. Но, ты же знаешь, мы геологи, нефтеразведчики видим глубже, чем все остальные люди. И вот что могу сказать: одна училась в средней школе номер два. Но уже года четыре, как ее родственники вместе с ней переехали в Ленинградскую область. Дело в том, что у нее другая фамилия. Не пугайся, дорогой. Просто ее тетя захотела, чтобы у них была

одна фамилия. Теперь она стала Лебедевой.

Все это мне рассказала ее подруга, с которой она поддерживает переписку. Вот ее адрес: Ленинградская область, Сосновая Поляна, ул. Георгиевская д.32.

Желаю тебе счастья, огромного, как небо.

Твой Курбан»

Василий стоял, как громом пораженный. Вот оно и свершилось это событие, которого он ждал много лет. Она, девочка его детской любви, похоже, нашлась. Но нашлась, когда Василий перешагнул черту грешной земной любви с другой девушкой, которая призналась ему в любви и доверила ему себя всю и уже понесла под сердцем новую жизнь..

КУРБАН У БАЙБАКОВА

Волнующе стучали вагонные колеса. За окнами вот уже вторые сутки мелькали станции, полустанки и разъезды, большие города наплывали шумом перронов и гомоном пассажиров.

За окнами простиралась огромная страна, залечившая, заживившая раны минувшей войны. Страна, на которую смотрят с надеждой миллионы людей на африканском и американском континентах, в Азии, и Европе, которую боятся и уважают.

И сейчас эта страна готовится свершить, кажется, невероятное: разбудить на тысячелетия уснувшую землю Сибирскую, пробиться через болота и вечную мерзлоту, через километровые толщи земные к спрятанным под семью замками и печатями кладовым солнца.

Из вагонных динамиков льется музыка, полная романтики и радостного подъема, вселяющая силы и желание действия...

«Седина в проводах от инея.
ЛЭП-500 не простая линия...
И ведем мы ее с ребятами
По таежным дебрям глухим...»

Так задушевно, как Владимир Трошин, наверное, более никто не умеет петь. Слушает Курбан новую песню Александры Пахмутовой, и перед глазами его встает величественная тайга, прошитая нитями рек, украшенная ожерельями озер, ждущая, словно спящая красавица, своего королевича Елисея.

Наконец-то Курбан едет в Сибирь, едет с радостным подъемом. Масштаб предстоящего дела будоражит его чувства, настолько, что он даже не может уснуть, курит жадно папиросу за папиросой у вагонного окна, ожидая, когда поезд пересечет границу Европы и Азии.

Вот здесь в кандалах, брел его дед Сулейман на каторгу, и дорога эта, дорога в Сибирь, казалась ему дорогой в ад. Так что же так тянет непреодолимо Курбана в этот неласковый суровый край? Зачем ему из теплого ласкового Баку с берегов Черного моря отправляться туда, где вечная мерзлота и непроходимые болота с комарами и гнусом...

Месяц назад Курбан направил из Баку телеграмму на имя председателя Госплана Николая Константиновича Байбакова с просьбой посодействовать переводу его в Сибирь на поиски нефти. Ответ не заставил ждать. Курбана вызвали правительственной телеграммой в Москву.

Там, в Министерстве нефтяной промышленности собирали специалистов со всей страны. Перед ними ставилась задача, не откладывая, собирать вещи и отправляться в Сибирь на освоение нефтегазового комплекса, который должен кардинально изменить экономическую ситуацию в стране.

Курбан видел, что среди его коллег не было ни одного человека, кого бы не вдохновила эта перспектива.

Перед отправляющимися в Сибирь выступал с напутственным словом Байбаков. Он нашел взглядом среди специалистов нефтяников Курбана и поприветствовал его, как доброго старого знакомого.

Потом Байбаков пригласил к себе в Госплан Курбана, долго расспрашивал его о Баку, о работе по поиску нефти в Индии и Бразилии.

— Я завидую по доброму вам Курбан. — Говорил Байбаков. — Завидую вашей молодости. Честное слово, я сейчас бы вместе со всеми отправился на Обь искать среди болот нефть.

— Это вашему поколению можно завидовать, — возразил Курбан. — Вы вынесли на своих плечах такие испытания, что нам и не снилось...

Расчувствовавшийся Байбаков стал вспоминать о своей работе во время войны, о встречах со Сталиным.

— Что верно, то верно, работа в наркомате требовала железного здоровья и по выражению Сталина — «бычьих нервов». —

Рассказывал Байбаков. — Работать приходилось без выходных и отпусков. Времени не хватало даже на сон, не говоря уже о личной жизни. Ты знаешь, Курбан, как я женился?

— Расскажите, Николай Константинович! Мне кажется порой, что и мне не хватит времени, чтобы жениться...

— Не знаю, подойдет ли тебе мой опыт. Тут дело индивидуальное, тонкое...

Но слушай. Однажды в комнату отдыха, где я, молодой зам наркома, обедал, вошла девушка. Ее недавно приняли на работу моим референтом по строительству. Принесла на подпись срочный документ. И веришь ли, я видел ее первый раз, но она тронула мое сердце. Я смутился и предложил ей отобедать со мной. Естественно, она отказалась, сославшись на недостаток времени.

Тогда я пригласил ее в театр. Каганович прислал мне два билета, зная, что я холостякую. И там я предложил ей руку и сердце, объяснив, что времени на ухаживания у меня нет. Через несколько дней мы расписались. Выбор оказался на редкость удачным. С тех пор мы шагаем по жизни вместе душа в душу.

Вряд ли Ваш опыт подойдет для меня. Геолог все время в пути, в тайге, в горах, в болотах. Там только медведицу высватать можно...

Байбаков рассмеялся.

— Не грусти Курбан, сейчас в Сибирь приедет столько девушек, причем настоящих, не боящихся трудностей, что ты не останешься холостяком. Не надо терять веру.

— А был ли на войне такой момент, Николай, Константинович, когда вера в победу отступала? — Неожиданно серьезно спросил Курбан.

— Нет. Вера не покидала даже в самые трудные времена.

— Даже тогда, когда Сталин не оставил вам выбора?

— Да, я так и сказал ему в сорок втором: « Вы не оставляете мне выбора, Иосиф Виссарионович.»

Тогда он постучал пальцем у виска и сказал:

«Выбор здесь, молодой человек.»

А на следующий день в государственном комитете обороны была создана группа специалистов для проведения особых работ на промыслах Северного Кавказа. По моему предложению было решено организовать работу следующим образом: если враг приблизится к промыслам, демонтировать и вывезти на восток страны все ценное оборудование, скважины с малым притоком нефти немедленно вывести из строя, а особо богатые использовать до последней, критической минуты, и при самых крайних обстоятельствах также уничтожить.

И вот помню, специальным самолетом мы вылетели в Краснодар.

Все работы по подготовке промыслов к уничтожению предписывалось вести только с ведома штаба Южного фронта, которому мы непосредственно подчинялись. Мне сообщили, что штаб и командующий фронтом С. М. Буденный после того, как был оставлен Ростов-на-Дону, находятся в Армавире, и мы поспешили вылететь туда.

С высоты развернулась страшная картина всеобщего отступления. Внизу пылали хутора и станицы, по дорогам и проселкам отходили наши армейские части — где редкими колоннами, где разрозненными группами, а где толпой вместе с беженцами. Над Армавиром, когда наш самолет стал снижаться, мы с ужасом обнаружили на земле прорвавшуюся немецкую бронетехнику.

Штаб фронта и его командующего мы отыскивали в станице Белореченской. Увидев Семена Михайловича, я выпалил сходу:

— Семен Михайлович, давайте команду на проведения спецмероприятия!

— Коля не торопись, — добродушно ответил Буденный. — Моя кавалерия остановила танки.

Однако положение было крайне тяжелым. Я собственными глазами видел, как спешно отступали наши войска. Не забыл я и того, как Сталин постучал пальцем в висок, произнеся: «Выбор здесь...» Да, нужно думать самому, как теперь действовать, с учетом всей сложности ситуации. Ясно, что немцев сейчас никак не задержим, и если они захватят краснодарские промыс-

лы в целости и сохранности, то, получив горючее для своей техники, с еще большей яростью и силой ринутся к Волге и Кавказу, и тогда не сносить мне своей головы. Да что там моя голова!

По телефону из штаба фронта на свой страх и риск я отдал нефтяникам приказ – приступить к немедленному уничтожению скважин, сам сел в машину и поспешил на промыслы.

Работа моей группы развернулась полным ходом под боком у немцев, ибо они уже подошли к станице, откуда простирался на восток район нефтепромыслов Краснодарского края. Апшеронскую электростанцию взрывали уже под автоматным и пулеметным огнем врага.

Трудно передать состояние людей, разрушавших то, что строили сами, чему отдали все свои силы и считали делом и подвигом всей жизни. Когда взрывались первые нефтеперекачивающие и компрессорные станции, люди не скрывая слез, плакали в душевном смятении. Потом, как бы отупев от горя, примирились с необходимостью разрушать созданное ими.

Байбаков надолго замолчал, видимо внутренне переживая то состояние, которое испытал он тогда в начале войны.

– Страна должна быть признательна нефтяникам. Они совершили настоящий подвиг дорогой мой друг Курбан, – говорил Байбаков. – Когда враг, выйдя к Волге в районе Сталинграда, отрезал пути снабжения фронтов горючим, ранее проходившим от Баку через Ростов-на-Дону по железной дороге, и по Волге. Положение становилось критическим. Ведь Бакинские промыслы продолжали оставаться основными источниками нефтеснабжения страны.

Вот тут и проявилось со всей силой и важностью стратегическое значение «Второго Баку» между Волгой и Уралом. Государственный комитет обороны обратился к бакинским промышленникам с призывом срочно перебазироваться в необжитые районы для поднятия нефтяной целины, для ускорения добычи нефти в нужных стране объемах.

Всего за три месяца почти девять тысяч бакинских нефтяников, большинство с семьями организовано выехали в восточ-

ные районы. На колесах оказался почти весь цвет нефтяной промышленности Азербайджана. Это тоже был подвиг. И еще какой! Голая степь, палатки морозы и ледяные ветра... Но «Второй Баку» день ото дня набирал силу и это спасло ситуацию на фронтах.

— А сколько вам было лет, когда вы стали наркомом нефтяной промышленности, — спросил Курбан, увлеченный рассказом председателя Госплана.

— Тридцать три, дорогой. Мое назначение на этот пост предварительно со мной никак не обсуждалось. И только через три месяца Сталин вызвал меня для беседы о состоянии дел в отрасли.

В Кремле, в приемной Сталина я появился точно в назначенное мне время. Секретарь Сталина Поскребышев попросил меня немного подождать, сказав, что Сталин сейчас занят в своем кабинете поиском какой-то нужной книги. Больше он ничего не сказал, сосредоточенно копясь в своей папке. Он молча дважды поднимался с места, заглядывая в кабинет и, возвращаясь, кратко сообщал: «Нужно подождать». Наконец, в третий раз сказал:

— Товарищ Сталин, видимо, нашел нужную книгу и читает, стоя на стремянке. Вы войдите, ну, кашляните, чтоб услышал.

Вошел — и остановился, смотрю стоит Сталин, Верховный Главнокомандующий, правда спиной ко мне. Подхожу, кашлянуть не решаюсь. Я посмотрел на него, как он выглядит: одет в серый френч и мягкие сапожки, очень скромно для первого лица в государстве... И с низу видно, что на подошве сапога дырка. «Вот, думаю, вождь-то у нас до какой степени обносился.»

Наконец, я все-таки решился и кашлянул в кулак. Сталин оглянулся:

— А-а, Байбаков, молодой человек! — медленно произнес он с каким-то душевным расположением. И повторил чуть официально:

— Садитесь, товарищ Байбаков, пожалуйста, вон там.

Он опустился со стремянки, пожал мне руку и, раскуривая трубку, начал ходить по кабинету.

– Товарищ Байбаков, мы назначили вас наркомом нефтяной промышленности.

И хотя меня это сообщение не удивило, так как я уже фактически управлял отраслью в качестве главы, но эти слова означали для меня окончательное утверждение в новой должности.

Я набрался решительности и спросил:

– Товарищ Сталин, но ведь перед этим никто даже не поинтересовался, смогу ли я справиться?

Сталин искоса с какой-то своей затаенной улыбкой взглянул на меня, затанулся трубкой, откашлялся и негромко сказал:

– Товарищ Байбаков, мы хорошо знаем свои кадры, знаем кого и куда назначать. Вы коммунист и должны помнить об этом...

Далее разговор зашел о проблемах нефтяной индустрии.

– Вы знаете, что нефть – это душа военной техники?

– Товарищ Сталин, – подтверждая, ответил я, – это не только душа военной техники, но и всей экономики.

– Тем более, скажите, что нужно, – доверительным тоном подбодрил меня Сталин, – для развития отрасли.

– Надо «Второе Баку» осваивать, там мы открыли два крупнейших месторождений – ударили фонтаны. Это очень перспективные месторождения.

Сталин меня выслушал, прошелся раз-другой вдоль стола и настойчиво повторил:

– А что нужно?

– Капиталовложения нужны, товарищ Сталин, оборудование. А еще нужны знающие строители.

Я решил тут же изложить все свои наиболее принципиальные соображения о путях развития нефтяной промышленности. Сталин слушал вдумчиво, сосредоточенно.

– Хорошо! – наконец, сказал он, – Вы изложите все эти конкретные требования в письменной форме, я скажу Берии.

Кажется, самый трудный вопрос был оперативно, без всяких проволочек решен. И действительно наша отрасль вскоре получила все – и материалы, и оборудование, и толковых строителей.

А сегодня мы, Курбан, осваиваем уже третье Баку, без чего наша экономика окажется бездушной. Теперь на вас вся наша надежда.

Байбаков встал, прощаясь.

— Еще один вопрос, Николай Константинович, — остановил его Курбан. — Очень важный.

У Сталина действительно сапоги были изношены до дыр?

Байбаков рассмеялся.

— Я тоже тогда задал этот вопрос секретарю Генералимусса Поскребышеву. «Неужели, говорю, наша страна не в состоянии обеспечить вождя хорошими сапогами. На подошве у него большая дыра.

— А как вы увидели? — Встрепенулся Поскребышев.

— Когда он стоял на стремянке.

— Понятно. Эту дыру Иосиф Виссарионович он сам вырезал. У него там мозоль...

Вагон был полон молодого задорного народа. Из каждого купе доносились то песни, то взрывы хохота, то возбужденные веселые голоса.

ПОПУТЧИКИ

В соседнем купе кто-то терзал гармошку и кампания молодых людей неумело, но горячо и страстно выводила ставшую недавно популярной песню:

«Старый клен, старый клен,
Старый клен стучит в окно...
Отчего, отчего, отчего мне так светло,
От того, что ты идешь по переулку...»

Молодой народ ехал осваивать сибирские просторы.

— Слушай, товарищ! Заходи к нам в купе чай пить с пирожками, — Пригласили Курбана соседи. Курбан охотно согласился. Достал из багажа фрукты, виноградное вино с отцовского виноградника.

— Вы тоже едите осваивать сибирские богатства? — спрашивали Курбана веселые попутчики.

— Я из тех, кто эти богатства ищет. Я геолог. И с Сибирью у меня давние и добрые связи. Наша экспедиция тринадцать лет назад открыла нефтеносное месторождение у озера Шаман.

— О! Как это интересно, — загалдели ребята и девчонки. — Расскажите, пожалуйста.

Через полчаса Курбан стал самым популярным человеком в вагоне, а через час, наверное, и во всем поезде. Весть о том, что в поезде едет бывалый геолог, быстро разлетелась по поезду и Курбана ходили смотреть и слушать со всех вагонов.

Это был, звездный час Курбана. Он рассказывал о тайге и болотах, по которым ходили его ноги, о комарах и мошке, о великих сибирских реках ... О работе геологов, о буровых станках и вышках, о нефтяных фонтанах, как венце работы геолога. У слушателей горели восторгом глаза.

Только далеко за полночь Курбан смог уйти к себе.

Ночью в Свердловске кто-то подсел Курбану в купе, но геолог только повернулся с боку на бок и снова уснул.

Утро наступило в сиянии солнца. За окном теснились Уральские горы, мир сверкал радостными красками. Курбан поднял голову и увидел новых попутчиков. Русоволосый улыбчивый мужчина лет тридцати пяти и симпатичная хрупкая женщина, с внимательными ласковыми глазами.

— Доброе утро! — Приветствовали они Курбана. — Мы тут завтрак собрали, присаживайтесь к нам.

И столько было в них искреннего радушия и располагающей простоты, что Курбану показалось, что он знаком с этими милыми людьми целую вечность.

На столе были помидоры, свежепросольные огурцы, источавшие умопомрачительный аромат, большая копченая курица, мед в сотах и нарезанный большими ломтями пшеничный хлеб...

— Зайцев Владимир Иванович, лесничий из Знаменки, — представился мужчина. — А это моя жена Вероника.

— Курбан Салманов, геолог из Баку.

— Вы, наверное, едите искать нефть или газ? — Глаза у попутчиков радостно загорелись.

— Точно так. Это дело всей моей жизни. Мне кажется, что я родился в сапогах геолога, — рассмеялся Курбан.

— Мы тоже едем туда. Знаете, не возможно усидеть дома на теплой печи, при налаженном быте, при обустроенном производстве, когда, кажется, вся страна поднимается, чтобы общими усилиями открыть богатства Сибирской кладовой. Радио, газеты, телевидение все об одном — Сибирской нефти...

— Вот и я не смог! — Широко улыбаясь подтвердил Курбан. — Вместе будем осваивать сибирские богатства.

— Вы знаете, — включилась в разговор жена лесничего Вероника. — У нас в лесничестве есть все для жизни. Хороший дом, школа для детей, магазины, дом культуры. Володя отличный организатор и специалист своего дела, его любят и ценят. Он завел при лесничестве две пасеки, конеферму, организовал про-

изводство с глубокой переработкой древесины, планы по посадке лесов и их охране перевыполнялись... А он решил оставить все. И меня сагитировал. И вот едем теперь, сами не знаем, где будем жить и чем заниматься...

– Ну, не утрируй, Верочка. Я уже был там, встречался с руководством лесного комплекса области. Мне предложили возглавить леспромхоз, которого пока нет, в районе озера Шаман. Нефтяникам и строителям потребуется гигантское количество древесины, пиломатериалов, столярки...

Я летал туда на вертолете, и надо сказать, что восторга не испытал. Техники мало, техника разбита, дороги в ужасном состоянии, людям негде жить, в том числе и семье будущего директора. Все надо начинать с нуля... Но, понимаешь, Курбан, вот это обстоятельство и притягивает меня. Хочется испытать себя в большом деле. Что бы, с нуля и под ключ... А?

– Я тебя понимаю, Володя!

– Но вы, Курбан, не знаете, что Володя едет без согласия обкома партии. Едет на свой в страх и риск. С учета его не сняли и теперь за своеволие его могут исключить из партии. А уж выговор с занесением в учетную карточку ему точно обеспечен.

– Вот как? – Удивился Курбан. – А с виду покладистый... Такие-то вот, самостоятельные люди, упертые, умеющие добиваться своей цели и нужны сегодня Сибири. А выговор что? Выговор снимут.

Тут двери их купе распахнулись и в дверях показались веселые лица вчерашних молодых попутчиков.

– Курбан Салманович! Вам, знаменитому геологу, посвящается эта песня!

Зазвенела гитара и нестройный, пока еще не спетый хор дружно грянул:

«А путь и далек и долг,
И нельзя повернуть назад...
Держись геолог, крепись геолог,
Ты ветра и солнца брат...»

А колеса вагонов стучали и стучали на стыках, с каждой минутой приближая встречу с великим будущим.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ШАМАН

Под крылом «кукурузника» медленно проплывало детство. Василий, припав к иллюминатору, в волнении вглядывался сквозь дымку облаков в заснеженные просторы сибирской земли.

Широкая белая лента реки с редкими деревеньками по берегам решительно устремлялась на Север в объятия другой могучей реки. Вот показались знакомые до боли церковные купола, под которыми встретился Васька и с Лерой, и Колькой Покачевым, и Виктором Акимовичем... Где принял он первое свое сражение за честь и достоинство любимой девочки, откуда бежали они с Колькой Покачевым в утлой лодчонке на Шаман-озеро, на поиски страны Живого Огня, страны Истины и Справедливости.

Вот и это знаменитое место, где сливаются воедино две великие реки. Вот там на берегу стоял когда-то деревянный рыбный Дед, с длинным носом, которым он притягивал рыбу. А вон и сохранившийся до сих пор рыбацкий сарай, лодки под снегом, и красный бакен на берегу...

А вот здесь в этой протоке оставили они лодку и двинулись напрямик через тайгу и болота к Шаман-озеру... Где-то там справа должно прятаться в вековой тайге старообрядческое поселение с чудесной девчонкой Анютой, запавшей в сердце его другу Кольке...

А там еще дальше у края горизонта, через гигантское коварное болото, притулится под ветвями сосен и кедров заимка дедушки Лукьяна.

Самолет стал уходит влево, сквозь треск и шипение рации отозвался аэропорт. Самолет пошел на снижение, едва не задев лыжами крыши барачков и вагончиков таежного поселка.

Уралов выскочил на скрипучий снег, и тотчас мороз сотнями

иголок вонзился в его лицо, шею, руки, забрался под его легкое пальтецо. Было, наверное, градусов под пятьдесят. А всего три часа назад в областном городе было слякотно и тепло. Василий, похоже, забыл, что такое Север Сибири, пригревшись на юге области.

Теперь нужно было вспоминать.

Вчера в обкоме партии ему предложили поехать на Север, где разворачивалось грандиозное строительство, где за несколько лет должны были подняться новые производства и новые города, куда тысячами направлялись геологи, экспедиции, прокладчики нефти и газопроводов, лесозаготовители, дорожники, строители...

И этот народ, прежде всего, должен был хорошо питаться. Задача обеспечения Севера продовольствием была поставлена перед молодым, но проявившем себя с лучшей стороны, председателем колхоза «Заря» Василием Ураловым. Скорее всего инициатором назначения был сам первый секретарь обкома Дмитрий Михайлович Щербатов, о памяти которого на людей ходили легенды.

Вот и Уралова, видимо, запомнил он с первой же встречи и далее уже внимательно следил за его становлением.

Предполагаемая перемена в жизни и работе вызвала у Василия всплеск самых противоречивых чувств. С одной стороны его влекло на Север, туда, где мальчишками с Колькой Покачевым искали они в тайге стойбище родовое озеро. Где мечтали о волшебной стране всеобщего счастья. С другой – жалко было оставлять колхоз, начатые преобразования, людей, ставших уже родными.

Хотя в колхозе, как казалось Василию, он сумел уже зажечь у людей искру веры в себя, стремление к инициативе, самостоятельности, экономической целесообразности. И вряд ли, в колхозе «Заря» даже без него, Василия Уралова, люди смогут жить, как прежде, отгородившись от колхозного производства глухим забором...

В обкоме сомнения Уралова не остались без внимания.

– Вам нужно пообщаться в главным нефтяником Западной Сибири Владимиром Ивановичем Пчеленко. Он умеет убеждать людей и завоевывать сторонников.

...Контора «Главнефтегаза» гудела, как пчелиный улей. Геологи, нефтяники, строители, летчики, дорожники шли сюда за решениями своих вопросов, словно одержимые священной верой паломники: авторитет Пчеленко среди этой обветренной, опаленной солнцем и морозами публики был сродни божественному.

Владимир Иванович приехал сюда уже знаменитым на всю страну нефтяников. В тридцатом году он начал свою карьеру мотористом в Грозненской нефтеразведке. Искал и добывал нефть в Татарии, на Сахалине, в Ставрополье, на Средней Волге и Приуралье... Он был известие не только как геолог, организатор нефтедобывающей промышленности, но и как крупный ученый.

В приемной Пчеленко Василий Уралова уже ждали. Секретарша попросила его пройти в кабинет и подождать там, пока закончится совещание. Так новому в «нефтянке» человеку легче войти в курс дела.

Уралов открыл дверь. В большом кабинете вокруг овального стола склонились люди, что-то довольно бурно обсуждавшие.

– Геологи доказали, что Западно-Сибирская низменность обладает громаднейшими запасами нефти и газа, – говорил, обращаясь к участникам совещания хозяин кабинета. – Вот что пишет о нас американский журнал «Тайм». – Пчеленко поднял над столом ярко-красочное американское издание. – «Перспективы и потенциальные возможности Сибири измеряются континентальными масштабами. Это можно сравнить с открытием Северной Америки. Сибирь преобразуется в силу, с которой придется считаться мировой экономике...» Но это еще не все. Сибирь – геологический феномен. Его строение еще до конца не разгадано. Есть основания считать, что под газовыми гигантами Медвежьим и Уренгоем находится грандиозный подвал, полный нефти.

Теперь наша задача найти способ открыть эти кладовые

и поставить их на службу народа. Задача эта крайне непростая.

— Что верно, то верно, — откликнулся кто-то из специалистов. — В таких условиях никто еще нефть не добывал. Тундра, сплошные болота, комарье да жесточайшие морозы...

— Я подсчитал: на территории наших нефтяных владений легко разместилось бы пять Франций, — заметил не без гордости молодой парень с лицом, покрытым медной окалиной, видимо геолог.

— Вряд ли бы французы выжили в этих условиях, — хохотнул первый.

Молодой любитель статистики авторитетно добавил:

— Почти половина всех болот Советского Союза!

— Сегодня впрямую уже не ставят вопрос о строительстве Нижнеобской ГЭС и затоплении огромных территорий, — озабоченно проговорил Пчеленко. — Но есть другое предложение от науки: осваивать месторождения с помощью каналов...

— Как это может быть? — Тут же раздались недоуменные вопросы.

— Они считают, что от основной водной магистрали, — должны расходиться рукотворные каналы, а по ним на платформах будут двигаться буровые станки, а вся работа будет организована вахтовым методом. Люди не будут иметь здесь постоянного места жительства.

— Фантастика! Но это все-равно сопряжено с затоплением! — воскликнул молодой любитель статистики.

— Зато они обещают дешевую нефть.

— А как же коренные народы, как ханты, манси, как ненцы? Этот проект уничтожает их среду обитания! — Возмутился молодой геолог.

— Успокойтесь, друзья — Остановил возникшую было полемику Пчеленко. — Надо отдать должное нашему обкому партии, решительно и аргументировано отвергнутому эти проекты на самом высоком уровне. Но мы должны теперь позаботиться, как с наименьшими затратами взять эту нефть.

За окном уже сгустились сумерки, вошла секретарь и зажгла

в кабинете свет, но люди, увлеченно обсуждавшие нефтяную тему, даже не заметили перемен.

Наконец, Пчеленко поднялся из-за стола:

– Будем подводить итоги, друзья мои. – Сказал он уверенным отеческим тоном. Не зря, видимо, Пчеленко подчиненные звали за глаза Батей.

– Традиционный метод освоения нефтяных кладовых здесь не годится. Но мы попробуем поставить на службу себе то, что считается препятствием и помехой. Вечная мерзлота? Так пусть она будет нашим союзником. Болота? Болота мы победим по принципу образования вечной мерзлоты.

– Как это возможно, Владимир Иванович?

– Просто. Мы разрежем болота ледяной опорной дорогой. При наших-то пятидесятиградусных морозах наморозить такую дорогу не составит труда. Она не уступит по прочности бетонной, к тому же не тонет. А чтобы не растаяла летом, мы станем укрывать ее толстым слоем торфа.

– Гениально! – воскрился молодой любитель статистики. И все остальные коллеги его одобрительно загудели.

– Далее, к этим дорогам будут примыкать островки, с которых мы станем бурить веером наклонные скважины и брать из-под болот нефть, закачивая в образовавшиеся пустоты воду, которая так мешает нам по весне.

– Я считаю, да и весь мировой опыт говорит о том, что работать на буровых вахтовым способом неэффективно. Нужно строить вблизи месторождений поселки и города с мощной производственной базой и со всей необходимой инфраструктурой: со школами, детскими садами, больницами, театрами... Со своей продовольственной базой. Нефтяники и строители в этих трудных условиях Севера должны хорошо питаться.

Пчеленко повернулся в сторону Уралова.

– А теперь познакомьтесь: для организации производства продуктов питания обком направляет нам лучшего специалиста в области сельского хозяйства Василия Васильевича Уралова. Правильно, я называю вас?

Уралов поднялся, смутившись под пристальными взорами.

– Я не знаю насчет лучшего, но готов ехать хоть на крайний Север и помогать вам.

– Ну вот и хорошо. – Улыбнулся Пчеленко. – Завтра можете вылетать в Кондас на помощь Караваеву.

МИНУС ПЯТЬДЕСЯТ

...Летчики, одетые в унты и меховые куртки, поглядывая с усмешкой на Василия, пошли в деревянный домишко, в котором находился аэропорт, а Уралов остался один на один с жестоким морозом и пронизывающим насквозь ветром.

За оградой летного поля стоял заиндеветый «газик», пускавший в морозный воздух клубы выхлопных газов. Уралов направился к нему, намереваясь попроситься попутчиком до поселка. Но тут дверцы машины распахнулись и из-за руля навстречу Уралову вывалился огромный детина в полушубке, валенках и меховой шапке ушанке и закричал радостно:

– Василий! Уралов! Сюда!

Детина подбежал к Уралову и сгреб его за плечи.

– Не узнал? А ну, вспомни: Погореловский детдом.

Василий обрадовано вздрогнул, всмотрелся в улыбающегося детину, пытаясь узнать в нем кого-то из малолетних обитателей Погореловского приюта. Но куда там...

– Ладно, – сжалился водитель. – Разве тут узнаешь, так все изменились. Андрюха я. Чекан Андрюха. Я бы и тебя не узнал, да мне твою фамилию в конторе сказали.

Андрей усадил Уралова в машину, и «газик», подпрыгивая на колдобинах. Покатил по разъезженной большегрузными машина дороге.

– А ты тут как? – Спросил Уралов. – Я слышал ты у Кропачева в колхозе рекорды выдавал. Про тебя и в газете писали.

Чекан нахмурился.

– Бросил я Кропача. Не работа, а вредительство одно. Не по душе стало. Чего греха таить, зашибать стал. Да и дядька с теткой у меня померли, не осталось из родных никого, Сам холостой, вот и подался сюда на большую стройку, – просто-душно рассказывал Андрей... – Как вы с Колькой тогда сбежали

из детдома, я еще год прожил там, потом вот на механизатора выучился, поехал в деревню к родне.

– А Ленька? – Напряженно спросил Василий.

– Ленька-то после вашей драки сильно переменялся. То ли поумнел, то ли осторожней стал. В активистах последнее время ходил, в комсомол вступил, на собраниях выступал с правильными речами... А потом и пошагал по карьерной линии.

– Вот как?

– Он ведь эту девчонку, из-за которой вы подрались, так и этак обхаживал. Только у него ничего не получалось. А потом ее тетка забрала, увезла на Юг. Кажется, в Краснодар. Он ей и письма писал...

– Письма? У него адрес был? – Воскликнул пораженный Василий.

– Был, это я доподлинно знаю – был. – Убежденно сказал Андрюха, перекатывая баранку, – А вот как раз той зимой, когда вы на Новый год с матерью у нас были, поехали мы на Серке на почту в деревню. Ленька пачку писем себе в карман положил, а дорогой просматривать стал. И там как раз письмо от Ларисы Жарковой на Виктора Акимовича. Адрес-то обратный на нем и был. Он то письмо схватил и стал открывать. Я говорю, ты чего делаешь, чужие письма читаешь? Нельзя!

Надо бы ему по башке треснуть, да я чего-то смалодушничал. Может, самому интересно стало, чего пишет Лариска-то?

– Ну, и что там было? – Спросил севшим голосом Василий.

– Да ничего такого особенного. Про жизнь да про учебу. А вот в нем еще письмо было. Я так думаю, для тебя, потому что Ленька аж зубами скрипнул: «Опять, говорит, этот Уралов дорожку перешел!»

И спрятал письмо в карман, и мне не показал.

Андрюха замолчал. Молчал и Уралов. Наконец, Василий выдохнул:

– Эх, ты, Андрюха! Чего ж ты ему не дал тогда по башке? Может в моей жизни многое по-другому было?

Андрюха вздохнул:

– А как дать? Вроде друзья? Теперь вот уехал я, а он, слышно, на повышение пошел. А нельзя бы ему на повышение. Кроме вреда, какая от него польза...

– Это ты правильно, Андрюха, заметил. И вовремя. – Поддержал его Уралов.

Новое известие о Ларисе выбило Уралова из колеи.

– И что же это за судьба такая, когда, казалось бы, потеряна надежда на встречу, когда другая женщина встречается на его пути, и уже ждет от него ребенка, находится та, которую искал и ждал всю жизнь...

Какое-то время Уралов сидел оглушенный этим известием, но все же сумел взять себя в руки. Он уже кое-чему научился, как руководитель в управлении собственными чувствами и поступками... Но сколько еще предстоит научиться, сколько раз придется железной рукой сдерживать себя. И не всегда это будет удаваться.

– Теперь –то кого возишь? – Спросил, наконец, Василий.

– Караваева. Начальника конторы «Нефтегазстроя». Вот это человек! – Отвечал Андрей с подъемом. – Этот уж не как наш общий знакомый Леонид Петрович, крутить да вертеть не станет. А скажет все, как есть, в лоб. Он-то и отправил меня за тобой.

– Ладно, Андрей, как-нибудь на досуге посидим, выпьем по шкалику, детство вспомним, – сказал Уралов Чекану, довольный встречей.

Андрей ухмыльнулся.

– Думаю, тут не до посиделок. Некогда будет.

Машина, с трудом преодолевала разбитую дорогу. Уралов разглядывал из заиндеветшего окна поселок, и в душу его закрадывалась тоска. Вагончики, балки, большая армейская палатка, из которой поднималась жестяная труба, дымившая на всю округу. Всюду валялись ящики, бочки из-под солярки, трубы, размолотые в щепки стволы деревьев

Рабочие ремонтировали под открытым небом тягач, у которого развалилась гусеница...

У брусового домика остановились. В одной половине его располагался магазин, в другой контора.

— Приехали. Петрович ждет. — Сказал Андрюха, и Уралов выскочил на снег.

Опять мороз схватил его в свои ежовые рукавицы, выдавливая из глаз слезы. Но то, что увидел Уралов, повергло его в изумление и восторг. У крыльца магазина стоял мужик в полушубке, огромных меховых рукавицах, весь в инее и торговал семечками. Покупателей у него не было, зато на мешке сидела стая воробьев и активно клевала семечки. Продавец не только их не гонял, но зачерпнув из мешка рукавицей пригоршню семечек, кидал их на снег голубям.

Уралов поднялся по скрипучим ступеням и решительно толкнул филенчатые двери, покрытые толстым слоем измороси.

За письменным столом сидел крупный мужчина в меховой безрукавке, склонивший седеющую голову над бумагами.

Уралов кашлянул. Мужчина поднял голову и просверлил Василия взглядом.

— Ты кто?

— Василий Уралов. Прислан к вам по решению обкома партии организовать здесь сельскохозяйственное производство.

— Проходи, садись. — Он насмешливо взглянул на тонкое пальцецо посетителя и сказал ехидно: — Раздеваться не предлагаю.

В комнатке было холодно, несмотря на то, что в углу топилась печь-буржуйка, труба которой была врезана в форточку.

Караваев, поймав взгляд Уралова, подтвердил:

— Вот так и живем. А я смотрю, ты к нам ненадолго...

— Это почему? — Удивился Уралов замечанию Караваева.

— Да потому! — Взорвался вдруг Караваев. — Посылают, Бог знает кого! Ты чего, на танцульки, что ли в клуб собрался. Так клуб у нас нет, танцев тоже. Ишь, вырядился в ботиночки, фраерок!

Уралов непроизвольно спрятал ноги под стул, но такое бесцеремонное обращение к нему возмутило и вызвало ответную реакцию.

– Ты вот что, дядя, – перешел он резко на «ты». – Судить да рядить потом станешь. По делам, а не по одежке. А лаяться, я смогу не хуже тебя. И с народной лексикой знаком.

Караваяев покачал головой.

– Ладно, – сказал он примирительно. – Посмотрим.

У нас такого народа шляется знаешь сколько! Думают, тут большие деньги за красивые глаза платят. А недельку покрутятся на морозе, или покормят гнуса в тайге и... назад!

– С чего начинать? – Прервал его решительно Уралов.

– С чего? А поезжай сейчас на Шаман-озеро сначала. Нужны предложение, что там можно сделать, чтобы хоть какие-то свои продукты к столу были. Как раз туда «вахта» идет, намяли зимник. За неделю обернешься. А мы тут пока решим, как тебя обустроить.

Караваяев встал и протянул Уралову руку. Рукопожатие было крепким, но во взгляде была усмешка. Да и вообще, глаза у Караваяева были какие-то неестественные. Или, вернее, один глаз.

Только потом Уралов догадался, что у начальника объединения был всего один глаз. Второй глаз был стеклянным. И от этого, казалось, что Караваяев всегда насмешливо смотрит на мир.

Уралов повернулся было к выходу, Но Караваяев его остановил.

– Там у тебя земляк, Чеканов. Скажи ему, чтобы взял на складе для тебя валенки и тулуп. Не то пропадешь!

ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

...Вахта была оборудована на базе трехосного «Урала». Фанерные стены, сиденья по бокам, печь...

Выезжали около обеда. Народу набилось изрядно: строители, нефтяники, лесники... На берегу реки остановились и водитель попросил пассажиров покинуть машину. Лед на реке был недостаточно толст. Уралов оставил тулуп в машине и налегке стал переходить реку.

Она была в этом месте длиной не менее километра Василий преодолел это расстояние минут за десять-пятнадцать, но мороз за это время настолько скрутил его, что казалось, тело стало стеклянным.

И даже внутренности окоченели, не говоря уже о лице и руках. Он едва залез по железным ступенькам в машину и завернулся в тулуп. Но и тулуп не согревал, и печка, топившаяся без конца, не спасала...

Уралов понял, что он легко он может отдать концы прямо в этой вахте. Или умереть позднее в горячке от жесточайшей простуды.

По всей видимости, и бывалые пассажиры чувствовали себя неуютно.

Тут кто-то извлек из рюкзака большой китайский термос и бутылку спирта. По рукам пошла кружка с пуншом. Уралов выпил с половину кружки и не почувствовал даже вкуса этого, способного завалить и слона напитка.

Однако скоро приятный жар стал разливаться внутри, возвращая к жизни застуженные органы. Но что удивительно, хмель не брал.

Пока добрались до поселка, выпили, наверное, пол ящика спирта.

Приехали на Шаман-озеро уже за полночь. Василий перено-

чевал в бараке с нефтяниками, где кровати были установлены аж в три яруса для экономии места и тепла.

К утру мороз несколько ослаб, и это обстоятельство порадовало Василия. С волнением отправился он в обход поселка, пытаясь отыскать знакомые приметы, оставленные экспедицией Русова.

Поселок еще только начинался. Электричество давала по ночам дизельная электростанция, такая же, как и в Бекетовском, в вагончике с вывеской «Магазин», полки были пусты.

У многих вагончиков были оборудованы кострища, на которых готовилась пища и висели закопченные чайники.

Одна женщина жарила на костре в большой сковороде рыбу. Уралов не выдержал, подошел:

– Что же это вы тут рыбу жарите? – Спросил он с сочувствием.

Женщина подняла на него голову и ответила резко:

– А вы что, рыбу в сыром виде едите. Мы пока даже в этих условиях не одичали.

Уралов смутился и отошел.

Поселение нефтяников и строителей Шаманского месторождения состояло из трех, четырех десятков вагончиков, балков, нескольких брусовых домиков. Скоро Уралов вышел за черту поселка. Перед ним лежала снежная целина озера в обрамлении заиндевшего леса. Там, где когда-то было стойбище хантов Покачевых из рода Шуки, поднялись выше тайги буровые вышки, над некоторыми из них горели факела попутного газа. Одна из них, наверное, вон та, крайняя, была поставлена тринадцать лет назад экспедицией Русова, в которой Васька Уралов и Николай Покачев принимали самое активное участие.

Вокруг вышек кипела работа. Рокотали бульдозеры, готовя под нефть приемные хранилища, большие машины с длинными прицепами перевозили трубы будущего нефтепровода, строительные блоки и плиты, в тайге звенели бензопилы, вгрызаясь в стволы сосен и кедров, с гулким уханьем и треском падали огромные деревья, освобождая пространство под будущий

город. А еще дальше в тайге бульдозеры и экскаваторы вгрызались в промерзшую землю, готовя гигантский котлован под будущую компрессорную станцию, которая погонит по трубам за тысячи километров черную энергию солнца, тысячелетия и миллионы лет, накапливавшуюся в темных глубинах земли.

Уралов направился к первой буровой. Здесь недалеко должны быть могилы Колькиных родителей и Шурочки. Как только у него появится время и возможности, Уралов поставит вопрос об установке на этом месте памятника первооткрывателям Шамана.

...Недалеко от буровой вышки Уралов нашел и единственную на весь поселок столовую.

Столовая была оборудована в вагончике, стоящем под раскидистыми кронами кедров. В столовой колдовали краснощекие девчонки, старавшиеся накормить как можно лучше нефтяников и строителей города. Про эту столовую от приезжих из уст в уста передавались настоящие легенды: мол, котлеты там по рукавице, а в тарелку со щами они кладут столько мяса, что ложка стоит.

Уралов заинтересованно заглянул в вагончик, привлеченный ароматами разваренной гречки и жареного лука.

Не успел он усесться с тарелками за стол, как растворилась дверь и на пороге в клубах морозного пара явился веселый человек в распахнутом полушубке, из-под которого виднелась тельняшка. Шапка держалась у него на самом затылке и из-под шапки волной выпирали русые кудри.

Человек обернулся к дверям и скомандовал решительно:

– А ну, ребята, заходи!

И тот час в вагончик ввалилась толпа разномастных собак, радостно улыбавшихся во все пасти и вилявших хвостами, словно это были пропеллеры.

– Здорово, девчонки! – Громко поприветствовал девчат морячок и направился к раздаче.

– Костя, опять ты свою команду привел? – Заворчали незлобливо девчата.

– Им тоже кушать хочется! – Отвечал Костя. – Они же наши

меньшие братья! А потому: я щи ем, а ты — лакай!

Девчата проворно наложили веселому посетителю щей и каши с фирменной котлетой, а собакам вынесли большой таз с объедками, установив его под соседним столиком.

— Налетай, братва! — Скомандовал морячок, и собаки дружно принялись лакать.

Василий, с интересом наблюдавший эту сценку, вдруг взволнованно оставил свою ложку и стал напряженно всматриваться в черты лица этого жизнерадостного человека.

— Костя! — Негромко позвал он.

Морячок обернулся на голос, и тут Василий узнал его.

— Костя! Ты? — Сказал Василий, вставая из-за стола.

— Я, — виновато улыбнулся человек. — А ты? Не вспомню сразу...

— Да я Васька Уралов. Только большой теперь.

— Васька? Вот, не хрена себе, верста коломенская!

Вот вымахал, вот раздался!

Он резко отодвинул стол и пружинисто поднялся на ноги.

— А ну, давай обнимемся, дружище! Я знал, что мы встретимся здесь, на Шамане!

Они крепко ухватили друг друга в объятия.

— О-о! Да ты, парень, крепок стал! Пожалуй, и меня заткнешь теперь за пояс. — Одобрительно рычал Константин, ворочая Уралова, словно медведь.

Наконец, они сели за стол, объединив свои обеды.

— Рассказывай, как ты да чего! — Торопил Василия Костя. — Слыхали мы, что колхозом заправляешь на юге. Как Колька Покачев? Не слышать ли чего от Курбана?

— Ладно, ладно, расскажу. Только ты вперед скажи: где Русов, чем занимаетесь? — Остановил его Василий.

— Русов здесь. Он теперь большой начальник. Возглавляет целое нефтегазовое управление. А я скважины под промышленную добычу бурю. Темпы сумасшедшие. Через год здесь будет город! И даже раньше!

— Ну, год, — не поверил Уралов. — Не загибай, давай. Пяти-

летку, это еще можно принять.

— Ладно, сам увидишь, — добродушно согласился Константин. — И ты, давай, к нам подгребай. Вместе строить будем.

— Да я и так сюда прикомандирован. Будем под северным небом сельское хозяйство поднимать. Газа здесь хватает, будем теплицы строить, оранжереи, выращивать огурцы и помидоры, зелень витаминную, а может и на ананасы замахнемся. Промышленные фабрики поставим по откорму свиней, птицефабрики. Надо же нефтяников и детей их кормить не чем попало?

— Это правильно, — согласился Костя. — У меня ребятишек трое. Пока в деревне живут, но без семьи скучно.

— А у Русова-то как? — Напрягся Василий.

— Нормально. Сначала страдал по Шурочке сильно, потом и на него судьба долю нашла. Тоже троих родили. Теперь за вами очередь.

— Ну, мы тоже не подкачаем. Я надеюсь к весне наследником обзавестись, — сказал Василий в тон Косте, но в душе его ворохнулись сложные чувства: радости и вины одновременно.

...В Кондас Уралов вернулся дня через три.

— Ну, что, живой? — С порога спросил его насмешливо Караваев.

— И помирать не собираюсь. Будем работать! — В тон ему ответил Василий. — Но проблем много и решать их придется совместно.

— Идет! — Удовлетворенно хлопнул по столу Караваев. — А теперь ответь мне: где собираешься жить? Здесь на Кондасе или там — на Шамане.

— Я, полагаю, жить мне придется в дороге.

— Это верно, — согласился Караваев. — но семью-то надо поселить.

— Семья пока в деревне, но скоро будет здесь. — Отвечал задумчиво Уралов.

— Тогда иди и выбирай квартиру. — Весело сказал Караваев, показав рукой на длинный стол, заваленный бумагами.

— Не понял, — остановился Уралов, двинувшись было к столу.

– Это генеральные планы будущих городов. – Довольный произведенным эффектом, произнес со вкусом Караваев. – Каждый до двухсот тысяч населением.

Уралов подошел к столу. Полистал тяжелые альбомы с проектами городов, вписавшихся в долины

рек и берега озер. Широкие проспекты, смелые архитектурные решения общественных учреждений, школ, театров, гостиниц... Все это было похоже на фантастику, но Уралову искренне хотелось в эту фантастику поверить.

– Квартиру советую тебе побольше, попросторнее выбирать. – Посмеивался Караваев. – А то детишки пойдут, переезжать замучаешься...

– Я думаю на Шамане остановиться. – Сказал Уралов. – Вот здесь запроектированы дома с видом на озеро. Здесь хочу жить.

– Хорошо! – Отвечал уверенно Караваев, будто бы дома эти стояли уже на самом деле, делая пометку на проекте. – Месяца через полтора-два получишь ключи...

– Что? – Воскликнул Уралов, готовый разозлиться, думая, что его Караваев все-таки разыгрывает.

– Хорошо. Через месяц.

– Этого не может быть!

– Может! – Уверенно отвечал Караваев. – Привыкай, парень, к сибирским масштабам и темпам. Во время войны из западных районов за месяц огромные заводы перевозили и начинали оружие выпускать. Так то война была. А теперь – мирное время! В космос летаем.

– Это так! – Согласился Уралов.

– Тогда тебе первое задание. Нужна птицефабрика. Чтобы мясо и яйца под боком у нефтяников производились. Сроку на все про все от начала строительства до ключа – два месяца.

Независимый и дерзкий характер доставлял Караваеву немало хлопот. Его то и дело куда-то вызвали, за что-то ругали, понижали, переводили. Только вот здесь он задержался, поскольку его талант строителя, когда требовалась самостоятельность и решительность, давали наилучшие результаты.

Последний раз Василий Петрович расстался с должностью начальника треста два года назад, работая в соседнем районе.

В район приехали тогда целая группа руководящих товарищей во главе с отраслевым министром. Караваев должен был организовать не только показ всего строительного комплекса, но и охоту на уток.

Стройка у начальства серьезных нареканий не вызвала, но начальству от Караваева досталось за несогласованность поставок оборудования, просчеты финансирования. Надо сказать, что этого министра в Сибири не любили. Чванлив и высокомерен, как специалист — посредственен.

И вот охота на утренней тяге. Министр стоял недалеко от Караваева. Утки налетали с его стороны. Они шли плотными косяками. Министр стрелял и по одиночному и дуплетом, но ни одной птицы не упало на воду. А утки, напуганные выстрелами, ложились на правое крыло и уходили из-под выстрела Караваева.

Пропала охота, когда собрались у костра и выпили по случаю хорошей погоды, Караваев, более огорченный не охотой, а неувязками в строительном деле, выдал без обиняков:

— Какой ты, министр, к хренам собачьим! Ты даже не охотник! Распугал нам всю дичь!

У бывших рядом начальственные особ областного масштаба ложки изо ртов повыпадали от такого нахальства.

— Что? — Побагровел министр. — Что ты сказал?

— А вот то и сказал! — отрезал Караваев. — Министр из тебя, как из меня красавица. — И ушел, закинув двустволку за плечо, ломая камыши.

Надо сказать, что несколько лет спустя уже при новом министре Караваева вызовут в Москву и предложат работу в качестве заместителя министра.

— А сколько здесь часов в день нужно работать? — спросил он наивно. Там в Сибири он работал не считаясь со временем. Сутками работал.

— По закону. Восьмичасовой рабочий день.

Караваев оглядел заваленный бумагами стол.

– Нет. Я соглашусь только на четырехчасовой.

– Как так? – Удивились. – По закону восемь.

Тогда Караваев достал стеклянный глаз свой и положил на стол.

– Вот видите. – Сказал он лощеному столичному управделами – Разве я с одним глазом смогу управиться с такой горой бумаги. Согласен только на четырехчасовой день!

С тем и уехал обратно в Сибирь.

СИБИРЬ БУРЛИТ

Уралов мотался по Северу на всех видах транспорта: оленях и вездеходах, трубовозах и вертолетах.

Сибирь бурлила. Весь Север Западной Сибири превратился в гигантскую строительную площадку. Новые города появлялись в тайге, словно грибы после теплого летнего дождя. Проектировщики, как выяснялось по ходу, совершали ошибку за ошибкой, проектируя города на 30, сорок тысяч человек, а они разрастались до двухсот и трехсот...

Поднимались буровые вышки, количество эксплуатационных скважин росло день ото дня. Производства, нефтепроводы, нефтеперекачивающие станции. В болота, в комариную преисподнюю ехали тысячи и тысячи людей.

Комсомол объявлял одну за другой стройки в Западной Сибири ударными комсомольскими. Газеты вздох писали о героических буднях строителей газо и нефтепроводов, телевидение и радио рассказывали о трудовых свершениях нефтяников. Поэты слагали поэмы, а композиторы песни о величайшей стройке века:

«И бил фонтан, и рассыпался искрами.
При свете их я бога увидал.
По пояс голый, он с двумя канистрами
Холодный душ из нефти принимал...»

Новые города строила молодежь, но ни сверхнапряжение будней, ни лютые холода не могли погасить в юных сердцах любовной страсти... Одна за одной рождались новые семьи, а вслед за этим рождались и дети.

Обком партии, скорее всего это была политика Щербатова, ориентировал коммунистов, чтобы не только рабочие, но и инже-

нерно-технические работники, руководители всех рангов ехали в Сибирь не холостяковать, а везли с собой и семьи.

И понятно, что стремительно возрастающее население области нужно было полноценно кормить. Вот и мотался Уралов по просторам разбуженной Сибири, размещая под холодным северным небом сельскохозяйственные производства.

И в главке у Пчеленко, и в кабинетах обкома партии Уралов стал своим человеком, решающим, пожалуй, первостепенную задачу будущего нефтегазового комплекса Сибири.

— Я понимаю трудности Вашего дела, — выслушав Уралова сказал Пчеленко. — Такой задачи еще никто не решал: в условиях вечной мерзлоты заниматься сельским хозяйством. Ни проектировщики, ни строители, ни сами крестьяне. Но уверен, всем миром мы осилим и эту задачу.

— Но как преодолеть эту разобщенность, чтобы все три главка: нефтяники, газовики, строители работали во едино? Моих полномочий не достаточно. Здесь каждый начальник главка в ранге заместителя союзного министра.

— Одевайтесь и ждите меня в приемной.

Через пять минут Владимир Иванович вышел.

— Едем в обком партии. Дмитрий Михайлович примет нас.

Уралову говорили, что авторитет у Пчеленко был чрезвычайно высок. Только он мог позвонить напрямую председателю Совмина Косыгину и без обиняков заявить:

— Алексей Николаевич! Нам нужны деньги, иначе мы можем вас подвести и не дать необходимого стране количества углеводородов.

И Председатель Совмина всегда находил для Пчеленко деньги, потому как все знали, что этот человек до мозга костей пронизан заботами о государственных интересах.

Представить трудно, но уже тогда производственные мощности главка Пчеленко оценивались в миллиард рублей.

Но, распорядившись такими колоссальными средствами, сам он был чрезвычайно скромнен, и до конца дней своих жил в простенькой тесной квартирке, отвергая все предложения улуч-

шить жилищные условия.

— Есть люди, которые более меня нуждаются, — отвечал он неизменно.

В приемной первого секретаря обкома партии Дмитрия Михайловича Щербатова их ждали еще два руководителя главка.

Секретарша провела всех в кабинет. Дмитрий Михайлович вышел навстречу, с каждым тепло поздоровался, глядя внимательно в глаза.

— Ну, что ж, докладывайте, молодой человек, обратился он к Уралову, — о своих предложениях, как наладить нам производство собственных продуктов в условиях Севера. — Сказал он с одобряющей улыбкой.

Волнение, с которым Уралов вошел в кабинет, как-то сразу исчезло. Коротко но обстоятельно изложил он свое видение строительства тепличного хозяйства, птицефабрик и свинокомплексов, рассказал о проблеме несогласованности и разобщенности.

Щербатов внимательно слушал, делая пометки в большой тетради...

— Я думаю, товарищи, вопрос ясен. В интересах каждого ведомства поучаствовать в этой столь необходимой для нас работе. Обком выступит в качестве координатора общих усилий, и вам, товарищ Уралов, будет дана зеленая улица в вашем деле. Стройте, привлекайте к участию все заинтересованные организации, кормите нефтяников лучше. Они этого заслуживают.

Весь вопрос занял не более десяти минут. Василий вышел на улицу с некоторым разочарованием. Ему казалось, что его проблемы заслуживают всестороннего, конкретного обсуждения, но, вернувшись на Север, он понял, насколько эффективно было это столь короткое совещание у Щербатова. Действительно, строительству сельскохозяйственных объектов была дана зеленая улица. Руководители, нефтяников, геологов, газовиков, дорожников, лесников выделяли для стройки без проволочек необходимое количество материалов, техники, людей и средств.

Уралов ушел с головой в работу, недосыпал и недоедал,

по ходу дела, на свой страх и риск переделывая проекты птичников и дворов, дополнительно утепляя их, добавляя двойные двери и полы...

Через два месяца первая птицефабрика была сдана под ключ, и спустя несколько месяцев, дала первую продукцию...

ВСЕСОЮЗНАЯ КОТЕЛЬНАЯ

Сибирь бурлила, с каждым днем все больше превращаясь во Всесоюзную котельную. На буровых разгоралось социалистическое соревнование за проходку в год на бригаду не менее 100 километров.

— Так мы и до Америки, того гляди, добуримся, — удивлялись нефтяники небывалым темпам.

За две недели буровики на Шаменозере углубились на полтора километра. Ребята, сдав смену, хотя и валились от усталости с ног, уходить на отдых не спешили. Ждали со дня на день нефтяных проявлений.

Однажды Чекан, придя в балок, упал на постель, не имея сил снять сапоги. Так и уснул, не раздеваясь.

Проснулся на утро, словно вынырнув из глубокого омута. В балке за перегородкой кто-то был еще.

Молодой не окрепший еще голос восторженно докладывал:

— Бригадир Пирогов уже две смены не уходит с буровой. Глаза провалились, светятся, как уголья. «Ребята, говорит, нутром чувствую, будет фонтан! Ради этого момента готов работать день и ночь!»

— Дурак этот твой Пирогов, — отвечал ему грубый прокуренный голос. — Если бы за сверхурочные раза в два — три больше платили, я бы, может, пошел. А так я палец о палец не ударю. Мне эта мишура с обязательствами, барабанным боем — до фени.

Андрей узнал по голосу этого человека. Это был Иван Россомахин, угрюмый малый с тюремным прошлым, приехавший на Север за длинным рублем. В бригаде его не любили за леность и жадность, но избавиться от него не удавалось. Ждали: сам уйдет, не выдержит испытаний Севера.

Вторым был молодой парнишка Гришка Сычев, глядящий на мир восторженными глазами. С Иваном он были из одной

деревни, и тот не упускал случая обратить земляка в свою веру.

– Так чего же ты работаешь. Уходи туда, где полегче! – Отвечал ему Гришка.

– А где я еще столько зашибу. Вот придет весна, скоплю бабок и куда-нибудь к морю закачелюсь. Там со всего Союза телки пасутся. С деньгами-то любую завалю. А то тут полгода без баб. Что на зоне, что на буровой...

– Да, девчонок не хватает, – согласился Гришка.

– Ха-ха-ха! – Зашелся надсадно Иван. – Девчонок. Та хоть с бабой-то бывал? Давай-ка со мной махнем под пальмы юга. Я тебе покажу, как жить красиво...

– Пошли на смену-то! – Звал Гришка земляка. – Время.

– Я сегодня не пойду. Скажи там бригадиру, что болею.

– А как же ребята?

– Мне с этими лохами не детей крестить! И так тут полгода уже свету белого не видно. Мастер этот достал.

Андрей не выдержал, поднялся с постели, вышел за перегородку.

– Ты, друг, кончай филонить. Или работай, как все, или мотай отсюда на все четыре стороны.

Россомахин качнулся было на встречу Андрюхе, растопырив пальцы.

– Тебе-то чего надо, Чекан? Чего лезешь? Тебе тоже больше всех надо?

Андрей вызов принял и крепко ухватил Россомахина за плечо.

– Выходит, надо.

Глаза их встретились. У одного во взгляде было презрение, у другого неприкрытая ненависть.

Иван первым не выдержал взгляд и дернув плечом вывернулся и вышел из балка, на ходу роняя угрозы.

Иван с Гришкой заступали на смену.

Станок работал на средних оборотах, ждали скорого выхода на нефть, поэтому бурили с осторожностью, опасаясь высокого нефтяного давления.

Однако Россомахин резко добавил оборота дизелям.

– Ты чего, Иван, – попытался остановить его Гришка. – Не велено гнать. Выбросить может.

– Отстань! – Оборвал Россомахин. – не то получишь по рогам. Мне деньги нужны...

...К вечеру на буровую приехал Курбан. Осмотрел образцы кернов, повеселел.

– Нефть рядом. И похоже нефти будет много.

Вечером пили чай в бригадном вагончике.

Курбан увидел на стенке цветной портрет заморской красавицы, кивнул на бумажную девицу:

– Скучаете по женскому теплу? Да в нашей профессии приходится о женщинах надолго забывать. Но скоро мы построим рядом со скважинами современные города, и нефтяники, газовики, геологи не будут оторваны от семей.

– Скорей бы, уж...

Тут в районе буровой раздался тугой хлопок, словно выбило пробку гигантской бутылки с шампанским, а вслед за этим все пространство наполнил мощный гул, переходящий в рев, от которого стали сотрясаться стекла в вагончике.

Народ бросился на волю. Огромный, черный, ревущий и грохочущий фонтан подпирал сумеречное небо.

Вокруг вышки метались растерянные люди. Андрей Чеканов вместе с Курбаном побежали к буровой. Андрей увидел, как в сторону леса убежал Иван Россомахин. А им навстречу выскочил Гришка Сычев и остановил, раскинув руки:

– Стойте! Туда нельзя! Может в любой момент рвануть.

– Что случилось! – Схватил его за плечо Курбан.

– Давление! Сумасшедшее давление! Все выкинуло: и долото, и обсадные трубы...

– Пробовали перекрыть задвижку?

– Не получается. Не хватает сил.

– Пойдем вместе! – Решительно махнул рукой Курбан.

– Я с вами! – Андрей Чеканов шагнул вслед за ними по направлению ревущему фонтану.

– Срочно вызывайте аварийную службу! – Крикнул Курбан своим каротажницам, и трое смельчаков шагнули в черный нефтяной водопад, извергающийся с небес. Нефть шла с сопутствующим газом. Курбан видел, как на извергающемся фонтане бьется светящийся шарик статического напряжения, который вот вот мог воспламенить газ, а вслед за ним и нефть. И тогда они сгорят в этом, все пожирающем адском пламени в считанные минуты, и не останется от них даже обгорелых косточек.

Но страха не было. И видимо, не было страха за себя и у его товарищей. Был страх за буровую, за дело, которое потребовало уже столько сил.

Курбан видел краем глаза, как изо всех вагончиков бегут к буровой люди, презрев страх.

Они налегли втроем на вентиль задвижки, пытаясь повернуть ее, но руки и вентили были облиты нефтью, под ногами тоже была нефть и невозможно было упереться и приналечь, поскольку ноги скользили... Еще чуть чуть, еще минута-другая, и прогремит взрыв.

Но тут со всех сторон протянулись к вентилю руки друзей. Он шевельнулся и нехотя пошел, укрощая бушующий, вырвавшийся из подземелья фонтан дремлющего огня...

Фонтан удалось укротить.

Расчеты показывали на гигантские запасы нефти. На геологов и буровиков посыпались правительственные награды. Вместе с ними ликовала и вся страна.

И только одного человека недосчиталась буровая. Вместе с вырвавшимся на волю необузданным фонтаном исчез Иван Россомахин. Исчез, как будто и не было его на буровой, растворился, как сон, как призрак...

ПОЛНЫЙ КИРДЫК

– Уралов! Тебе из деревни звонили. Поздравляют тебя! – Василий Петрович Караваев вышел из-за стола и крепко пожал Василию руку. – Сын у тебя!

Уралов не удержался, обхватил руками мощную фигуру начальника строительства и сжал так, что у того хрустнули кости.

– Ну, ты, медведь, поосторожней, я еще нужен Сибири! – Засмеялся Караваев, освобождаясь из объятий Уралова.

– Ну, а от нас, строителей, тебе подарок. Поезжай на Шаман за ключами, обставляй квартиру да посылай за женой. Но самого тебя, прости, не могу отпустить. Тепличное хозяйство за тобой, нужно его до ума доводить, чтобы огурцы да помидоры у нас круглый год не переводились

Уралов побежал на почту отбивать телеграмму и заказывать переговоры, потом пошел по магазинам купить детскую кроватку, кое-что из мебели, чтобы отправить с первым грузовиком на Шаман.

Вечером с нетерпением сидел на переговорном, ожидая звонка.

– Уралова Бекетовская, – сказала телефонистка будничным голосом, но голос ее прозвучал для Уралова, как волшебная музыка.

– У нас все в порядке, Вася, – услышал он сквозь шум и треск далекий голос Клавы. – Как мальчика назовем?

– Виктором, слышишь меня, Виктором. Победителем, значит. Нам нужны победители. Впереди громада дел...

– Он еще совсем крохотный, – говорила ласково Клава. Но уже похож на тебя.

– Вырастет! Станет настоящим сибиряком.

– Хорошо! Как ты там?

– Прости, но приехать не могу. Не отпускают дела. Тут такое

закручивается... Но как только пооправитесь, жду вас сюда. Двухкомнатная квартира с паровым отоплением, горячей водой, с видом на озеро... Тебе несомненно понравиться. И Витьке будет хорошо...

— Спасибо. Я люблю тебя... Слышишь.

Уралов не успел ответить. В трубке раздался треск и щипение. Связь оборвалась...

...Это было сродни чуду. Среди вековой тайги, среди гибельных болот в комарином царстве, где порой и ноги человека прежде не ступала, в считанные месяцы поднялся город с широкими улицами и площадями, с газовыми котельными, которые с самую лютую стужу способны подать в жилища тепло, с магазинами и школами, детскими садами.

Новоселья и свадьбы справлялись здесь каждую субботу. И не беда, что зачастую молодых до загса везли на гусеничных вездеходах или на КРАЗах, что костюмы и галстуки сочетались с бродовыми сапогами. У них было все еще впереди...

Справили новоселья и Костя Пирогов с молодой женой и Русов, и теперь вот Уралов...

А на глухариных токовищах уже во всю начинались любовные баталии. Город нефтяников, рождавшийся словно утренняя заря, быстро и неудержимо, наполненный днем и ночью звуками стройки, рычанием бульдозеров, гулом самолетов, звоном строительных кранов. Этот неугомонный младенец цивилизации слышал в короткие минуты пересменок, как из таежных глубин пробивается немудреная любовная песня самой древней на земле птицы — глухаря.

В такой вот солнечный день, когда весна пыталась лишь робко заявлять о себе, Константина вызвал к себе Русов.

— Есть на кого оставить на два — три дня буровую? — спросил он с ходу. — Тут у нас необычные гости из посольства Западной Германии. Попросят устроить им охоту на глухаря. Сможешь?

— Рыбка да рябки — потеряй деньки! Жалко оставлять буровую, но раз надо, так надо. — Костя развел руками и широко улыбнулся. — На охоту и самого тянет, чего лукавить.

– Вот и отправляйся в гостиницу. самого главного у них зовут Лерхеном. Он австрияк. говорит, что в армии был капралом, способен выносить самые нечеловеческие нагрузки. Но если хочешь, то возьми гэтэску, а я думаю, пешком будет больше впечатлений. – Наставлял Русов. – На всякий случай сильно их не нагружай.

Костя согласно кивнул головой.

...Иностранцев было двое. Лерхен – рыжий, метра под два гигант лет тридцати пяти, по фигуре и повадкам человек тренированный, и его напарник Курт – двадцатипятилетний спортивного телосложения молодой человек

Переводчицу Лизу решили на охоту не брать – не женское это дело – шататься по тайге, тем более, что Лерхен плохо, но что-то понимал по-русски, что-то говорил...

На ток выходили с вечера. Костя одел длинные бродовые сапоги с мягкими фланелевыми портянками, свитер, поверх его легкую теплую фуфайку.

У немцев было прекрасное вооружение и снаряжение, но фирменная охотничья одежда, состоящая из кожаных курток и коротких кожаных брюк с сапогами привели Константина в недоумение.

Пришлось собирать амуницию на месте, переодевать немецких охотников.

– Нужно будет довольно долго идти по тайге, – предупредил Костя. – Поэтому одежда должна быть соответствующая задаче. Такие штаны у нас даже летом на танцы не оденешь – комары сожрут.

– Сколько нужно идти? – Уточнил Лерхен.

– Я обычно прохожу это расстояние за два часа. С вами мы пройдем его, – Костя еще раз оценивающе оглядел гостей. – С вами – часа за четыре, пять...

Этот оценивающий взгляд не ускользнул от внимания Лерхена.

Он в свою очередь критически глянул на поджарую фигуру Кости и заявил:

– Мы тоже пройдем за два. Курт – чемпион земли Северный Рейн Вестфалия по бегу, я – бывший капрал австрийской армии. Нам знакомы большие нагрузки. – Сказал самоуверенно Лерхен. Курт улыбался и согласно кивал головой.

– А я бывший сержант срочной службы Советской Армии, – засмеялся Костя. – Получается, что наши возможности равны. За два так за два...

На глухариную охоту выходили с вечера. Тайга начиналась сразу за гостиницей. На западе ярко догорал закат, погода обещала выдаться ясной с морозным утренником. Поэтому лыжи были совершенно лишними. Можно было по насту легко скрадывать дичь, и по насту же успеть вернуться в город.

Костя шел впереди, прокладывая дорогу. Шел легко и ходко, хотя растряпший за день снег держал уже плохо, и временами он проваливался едва ли не до пояса. У немцев, особенно у грузного Лерхена, скорость в сравнении с Костей была значительно ниже. Они то и дело натыкались на деревья, путались в зарослях, долго выбирались из снежного плена, когда проваливались сквозь наст. Приходилось все время притормаживать, дожидаться гостей.

Скоро совсем стемнело, на небо высыпали крупные звезды, подморозило, и снег стал держать увереннее. Однако они шли уже два часа, а до тока оставалось еще столько же. Видно было, что немецкие друзья изрядно устали.

Костя решил сделать короткий привал. Он быстро наломал лапника и бросил его к сосне, чтобы можно было сидеть. Немцы с благодарным молчанием приняли приглашение к отдыху.

Над тайгой поднялась луна, огромная, словно медный начищенный поднос, она поднялась над вершинами сосен и зависла, словно живое существо, разглядывающее свои владения.

Трое охотников у костра привлекли было ее внимание, но скоро они наскучили ей, и медный поднос луны покотился дальше в темное, освещенное лишь россыпями звезд поднебесье.

Костя прислушался. Удивительно, но тайга словно вымерла.

Не было слышно ни единой птицы, ни бормотания косачей, ни пересвиста рябчиков. Глухари, точившие без устали свои древние песни, словно растворились бесследно. Костя глянул на луну и все понял. На сияющем ослепительно лунном диске образовалась сначала темная точка, которая на глазах стала стремительно расти и скоро лунный лик скрылся за не проницаемой пеленой мрачной тучи, сразу же накрывшей весь мир. Почти тотчас пошел крупный дождь. Первый дождь наступившей разом весны.

Немцы озабоченно посмотрели на Костю.

— Весна да осень, на дню перемен восемь, — сказал скорее сам себе Костя, потому что немцы из этой сложной конструкции поговорки вряд ли что поняли.

— Дождь может продлиться долго, но может скоро кончиться. Угадать трудно. — Попытался он разъяснить немецким охотникам ситуацию. — Нужно или идти вперед или возвращаться.

— Нет, мы готовы принять эти экстремальные условия, — возразил тот час Лерхен. Курт согласно кивал головой.

— Тогда идем, не теряя времени, — поднялся Костя.

И они снова тронулись в путь. Идти становилось труднее с каждый шагом. Резко сгустилась тьма, хорошо еще белый снег отсвечивал меж деревьями и охотники ориентировались меж деревьев. Но дождь, усиливавшийся с каждой минутой, превратил еще полчаса назад державший худо-бедно человека наст, в сплошную кашу, которая тут же проваливалась, едва человек становил на нее ногу.

Костя, разогнув броды, словно трактор прокладывал в снежной целине дорогу. Немцы натужно пыхтели сзади.

За час прошли с километр. По расчетам Кости до глухариного тока оставалось при таких темпах часа два ходьбы, но немцы, похоже совсем обессилели. Лерхен дышал с хриплым присвистом и что-то бормотал себе под нос.

Костя решительно взял у него ружье и рюкзак. Снова, как бульдозер принялся прокладывать путь в снежной каше. Скоро дождь промочил его насквозь, в сапогах тоже хлюпала вода, одну низинку пришлось преодолевать едва ли не вплавь.

От Кости густо валил пар. Наверное, так же парили и его попутчики, но в темноте этого не было видно. Лишь слышно было, как с языка Лерхена срываются проклятия. Скоро начал тяжело дышать и Курт, вторя проклятия в унисон Лерхену.

– О, майн гот! – Услышал Костя мольбу за спиной. – Нужен привал! Капут!

– Нельзя останавливаться! Нельзя садиться в снег. Начал горячо возражать Костя. – Тогда будет настоящий капут. Я бы сказал по-русски, но при гостях нельзя.

Но Лерхен уже лежал спиной на снегу, из-под которого проступала ледяная вода.

– Скажи, Костя, что будет. По-русский скажи. – Стонал Лерхен.

Костя увидел, что и Курт изнеможенно опускается рядом с Лерхеном в снег.

– Если хочешь, то по-русски это называется полный... кирдык! А ну, вставайте, кипит твое молоко на моей керосинке! – Заорал Костя на всю тайгу.

Крепкие русские выражения, кажется, подействовали. Немцы начали нехотя подниматься. Костя отобрал ружье и рюкзак у Курта, и, сгибаясь, под тяжестью трех ружей и трех рюкзаков снова врезался в снежную целину.

– Ну, Иваныч, – беззлобно ворчал он, – Ну, удружил, устроил охоту! Самого бы сейчас сюда!

А немцы пыхтели сзади, повторяя, как заклинание:

– Полный кирдык! Полный кирдык!

Как ни тяжело было Косте, но все же он расхохотался.

...Потребовалось еще часа полтора, чтобы добраться до тока.

Костя быстро нарубил лапника, набросав его толстым слоем на снег, навалил сушняка, запалил костер, повесив над ним сразу два котелка: один для чая, другой для кулеша.

Пока закипала вода, заставил немцев снять с себя всю одежду и развесить ее на вешалах. Сушить пришлось все, вплоть до кальсон.

Когда закипел на костре кулеш из крупы и тушенки, бивуак

уже был полностью обустроен. Голый русский сержант носился, как призрак вокруг костра, наливая горячий кулеш в кружки и готовя таежный чай, большая половина которого состояла из чистейшего спирта.

– Что это? – Со страхом спрашивал Лерхен, держа дрожащими руками предложенную Костей кружку.

– Пей! Это русский пунш!

С первого глотка Лехена перекосило.

– Не могу!

– Пей, Лерхен, одним махом. Пей, а то погибнешь здесь в тайге.

– И ты, Курт, пей! Мне не вынести вас!

Немцы выпили Костину адскую смесь и замерли в ожидании результата. Первым пришел в себя Лерхен:

– Костя, почему елки качаются? Ветра нет.

После пунша Костя напоил любителей русского экстрима горячим кулешом, заставил одеть просохшую одежду и уложил их на лапник, укрыв сверху предусмотрительно захваченным с собой брезентом.

Через пять минут измученные гости уже храпели. Костя усмехнулся и принялся хлопотать по хозяйству, поправил костер, не спеша попил кулеша, чая, проверил снаряжение. Дождь прекратился. Часа через полтора уже нужно было выступать к току.

Константин, натянул на себя горячую одежду и тоже нырнул под брезент.

Рядом с ним мирно похрапывали люди, чьи отцы пришли в сорок первом на нашу землю, стараясь огнем и железом подчинить себе волю русских людей. В этом огне сгинул Костин отец. И тогда, в ту голодную и холодную зиму повзрослевший разом Костюшка дал клятву отомстить врагу за смерть отца.

Он трижды пытался сбежать на фронт. Он добирался до первой железнодорожной станции, пытался сесть в вагон увозящих на фронт бойцов, но всякий раз его останавливали и возвращали домой.

Однажды через их село прогнали колонну немецких военно-

пленных. Изможденные лица, затравленные взоры, серые изодранные шинели...

Почти сразу за селом поставили столбы, обнесли территорию колючей проволокой, сколотили бараки. Немцы работали на заготовке леса. Ребятишки, набрав камней, ходили к зоне мстить ненавистным фашистам, пуляя в них из рогаток. Но однажды Костя увидел, как большой рыжий немец, которого Костя, казалось, ненавидел больше всех, плакал, сидя на бревнах, разглядывая фотографию. Наверное, он вспоминал свою семью и своих детей.

И что-то вдруг разом изменилось в Костином сознании, вместо жгучей ненависти к этому рыжему конопатому врагу, он почувствовал ворохнувшуюся под сердцем жалость. Вечером он принес к колючей ограде несколько картошин, сэкономленных за столом и окликнул рыжего немца, катавшего крючком тяжелые бревна.

Немец настороженно подошел к заграждению, Костя протянул завернутые в газету картошины и бросился со всех ног бежать, чтобы кто-либо из его сверстников не увидел костюшкиной слабости..

И вот сейчас он лежит рядом под одним брезентом с наследниками бывших врагов, доверивших свои жизни

сыну убитого их отцами отца. Костя прислушался к своим чувствам и кроме ответственности и сострадания к этим людям, привыкшим к комфорту и благам цивилизации, в своем сердце не услышал.

Через час он уже был на ногах, готовил завтрак и чай, слушая рассветную тайгу.

Дождя не было совсем, но небо все еще хмурилось, облака тяжелым покрывалом укутывали небо. Чуть забрезжили серые сумерки, когда Костя стал поднимать охотников.

До десятка глухарей уже токовали на болоте, вышаркивая свою любовную песню.

Курт и Лерхен, услышав диковинную песню, преобразились. Азарт охотников заставил их подняться от нагретых постелей

в холодное сумрачное утро.

На скору руку перекусили и опять тронулись в путь. До глухарей было минут двадцать напряженной ходьбы.

Наконец, Костя, шедший впереди, замер, вслушиваясь в глухариную песню.

— Кечи, кечи, кечи... — выщелкивал глухарь первое колено своей песни, при котором охотнику полагалось стоять недвижимо, чтобы не выдать себя осторожной птице.

Но вот глухарь начал вышаркивать второе колено, похожее на трение камня о камень — не зря, видимо, говорят, что птица эта пришла к нам из каменного века. — и вновь двинулся вперед. Пока выводит глухарь самозабвенно это колено, к нему можно хоть на танке подъезжать — не услышит.

Наконец, на фоне сереющего неба четко прорезался профиль первой птицы. Костя пропустил вперед Лерхена.

Лерхен начинал подбираться на выстрел к таежной, красивой птице, расправляющей на фоне утреннего неба тяжелые крылья и вытягивающей шею увенчанную гордой головой на фоне утреннего неба.

Грохнул выстрел. Глухарь встрепенулся и тяжело нырнул с ветки, распластав крылья. В то же мгновение крылья подхватили его и понесли в сторону сосновой гривы.

Костя, шедший сзади, поднял ружье и тут же лопнувший над болотом второй выстрел, свалил огромную птицу на снег.

— Это полный кирдык! — возопил во все горло Лерхен, и Костя подумал, что научил на свою голову немца ругаться, что теперь он будет к месту и не к месту применять эти неприличные слова в обиходе.

— Вот, скажут, пообщался с русским, нахватался гадостей!

Следующим был Курт. Ему тоже с помощью Константина удалось завалить глухаря и оба они счастливые фотографировались с трофеями в уже набравшем силу рассвете.

Сам Костя не стал бить птицу. Лишние семь-восемь килограммов в рюкзаке были ни к чему.

И точно, тяжелые тучи заволокли небо, и снова пошел круп-

ный прямой дождь, не оставляя надежды на ясную погоду.

— Костя? — С надеждой спрашивал Лерхен. — Есть ли отсюда ближняя дорога?

— Увы, — отвечал расстроенный Костя, — До ближайшей буровой десять километров и этот путь, хочешь — не хочешь, нам предстоит пройти.

И снова, прежде чем тронуться в обратный путь, отобедали, отчаевничали, просушились у костра.

И снова Костя встал впереди, пробивая дорогу к дому. Снег совсем уже размяк, превратившись в ледяную кашу, каждый шаг давался с трудом.

За два часа пути они прошли не более двух километров. Костины спутники были уже без сил. Пришлось останавливаться, палить костер, пить крепкий сладкий чай, сушиться...

Еще через пару часов Лерхен начал падать. Вода была и сверху и снизу. Вновь останавливались, сушились. На этом привале Курт и Лерхен вынули из рюкзаков трофейных глухарей и со слезами положили их под елку. Нести добычу более не было сил.

Скоро Константину пришлось забрать у немецких охотников ружья, которые они тоже были готовы оставить в тайге. Потом пришел черед рюкзакам.

Теперь немцы шли вперед, Костя, навьюченный словно верблюд, размеренно и, казалось, неустанно шел тяжелой поступью сзади.

И тут вспомнилось такое, отчего Костина усталость, словно улетучилась. Бабка хранила в сундуке желтую вырезку из газеты и с нею три дедовых Георгиевских креста. Было это еще в первую мировую войну. Войну с германцем, как говаривала бабка. В заметке той было написано, что разведчик Селиван Пирогов, возвращаясь с задания из тыла противника, обнаружил на поляне под стогом обедающих немцем числом в семь или восемь человек. Будучи человеком решительным и смелым, он вышел из леса и громким командным голосом отдал приказ:

— Первый взвод с правого, второй с левого фланга, окружай.

При сопротивлении – стрелять на поражение.

А сам подошел к немцам, скомандовал «хенде хох!», спинал в кучу оружие, чтобы врагу не дотянуться до него было, и приказал одному из немцев обрезать у товарищей пуговицы со штанов.

Так и привел в распоряжение своей части всех восьмерых или семерых. Те всю дорогу шли и держали руками штаны. Без штанов-то далеко не убежишь даже под страхом смерти...

...Прошли еще километра полтора. И снова немецкие охотники начали спотыкаться и падать со всего размаха прямо в воду. Ноги вовсе не держали их. И снова Костя рубил лапник, валил сушняк, кипятил чай.

До дому было уже недалеко. Слышен был лязг буровой, звон обсадных труб и долот, рычание тракторов. Однако немецкие охотники уже не в состоянии были подняться на ноги. Бедный австрийский капрал Лерхен вытащил из нагрудного кармана фотографию жены и, глядя на нее полными слез глазами, повторял:

– О, моя, Лизабет! Полный кирдык!

Ждите меня здесь! Я скоро вернусь, – наказал им Константин и налегке отправился на шум города, рождающегося с лязганьем и скрежетом в таежной глухомани.

Немцы обморочно спали, когда сквозь мелкоколье проломилась гусеничная танкетка, из которой выскочили веселые строители новой сибирской жизни, подхватили ружья и рюкзаки незадачливых охотников и самих их на руки и втащили под тент гусеничной машины. Гэтэска взревела и, разбрызгивая мокрый снег, понеслась к спасительному человеческому обиталищу.

Через час Костя уже парил немцев в бане. Ухала каменка, ахал веник, рыдали и взывали немецкие охотники, когда очередная порция пара упругой знойной волной окатывала тела, и начинал трудиться веник.

Первым из бани вывалился Лерхен, но далеко уйти он не смог, Костя вылил на голову его ведро ледяной воды.

– Костя! Полный кирдык! Австрийский капрал против рус-

ского сержанта — ничто. Я побежден, я раздавлен. Но я счастлив.

В гостинице после первого тоста за удачную охоту Костя вышел в коридор и тут же появился со своим туго набитым рюкзаком.

— Это ваши трофеи, — сказал он, извлекая из мешка огромных птиц. — Жалко их было в тайге оставлять.

— Полный кирдык! — Опять сказал Лерхен. Больше, видимо, у него слов не осталось.

...Два дня немцы гостили у нефтяников, ездили по буровым, общались с геологами, летали с вертолетчиками над тайгой, садились в стойбищах к оленеводам. Открывающая панорама новостроек, преобразующих тайгу, даже самого закоренелого скептика, не могла не впечатлить.

Рядом с буровыми окруженными болотами и лесными гривами, словно в сказке поднимались буквально из ничего новые города с широкими проспектами, площадями, школами, детскими садами, кинотеатрами, больницами...

Расцветенная огнями сварок, разбуженная рокотом моторов, задорными молодыми голосами Сибирь вступала в новую эру человеческих отношений, где побудительным мотивом трудового героизма, были в конечном счете не деньги, а человеческие взаимоотношения и стремление оставить по за себе совершенное во имя других дело...

В честь Лерхена и Курта по отъезду их собрали небольшой дружеский банкет.

Лерхен поднял бокал с вином:

— Мне кажется, что по сравнению с вами мы европейцы уже состарились, сидим перед камином в кресле и потихонечку брюзжим, а вы молоды и полны сил. У вас все еще впереди.

Вы способны делать то, что цивилизованному европейцу и в голову не пришло бы. Вы строите города в условиях вечной мерзлоты, вы прокладываете дороги по болотам.

Такой народ не победим!

ЖИТЬ НАДО

Уралова телеграмма не застала. Он был в это время далеко на Севере области, где вновь созданные совхозы готовились к заготовке кормов в условиях короткого северного лета. Если бы знал он, что Клава вместе с маленьким сыном, его кровиночкой, решилась, наконец, на переезд и перелет, то ни что не удержало было бы его в комарином северном краю. Но телеграмма, увы, лежала на почте, а Уралов вместе с Пчеленко колесил по месторождениям, где под низким северным небом зарождались все новые и новые города и поселки. Вернее сказать, не колесил, а плывал или даже ходил, потому что Пчеленко разъезжал по своей нефтяной епархии на судне, которое могло ходить не только по воде, но и по дорогам, болотам, лугам, и мелкому кустарнику...

Это судно было на воздушной подушке.

Уралов с Пчеленко были в дорогах уже около недели. Бесчисленные реки и старицы, поймы и болота, озера они преодолевали легко, сокращая тем самым расстояния, появляясь в самых труднодоступных местах, где до начала освоения нефтяных месторождения порой и не ступала нога человека....

Казалось бы, мягкий и деликатный Пчеленко учил Уралова быть непоколебимым, требовательным и даже жестким, когда этого требовало дело... Но никогда не опускаться при этом до таких мелочных и вредных чувств обиды, мести, деспотизма в отношении к подчиненным.

Это была лучшая школа практической организации гигантского дела. И Уралов в последствии часто будет вспоминать эти уроки и прибегать к опыту своего старшего товарища...

А решать им в той поездке приходилось массу вопросов, среди которых не было мелочей: от организации промышленной добычи нефти и ее транспортировки — Пчеленко, и заготовке

на зиму дикорастущих ягод, как источника витаминов, и грибов, украшающих любой стол и разнообразящих меню нефтяников – Уралов.

Однажды, решив сократить расстояние, они выбрались на своем быстроходном катере на песчаную косу реки, поднимая пыльную бурю, потом катер вылез на заливной луг, поросший ивняком, и быстро побежал по луговине. И тут прорезиновая юбка катера опала и судно опустилось без движения на какую-то невидимую преграду.

Капитан катера спрыгнул в траву и удивленно присвистнул. Весь заливной луг был завален, как противотанковыми надолбами бревнами, которые выкинуло сюда во время паводка из разбитого непогодой плота. По такой дороге даже катеру на воздушной подушке было не пройти.

До буровой оставалось километров пятнадцать, и Пчеленко предложил Уралову пойти туда пешком... Капитан остался высвобождать катер из нежданного плена... Спустя час по радиации передали сообщение Уралову о приезде семьи...

Клава с маленьким сынишкой приземлились в Кондасском аэропорту. Веселые бородатые геологи, летевшие вместе с ней, помогли молодой маме выгрузить коляску и вещи на траву аэродрома.

– Куда пробираетесь, красавица?

– На Шаман к мужу Василию Уралову...

– О-о! – одобрительно воскликнули геологи. – Мы этого человека хорошо знаем. Повезло ему: такую красавицу в жены отхватил!

– Я думаю, что нам с Витюшкой тоже повезло! У нас замечательный папа! – Отвечала, сияя счастливыми глазами, Клава.

– На Шамане сейчас хорошо стало. Населения уже под пятьдесят тысяч, а скоро город еще разрастется и не уступит областному центру... Квартыры благоустроенные людям дают... – Наперебой рассказывали геологи о Шамане.

– На вырост квартиры. Трех, четырех комнатные, чтобы не забывали плодиться и заселять жилплощадь... Там сейчас

средний возраст жителей около двадцати трех лет. Так что мы тридцатилетние для них уже глубокие старики...

– Скажи еще, что стоит вопрос о том, чтобы назвать растущий город Светловодском...

Так за разговорами дошли они до рубленной в лапу из огромных сосен конторы аэропорта.

– А мы поможем вам добраться до Шамана без проблем. Сегодня туда Надюшка, наша кассирша должна ехать с зарплатой на машине. Сейчас мы позвоним, они прямо в аэропорт заедут и заберут вас...

Заботливые геологи побежали звонить в контору. Скоро на дороге показался крытый железом легковой газик. Молодой русоволосый парнишка дружелюбного вида, сам погрузил в машину Клавины пожитки. В кабине уже сидела улыбчивая женщина лет двадцати пяти с чемоданчиком на коленях – это, видимо, и была зарплата геологической партии.

– Надежда! – Представилась она. – Не беспокойтесь, к вечеру будем на Шамане.

Газик бойко побежал по дороге к нарождающемуся в тайге городку. Клава во все глаза смотрела на это явившееся миру чудо – возникающей среди болот и тайги цивилизации.

Через полчаса погрузились на паром. Река была похожа на оживленную трассу. У причальных стенок разгружались суда, доставившие в этот глухой сибирский край технику, автомашины и трактора, огромные трубы, строительные материалы, целые блоки для домов, Нефтеналивные танкеры, полные черного сибирского топлива, сыто тянулись вверх по течению к нефтеперегонным заводам... Вверх по реке шли бесконечные плоты с лесом, рыбацьи лодки скользили легко, выметывая огромные невода. И всем здесь хватало дела, никто никому не мешал, а наоборот чувствовалась некая слаженная работа, имевшая одну общую цель... И над всей этой картиной созидательно труда гремела веселая, поднимающая настроение музыка:

«Все выше и выше, и выше,
Стремим мы полет наших птиц.
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!»

На сердце у Клавы стало радостно. Так же и в их колхозе при-
выкли справлять трудную общую работу. С песней, на подъеме,
с лихой удачью... Она уже чувствовала себя здесь, в тайге, своей.
И от этих счастливых ощущений она крепче прижимала к груди
сладко спавшего Витеньку...

Ей вспомнился школьный учитель литературы, пытавшийся
объяснить, что такое счастье.

– Счастье, это когда человек чувствует себя частью большо-
го, единого целого. Неотделимой частью...

Быть одному, самому по себе, жить только ради себя – это
большая трагедия человека, которую он, может быть, не всегда
осознает сразу. Некоторые лишь в конце жизни понимают, какого
счастья они лишились, счастья быть со всеми вместе...

...Река давно осталась позади. Козелок бежал по просыхаю-
щей после вчерашнего дождя грунтовке посреди величествен-
ной тайги. Невысокое солнце играло в чащах, пробиваясь лучами
к дороге, птицы звенели на все голоса, и водитель тоже напевал
что-то себе под нос. И ничто на этом прекрасном белом свете
не предвещало беды.

Но на середине пути машина вдруг затормозила и встала.
Посреди дороги валялось бревно, преграждая путь. Видимо его
потерял какой-нибудь лесовоз.

Водитель выскочил на дорогу и, ухватив бревно, попытался
отодвинуть его в сторону. Кассирша Наденька отворила дверку
и встала рядом с машиной, готовая придти на помощь. Но тут из-
за деревьев шагнул на дорогу высокий крепкий мужик в длинном
негнущемся плаще.

– Постой, парень, помогу, – напряженно сказал он.

Водитель поднял голову. Мужик подошел к бревну и нагнул-
ся, но в тот же миг выхватил из-за полы обрез двухстволки.

Никто ничего не успел понять, как полыхнуло пламя и вслед за ним лопнул выстрел. Захватив руками русую голову водитель рухнул на дорогу, из-под пальцев на песок хлынула кровь...

Еще выстрел, и, слабо охнув, осела около дверцы кассир Наденька.

Убийца, на ходу перезаряжая стволы, бросился к машине. Клава, оцепеневшая от ужаса, очнулась и одним движением спрятала за сидение одеяло с ребенком. В тот же миг тайгу оглушил новый выстрел и, Клава, встрепенувшись птицей упала на сидение. На ее голубой блузке, быстро пожирая голубое, заалело, растекаясь дымящееся кровью пятно...

Клава еще видела, как схватив чемоданчик с деньгами, убийца бросился в лес... Дальше ее накрыла ночь...

...За Ураловым прислали на буровую вертолет. Оглушенный известием, он торопил летчиков, не отходя от них ни на минуту. Вместе с ним полетел и Пчеленко, пытаясь хоть чем-то поддержать молодого коллегу.

Вертолет опустился на площадку рядом с больницей. Уралов бросился бегом в хирургию, перепрыгивая через несколько ступенек.

В висках стучали набатом слова: « Не уберег! Не уберег!»

Его встречали. Главный хирург, взял Уралова за плечи, заглянул Василию к глаза.

— Она в памяти. Ждет вас. Но надежды нет ни какой. Еще не больше часа... Она умирает. Ранение несовместимое с жизнью...

Уралов качнулся, но устоял. Собирая в кулак волю, шагнул в палату и тут же встретился глазами с Клавой. Она лежала недвижимо, опутанная бинтами и капельницами...

— Любый мой, — Прошептали ее губы.

Уралов опустился на колени и слезы потекли по его опаленным солнцем щекам...

— Я с тобой, друг мой. — Шептал он. — Теперь все будет хорошо.

Но ее холодеющие пальцы сжали руку Уралова.

– Нет, – едва качнула она головой. – Я уйду. Вы с Витей остаетесь. Береги его. Он славный мальчик. Найди ему хорошую маму...

Эти слова были последними.

...Ивана Россомахина поймали через пару дней, на плотях. Милиция опасалась, что народ совершит над ним самосуд, поэтому тот час этапировала его в областной центр, где через месяц суд вынес ему расстрельную статью.

СТРАНА ЖИВОГО ОГНЯ

Город только еще просыпался. Улицы были пустынные, на асфальте блестела вода от поливочных машин, в скверах пели утренние птицы.

Уралов любил эти минуты перед началом рабочего дня. Он еще с работы в колхозе взял для себя за правило вставать в пять утра. Пока жена готовила завтрак, он делал силовую зарядку, обливался в ванной холодной водой. В шесть он уже шагал на работу утренним городом, вдыхая всей грудью свежий воздух, напоенный запахами цветущих лип, прохладой, веющей от реки.

Встречные прохожие были редки. Люди приветливо здоровались, узнавая в высоком статном мужчине Уралова, идущего по городу уверенной походкой заботливого хозяина.

По краям улиц стояли столетние липы, сквозь могучие кроны их косо падали на землю золотистые снопы солнца. Скоро улица поворачивала, и взору открывалась величественная панорама речной излучины.

Очнувшись от ночной дремы великая река все так же, как двадцать лет назад, несла на своих плечах могучий водный поток, окрашенный поднимающимся из-за таежных кряжей солнцем, похожим на огромный медный поднос. Река еще дымила туманом, но на безмерной глади ее видны были и расходившиеся круги от всплесков жирующей рыбы, и бакены с еще не потушенными огнями...

Но это была уже другая река. Это была река труженица, день и ночь не прекращающая своей трудовой вахты. Гирлянды огней на проходящих пароходах медленно проплывали по водной глади, белые красавцы суда неслышно скользили по реке, над речным портом краны, похожие на длинноногих цапель, грузили суда...

Ну, вот и облизполком. Областной исполнительный комитет

Совета депутатов трудящихся...

Пожилой милиционер отдал Уралову честь. Василий Васильевич поздоровался ним за руку.

– Должно быть, сегодня будет настоящее пекло! – сказал милиционер. – Сменюсь сейчас, возьму жену, да поедем на дачу, там хоть накупаюсь, позагораю.

– Растет чего на даче-то? – Заинтересованно спросил Уралов.

– Прет, как на дрожжах! – Воодушевился постовой. – Уже огурцы по четвертому листу, помидоры цвет набирают. И картошка, и капуста... На всю зиму припасы делаем.

– И домик есть?

– И домик. Спасибо вам, Василий Васильевич!

– Мне то за что? Сам ведь строил. – Усмехнулся Уралов.

– Сам-то сам, а без вашего участия, не видать бы нам ни домиков, ни участков... Я то знаю, какие споры были, боялись, что перерождение произойдет, люди наши в куркулей превратятся...

– Не превратились? – Засмеялся Уралов

– Я так точно скажу, что нашему ведомству от этого одна польза – народ гораздо меньше пить стал. А то, что копейка лишняя в кармане завелась, так это тоже хорошо. Вон сколько легковых машин стало в городе. Очередь такая, что не на один год... А когда у человека машина, то у него и жизнь совершенно иная, я бы сказал – насыщенная. На природу выехать – пожалуйста, грибы, ягоды на зиму запаста – без проблем, да хоть на Черное море съездить отдохнуть на своем авто – запросто. Автомашина человека поднимает...

...Уралов поднялся в свой кабинет сел за стол и с удовольствием открыл папку с документами. Здесь не было пустых, формальных бумаг. Каждая – человеческие судьбы,

в той или иной мере судьба города, региона, А теперь, когда нефтегазовый комплекс Западной Сибири стал реальностью, то в папках, лежащих на стол председателя облисполкома, обрелись бумаги, без сомнения влиявшие и на современную историю.

За несколько лет население края выросло в три раза, достигнув трех с половиной миллионов человек, в глухой тайге среди безлюдных болот возникли десятки современных городов, а Сибирь отвечала все новыми и новыми открытиями и разработками нефтеносных и газовых месторождений, строительный кран и буровая стали символом новой Сибири.

И все это возросшее население нужно было в первую очередь обеспечить жильем, напоить, накормить, создать нормальные условия для труда и отдыха, учебы и лечения...

И все эти задачи ложились на плечи народной власти...

День председателя облисполкома был расписан до минуты. Поэтому ранние утренние часы Уралов резервировал для спокойного, вдумчивого рассмотрения бумаг, стратегических размышлений... Но в работе чиновника такого ранга нет мелочей. Любая, казалось бы, незначительная деталь, нерешенный, мелкий вопрос, может потащить за собой клубок неразрешимых в последствии противоречий...

Сверху в папке было письмо от колхозников из Бекетовской за подписью бригадира центральной бригады.

Начавшееся было с конфликта знакомство Уралова с бригадиром, в последствии переросло в доверительные и даже задушевные отношения. За все время работы в колхозе он был первым помощником Уралова, работал не считаясь со временем.

Уралов знал, что там, где находится его боевой бригадир, все будет в порядке.

Они переписывались несколько лет, потом письма стали реже. Уже у самого Уралова времени на переписку не оставалось, но при каждом удобном случае он приворачивал в Бекетовскую, ревниво знакомясь с состоянием дел. Но особенно беспокоится за колхоз «Заря» не приходилось. Год от года наращивали там производство молока и мяса, и это обстоятельство грело душу...

И вот письмо из колхоза:

«Здравствуй, дорогой Василий Васильевич! — Писал ему Николай Иванович. — Спасибо тебе, дорогой, от всех наших кол-

хозников за то, что отвоевал нашего право ловить на озерах карася. А то ведь что получается: прадеды наши ловили и считали эти озера своими, деды и отцы ловили, мы ловили и вдруг — запрет... Может быть, за этим запретом и есть какая-то сиюминутная выгода, но беда в том, что такими запретами власть делает человека, испокон века живущего на берегу, вором в своем собственном доме, потому что он все равно пойдет ловить... А что может быть страшнее этого.

Спасибо, Василий Васильевич, за заступничество. Как и прежде, запеченный в русской печи карась, остается нашей традиционной едой... Приезжай. Ждем в любое время...»

Уралов улыбнулся этому доброму письму. А предистория его была такова. Некоторое время назад на Союзном уровне было принято решение о передаче большинства внутренних водоемов и прудов министерству рыбного хозяйства для рыборазведения и организации промышленного рыболовства.

Передали и сибирские озера, на которых испокон веку кормилось местное население. Теперь колхозник, пришедший на озеро поставить сетку на карася, становился нарушителем и подвергался штрафу.

Столь необдуманное решение вызвало массу конфликтов и жалоб. Уралов, изучив вопрос, на сессии областного Совета предложил депутатам принять свое постановление, разрешающий местному населению ловить в окрестных озерах рыбу, используя оговоренный размер ячеи...

Казалось бы, конфликт был благополучно разрешен... Но что-то подсказывало Уралову интуитивно, что этим дело не кончится.

— Ну, что ж, — сказал он сам себе, — будем решать проблемы по мере их поступления...

Часы пробили девять. Вошла секретарь, принесла на подносе чай.

— Василий Васильевич! Там в приемной сидит представитель из Министерства рыбного хозяйства. Страшно злой. Порывался войти без доклада. Что прикажете делать? Пускать без очереди?

— Ну, что же с ними поделаешь? Все-таки министерство.

Надо уважить. Скажи, пусть заходит.

Секретарша ушла, и почти тотчас отворилась дверь и явила на пороге человека, облик которого показался Уралову знакомым.

Представитель рыбного министерства стремительно двинулся к столу Уралова, на ходу выкрикивая ругательства:

– Вы что тут творите! Изображаете из себя удельных князьков, игнорируете решения центра? Это вам дорого обойдется! Мы вам руки-то укоротим...

Глаза чиновника от рыболовства, полные яркой ненависти, уперлись в Уралова.

И тут Уралов понял, что перед ним стоит не кто иной, как Леонид Петрович Кропачев... Тот самый Леонид Кропачев... Ленька Клоп, трясущийся от ненависти...

Казалось, дай ему волю и силы, он стер бы Уралова в порошок. Снова пересеклись их жизненные пути.

– Ну, говори, чего пришел? – сдерживая себя, совсем него-степриимно спросил Уралов.

– Что за тон? – Взвился Кропачев. – Это я должен задавать вам вопросы. И я заставлю вас отвечать на них. И тебя, Уралов, отвечать. Ты тут себя удельным князьком мнишь, но власти твоей по большому счету здесь нет. Понял?

– Нет, не понял. Меня на эту должность народ выбирал. И, по крайней мере, тебе я эту власть не отдам, – отвечал Уралов ровным голосом. – Мы тут как-нибудь без тебя разберемся...

– Нет, не разберетесь. Запомни, Уралов, командовать в этой жизни всегда буду я и люди моего склада, а не ты и тебе подобные. Вы – быки, вы – рабочие вола. Вас грузят, грузят, а вы и рады. Но у каждого вола должен быть погонщик. Так вот я – из погонщиков, ты – из волов. – Кропачев почти визжал, зады-хаясь от ярости...

Уралов снова сдержался, чувствуя, что его откровенно провоцирует этот старый и не по – доброму знакомый из столичного рыбного ведомства.

Он понимал, что причина этой ярости лежит не столько

в принятии областью самостоятельного решения, идущего вразрез с центром, сколько в самом Уралове, в их личных отношениях, где победителем стал Василий. И стал давно, с той самой драки у стен древнего храма.

...Потрясенный трагической гибелью Клавы, Уралов находил забытье в работе. Тогда он выписал маму, Надежду Петровну, в свою холостяцкую квартиру, в которой появилось маленькое беззащитное существо трех месяцев от роду. Так и жили они втроем, не смея надеяться на скорое счастливое будущее.

Но тут из Ленинграда вернулся Николай Покачев. Ввалился в домпокрытый инеем, румяный от мороза, с сияющими глазами.

– Дорогой Вася! Ты не поверишь моим словам, но истинно тебе говорю: всего день назад я встречался с Ларисой Лебедевой.

– Как встречался? – Краска прилила к щекам Уралова.

А вот так! Она, оказывается, сейчас работает в нашем институте. Мы пошли с ней в кафе и целый вечер говорили.

– О чем? – севшим от волнения голосом спросил Уралов. – О чем говорили?

– Представляешь, говорили о тебе. И я открою тебе ее сердечную тайну. Она по-прежнему любит тебя. Всегда любила только тебя и продолжает любить.

Уралов опустил голову, зажав ее своими огромными ладонями.

– Говори, – Пробормотал он.

– Но есть проблема. Ее много лет подряд преследует Кропачев и не перестает говорить о тебе всевозможные гадости. Это он виновник вашей многолетней разлуки, когда ее письма не находили тебя.

Уралов вскинул голову.

– Ну, и что дальше? Говори всю правду.

– А правда, Вася, в том, что после твоей женитьбы Кропачев сломил ее сопротивление и она согласилась выйти за него замуж. Свадьба должна состояться через месяц.

– Что делать, Николай? Подскажи, что делать? – Уралов

в тревоге заходил по комнате.

— Я думаю, срочно лететь в Ленинград. Я же говорю тебе, что она по-прежнему любит тебя...

— Правильно! Я еду! Я лечу! Мама, собери мне, пожалуйста, вещи!

...Уралову казалось, что самолет летит слишком медленно, продираясь сквозь пелену облаков. Едва автобус подвез их к дверям аэропорта, Уралов бросился к такси.

— Гони, друг, на канал Грибоедова! Двойную таксу плачу.

Через час они были уже в центре города. Уралов вышел на Невском, чувствуя сильное волнение.

Тихо падал снег.

...И вот перед Ураловым, трясаясь от ненависти, стоит Ленька Кропачев. Казалось, дай ему волю он стер в порошок Уралова. Снова пересеклись их дороги.

Кропачев визжал, задыхаясь от ярости:

— Скоро здесь вашей власти не будет. Вы сделаете свое дело и уйдете, а все плоды ваших трудов достанутся нам. И это будет очень скоро!

И тут Уралов не сдержался. Он встал из-за стола во весь богатырский рост, ухватил беснующегося Кропачева за воротник, за штаны пониже пояса и легко поднял в воздух.

Он пронес извивающегося московского чиновника через весь кабинет, ногой открыл двери, пересек приемную и выбросил его в коридор, по которому эхом понеслись визг и стоны поверженного противника...

Корова Земун

ДОРОГА К ДОМУ

Я учился в большом районном поселке Шексна километров за десять от родного дома. Нашу деревенскую семилетку, которая располагалась в добротном двухэтажном доме купца и Череповецкого городского головы Милютина, власти превратили в начальную. И нам с пятого класса пришлось покидать родные дома.

В поселке том день и ночь кипела гигантская стройка. По улицам, сотрясая дома, сновали груженные бетоном самосвалы и перевозившие грунт скреперы, похожие на исполинских кузнечиков. В русле большой реки гремели и стонали землеройные снаряды. По ночам над поселком шарили по темному небу длиннорукие прожекторы башенных кранов, и оно, словно грозное, озарялось вспышками электросварки.

На реке строили гидроэлектростанцию и шлюз большого искусственного канала.

В народе с тревогой тогда говорили, что скоро наши деревеньки, стоящие по берегам, могут оказаться под водой, как уже ушли под воду Рыбинского водохранилища сотни деревень и целые города.

А газеты писали, что скоро Шексна превратится в город Пятиморск, который каналом своим соединит сразу пять морей, что люди будут жить в благоустроенных квартирах с горячей водой и центральным отоплением.

Будущее беспокоило и волновало. Родной деревни было до слез жалко, поэтому лишний раз хотелось побывать дома. И мы бегали из интерната домой при каждом удобном случае, не страшась расстояния и погоды.

Однажды в середине зимы по каким-то делам я припозднился в интернате, товарищи мои много раньше ушли в деревню, а я только под вечер отправился на положенный школьнику выход-

ной.

И вот шагаю я в деревню, а мороз уже выстоялся изрядный. Высыпало на небо звезд несметно. Сияют они, как гирлянды на новогодней елке. Снег от мороза не скрипит, а буквально визжит под ногами. Прибавляю ходу, нос в шарфе прячу, уши — под воротником. Скоро уж и поселок из виду скрылся, одна только огненная шапка над ним в небе осталось. Думаю, часа за полтора добегу до родного крылечка.

Правда, я тогда не один был. Рядом со мной бежал дружок мой веселый — уши торчком, хвост колесом — шестимесячный щенок по кличке Пыжик. Но в деревне его звали Котопсом. ... В прошлое воскресенье увязался он за мной и жил неделю под интернатским крыльцом, дожидаясь хозяина. А теперь радовался, что домой идем, забегал вперед, в глаза заглядывал, хвостом накручивал.

Я его предыдущим летом завел. Заработал на заготовке ивового корья полтора рубля и купил у печника дяди Миши Колесова щеночка. У того собачка Кукла жила, уж такая разумная, что только не разговаривала. Из щенка этого должен был вырасти толковый пес.

Когда я брал его, он еще совсем маленьким был, мамку сосал, и я рассчитывал докормить его козьим молоком из соски.

И вот занес я в дом щенка и уже устроил его в углу на подстилке и вставать начал, как тут что-то мелькнуло в воздухе, и я буквально на лету перехватил нашу кошку Муську. С диким воем бросилась она с печки защищать своих котят.

Тут же руки мои были изодраны в кровь ее когтями. Но я не выпустил разъяренную Муську и сумел выбросить ее за дверь. Но тут же она ворвалась в дом через подполье, и опять руки мои были исполосованы когтями.

Я не спал всю ночь. Казалось, что нашу кошку невозможно примирить с появлением щенка. Но под утро я ее поймал и накрепко запеленал ей ноги бинтами. А потом подложил к котяткам, которые тут же принялись ее сосать. Через минуту подсунул и щенка. Тот не растерялся и присоединился к компании.

Кошка извивалась, страшно завывала, но бинты не позволяли ей пустить в ход когти. Утром она уже смирилась со своей участью, приняв в свою семью еще и щенка.

И так месяца два столовался этот «котопес» Пыжик на кошачьих харчах, подрастая не по дням, а по часам. Скоро он уже больше кошки был. Вся деревня приходила на это чудо глядеть... Потому и прозвали моего Пыжика Котопсом.

...До Большого Леса было еще далеко, темнеть начало. А мне нужно было пройти две недружественные деревни: Костенское и Братовец.

Ребята из этих деревень воевали с нами давно. И когда мы возвращались из интерната по субботам, они караулили нас, чтобы подраться. Если мы шли всей гурьбой, противники наши не решались затевать сражение, а только провожали нас от деревни до деревни, обстреливая снежками, но если нас было мало, или ты шел один, тут уж держись: скоро по загревку найдут, а то и нос расквасят для порядку...

Наверное, сегодня для кого-то покажутся странными и удивительными такие нравы, только у нас никто обиды друг на друга не держал: ни маленькие, ни большие ребята. Каждая деревня тогда защищала свои пределы от вторжения чужаков. Может быть, потому Россия и сильна была боевым духом своим в защите и большой и малой родины.

И все же я рассчитывал, что смогу незаметно просочиться деревнями: темно да и морозно засады устраивать. Но ошибся.

В Костенском вывалили из проулка трое ребят, и пошли за мной следом до другой деревни, которая желтела огнями в километре через поле.

Можно было броситься в бега и оторваться от преследователей. Но показывать неприятелю свою слабость было противно, и я пошел к следующему деревенскому реду. Не доходя до Братовца, я увидел, как от темнеющих на фоне звездного неба домов выделились еще три фигуры и преградили мне путь.

Я остановился. И тут сзади догнал меня увесистый удар, от которого я ткнулся лицом в снег. Тут же на меня кто-то нава-

лился, но я изловчился и вывернулся, оставив внизу нападающего. Меня окружили, я тяжело дышал, готовясь встретить новую атаку.

Но мой верный Котопес, ощерился, залаял, срываясь на визг, и попытался укусить первого парня, стоящего передо мной.

Ребята попятились. Я позвал Пыжика к себе, готовый к новой атаке.

— Чего делать-то будем? — сказал старший парень в фуфайке и шапке с заломленными назад ушами. — Если по-честному, то надо один на один. Вот Венька тебя стукнул, так с ним и дерись.

Вытолкнули Веньку, который, как я увидел, не горел большим желанием драться. Но деваться было некуда. Мы сцепились и покатались по снегу. Скоро я был уже наверху. Венька хлюпал расквашенным носом.

— Ну, все по-чесноку, — сказал старший парнишка. — Только мы вас потеряевских все-равно колотить станем, если через нашу деревню пойдете.

Я ничего не ответил, поправил почти пустой рюкзак на спине и пошел дальше. Впереди уже темнел елками на фоне звездного неба Большой Лес.

БОЛЬШОЙ ЛЕС

Он был и на самом деле большим этот лес. Километров на четыре тянулся он вдоль дороги, а крылья его уходили в стороны на десятки километров. Старики рассказывали, что когда-то в этом лесу стояла большое и богатое село Великое, увидеть которое редко кому доводилось.

Пряталось село от злых глаз кочевников, частенько наведывавшихся в эти края, от разбойников и ненасытных слуг княжеских. Попастъ туда можно было, только зная тайные тропы и дорожки через зыбучие трясины.

Будто было в том селе всего вдоволь: и хлеба, и молока, и меда, и холстов, что жили там счастливые и свободные люди, своим трудом украшавшие землю.

Рассказывали, что еще в незапамятные времена нашелся недобрый завистливый человек и привел отряд княжеских воев на Великое Село. И будто бы ушло оно из глаз врагов, как провалилось сквозь землю. А княжеские слуги заплутали и потонули в болотах.

С тех пор, говорили в деревне, будто слышат люди, собирающие на болоте ягоды, или покосники на дальних лесных пожнях время от времени то колокольный звон, то шум водяной мельницы, то доносятся чуть слышно песни праздничных игрищ... А видеть то Великое Село больше никому так и не доводилось... И порой в мечтах своих грезил я таинственным Великим Селом, страстно желая увидеть его хоть одним глазком.

Вышла луна, стало светло, как днем. С волнением и трепетом, я вступил под своды волшебного украшенного Большого Леса, заиндеветшего и оцепеневшего от мороза. Мне было немного страшновато, но одновременно покойно и радостно, словно лес этот был моим домом, который хранит от всяких внешних невзгод.

Я прошел, наверное, километра полтора в звенящей тишине. Время от времени пушечно лопались от мороза стволы деревьев, не успевших избавиться вовремя от лишней влаги, да скрипел снег под моими валенками. Еще километров пять... — и засветятся в ночных полях окна родной деревеньки.

И тут в глубине леса раздался леденящий душу крик:

— Пу-у-го-о!

Этот крик, как удар колокола отозвался во всех концах леса и вернулся обратно.

— Пу-у-го-о!

И вслед за этим криком по лесу раздался зловещий раскати-стый смех:

— Ух-ха-ха-а!

Сердце мое скатилось было к пяткам, но тут же вернулось.

— Это же филин кричит! — Догадался я. — Филька перелещается!

Я снова пошагал по скрипучему снегу к дому.

Этого филина знала вся наша деревня, хотя он и жил в дупле огромной ели Большого Леса, которой было уже лет триста.

Он жил одиноко. Не поддерживал отношений ни с кем из обитателей этого хмурого елового леса. Многие обитатели были для его просто пищей: мыши, летучие мыши, птицы.

И только по весне в гулких сводах освободившегося от снега леса леденящими криками подавал он весть своей пернатой ушастой братии, что еще жив и готов к продолжению рода.

У него была хорошая память. Он много знал и помнил. Однажды его подстрелил охотник, перебив свинцовой дробью крыло. Филин спрятался в зарослях молодого ельника так, что собака охотника не могла добраться до него. А нашел его уже обескровленного и измученного наш деревенский пастух дядя Паша Велесов, ходивший в лес за убежавшей коровой.

Он посадил филина, уже не способного сопротивляться в рюкзак, и вынес в рюкзаке домой в деревню. Одна ушастая голова торчала из рюкзака, но и она вызвала переполох пернатого населения деревни: кур, ворон, ласточек и сорок. Они тучей

носились над пастухом и сидевшим в рюкзаке филином и заполошно кричали. Но пастух в обиду своего нового лесного товарища не дал.

Дома он вправил филину крыло, сделав из лучинок шину, чтобы быстрее срослись кости. Накормил рыбой, напоил водичей... Так между человеком и птицей возникло особое доверие.

Оставлять дома раненую птицу Велесов не решился, и утром филин отправился на правом плече пастуха в поскотину, вцепившись в фуфайку своими железными когтями. Он был роскошно красив: мраморный с голубым отливом с темными вкраплениями, луноликий с огромными оранжевыми глазами и задорно точащими ушными перьями над головой.

Филин не так хорошо видел в утреннем свете, как ночью, мир представлялся ему размытым, и он крутил головой, пытаясь получше разглядеть его.

Через неделю филин уже начал подниматься на крыло. В ночном, когда пастух со своей собакой дремал у костра, филин заступал на дежурство. Он садился на изгородь и обзирал ночные окрестности. Ничто не ускользало от его всевидящих оранжевых очей, ни мышь полевка на земле, ни летучая мышь в воздухе.

Он увидел, как вышла из лесу к стаду, хоронясь в кустах, знакомая волчица, владычица Кашеева логова. Она была тоща, шерсть на ней висела клочками, голодные глаза сверкали в ночи, а с оскаленной пасти скатывалась слюна.

Выждав момент, бросилась она на теленка, и вслед за ней метнулись к стаду молодые волки. Теленок, сбитый с ног, жалобно закричал, трубно заревела корова-мать. Опустив рога, она устремилась спасать телка, атакуя волков. Но нападающих было много, и они не позволили корове придти на выручку, хватая ее за ноги и преграждая путь.

И тут филин, сидевший на изгороди, взмыл неслышно над землей и, стремительно пролетев над стадом, вцепился в волчицу железной хваткой.

Волчица бросила теленка и, стремясь избавиться от птицы,

перекатилась через голову, подминая собой филина, но это не спасло ее от капкана когтей.

На шум прибежал пастух, вооруженный одним лишь посохом.

Велесов ударил волчицу посохом. И та, развернувшись, щелкнув в ярости зубами, побежала к лесу. Филин все еще не отпускал свою жертву. Вслед за ней трусливо, поджав хвосты, помчались остальные волки...

– Пуго! – Закричал пастух. – Оставь их.

Филин словно понял своего спасителя и, разжав когти взмыл в ночное небо.

Волки под свист и улюлюканье пастуха улепетывали к лесу.

Пуго давно знал эту разбойную семейку. Она обитала за большим Ванеевским болотом на Кашеевой согре в завалах буреломов. Когда выходили они на свой промысел, ничего живого в лесу не оставляли, разоряя гнездовья птиц, устроенных на земле, давя без пощады и счету молодь кабанов и лосей, загоня в трясины взрослых секачей и сохатых, которых в открытом бою им было не взять... Не брезговали они и деревенскими собаками, таскали овец и ягнят, нападали на телят и даже на лошадей...

Они выходили из болота по Старой Гати, которая была устроена когда-то крестьянами из кондовых сосновых стволов, казалось бы, не подверженных гниению. Но против болот не устояло даже сосновое смолье. Гать со временем местами иструхла, и дорога эта стала таить в себе опасность для путника навеки погрузиться в болотную пучину.

В самом дальнем углу Болота, куда иной раз заносили филина крылья, был остров, на котором когда-то обособленно и замкнуто жили люди. Может быть, это и было то самое таинственное Великое Село, про которое даже Пуго почти ничего не знал.

...Крыло у Пуго скоро совсем поправилось и Велесов вечером отнес его в лес. И снова Пуго стал жить в дупле старой ели, по ночам охотясь на мышей.

ВОЛКИ

И вот шагаю я лесом, тороплюсь.

— Пу-у-га-а! — Снова раздалось в лесу. Но я даже не вздрогнул на этот раз.

Чего мне бояться нашего деревенского филина? Но не прошел я и половины Большого Леса, как совсем рядом раздался волчий вой, да такой, будто целый хор голодных на спевку собрался...

Волки! Пыжик сразу сунулся мне в ноги, хвост поджал, скулит жалобно. Видимо, встречался с ними в прошлой жизни...

Чего делать? До деревни еще километра четыре, не добежать...

Подавляя страх, я прыгнул с дороги в снег и начал пробиваться по сугробам к большим елкам, хорошо они росли рядом.

Подхватил я под одну руку щенка и полез по веткам повыше. А волки — тут, как тут. Меж елок серыми тенями снуют, зубами щелкают.

И вот сижу я на елке и понимаю, что надежды на спасение нет. И что удивительно, не страшно ни сколько. Мороз так сковал — себя не чувствую, только щенка к груди прижимаю негнущимися руками. А потом и вовсе теплей стало, вроде бы дрема одолевать начала... Сладкий такой сон, будто дома на перине...

И тут слышу, возле лица моего словно ветерок пролетел. Открываю глаза — филин рядом кружит. Сел на ветку и хохочет.

— Ух-ха-ха!

Прошло немного времени, а у меня глаза опять закрываются.

И тут опять этот хохот.

— Э-э, да ведь это он мне спать не дает.

И тут вижу: срывается Пуго с ветки и пикирует прямо на волчицу.

Та он него в сторону шарахнулась, только клыками щелкнула,

пыталась в прыжке ухватить птицу. Да не тут-то было.

Волки как по команде в круг сгрудились, ощерились, так что филину стало невозможно нападать на них. Кто-нибудь да успеет перехватить птицу на подлете. И тогда останутся от нашего защитника одни перья да когти...

Сидят волки, смотрят на меня голодными глазами, напротив филин на суку оранжевыми глаза сверкает, будто в переглядки с волками играет, и только мои глаза слипаются, веки словно свинцовые...

Я не видел, как исчез Пуго. Я словно провалился в забытьё. И в это время руки мои разжались и, слабо взвизгнув, мой Пыжик полетел вниз.

Тотчас внизу раздалось злобное рычание и отчаянный визг щенка. Волки в мгновение ока разорвали его на части. Я был в таком отчаянии, что готов был прыгнуть с елки вслед за ним. И только вид этой кровавой сцены остановил меня.

И тут я услышал, как в морозном воздухе сверлит какой-то буравчик. И все громче, громче этот сверлящий звук. Оглянулся я: в небе звезд — страсть, а меж ними сполохи играют. А звук все громче, а сполохи все ярче. И тут весь лес во всех его промороженных пределах и углах огласился раскатистым звоном, словно остекленевший воздух на тысячи осколков разбился и засверкал, засиял нестерпимо.

Я понял: это запоздалый трактор возвращался с пожен, видимо, сено вез на коровник с покосов.

Волки словно растворились в сразу потемневшем лесу.

Скатился я с елки, кое-как выбрел на дорогу. Трактор с сеном мимо едет, не видит меня, а у меня и ноги не шевелятся. Стою и реву от отчаяния. А слезы тут же на ресницах леденеют...

Как я оказался на дровнях — не знаю. Будто какая-то невидимая рука подхватила меня и опустила в сани. Закопался я в сено, а в голове уже толи соловьи поют, толи филины кричат, толи волки воют...

Сколько я в этом бреду был — не знаю. Очнулся — трактор стоит, и нет никого.

А мне, видимо, уж совсем немоготу было, такой озноб напал, что, кажется, вот-вот душа моя отлетит в небеса. И, слышу, кто-то мычит потихоньку, а в ночи двери щелями светятся. Пошаршился я к тем дверям, благо они не закрыты были, и попал на ферму.

Вижу: фонарь горит керосиновый. Коровы на соломенных подстилках лежат. А одна в тесовой загородке стоит, смотрит на меня внимательно и призывно так мычит.

Отвернул я вертушок — и к ней в загородку. Соломы там было по колено, а в соломе теленочек лежит, и тоже на меня внимательно смотрит... Я опустился без сил рядом с ним, к теплему его боку прижался, а с другой стороны корова привалилась, горячая, как печка. И стало мне сразу легко и спокойно. Уснул, как в омут провалился.

И снилось мне явственно, как будто стою я на улице посреди деревни, в небе луна светит прожектором. Так светит, что все видно, как днем. Урони иголку и ту найдешь. И чувствую, что словно какая-то неведомая сила поднимает меня над землей.

И вот я уже парю над деревней, над заснеженными крышами ее, над оцепеневшими, похожими на крахмальные простыни полями, лесами в снеговых шапках, над извивами рек, мельничным омутом, на котором сидит стая волков, подняв к небу морды, и воет в тоске на луну...

А неведомая сила уносит меня дальше и дальше к темным борам и бескрайним, выбеленным снегами болотам, и вижу я, что среди этих болот с редким мелколесьем загадочный остров, словно изнутри светящийся теплым золотистым светом... Огненный!

И я вижу, средь заиндевелых сосен рубленые дома-терема, с высокими крышами, украшенными резными коньками, с резными крыльцами, светящимися окнами в деревянном кружеве... Вижу ледяные горы, по которым лихо катаются парни и девчонки, вижу катящееся под гору колесо в круге полыхающего огня...

И невесомое тело мое подхватывает воздушный поток и уносит меня в безбрежные звездные дали, где в Млечном пути

вращается звездное колесо миров и галактик...

...Утром, слышу, сквозь сон кто-то меня окликает. Поднимаю глаза: стоит надо мной чудище лесное лохматое... А мне не страшно нисколько. Пригляделся – так это пастух наш деревенский Паша Велесов в драном полушубке.

Глаза под кочками бровей у него словно буравчики острые. Борода чуть не до пояса седая, волосы до плеч. И сучковатый посох в руке.

– Как хоть ты, парень, попал-то сюда? – Спрашивает.

Я сразу не соображу где я, как попал сюда, оробел. Не знаю, что и отвечать.

Только тут Паша улыбнулся в бороду и сказал ласково:

– Пойдем-ка, в сторожку. У меня чай свежий заварен.

И тут в сторожке у водогрейного котла стал я рассказывать Велесову, как на елке от волков спасался, как филин Пуго прилетал и мне уснуть не давал, и на волков нападал, как волки моего щенка разорвали.

Велесов выслушал меня, головой покачал:

– То-то я, думаю, Пуго под окном кричал, в стекло стучал. Вышел скотину доглядеть и тебя обнаружил...

Он погладил меня по голове негнущейся пятерней.

– Какие испытания – то на тебя, душа моя, выпали. Тут и взрослый бы себя потерял. А ты, видишь, вон, выстоял.

Он помолчал и говорит:

– Не простая история эта. Со смыслом Так-то. Получается, что Ветка да Пуго тебе жизнь спасли. Ты теперь перед ними в долгу... Не зря наши предки небесную корову Земун считали покровительницей всего славянского племени.

Удивился я:

– Корова? Покровительница человеческого племени?

А Велесов только улыбался в бороду:

– Давно это было. Многие тысячи лет назад...

Станный, однако, это был человек – дядя Паша Велесов. Кто он, откуда пришел в нашу деревню – никто не знал. Поселился в брошенной избушке на краю деревни. Из всего имущества

было у него только носильное белье да старый вытертый полушубок.

Летами он пас колхозное стадо, зимами сторожил на дворе. Редко кто от него слово слышал. Бирюк бирюком.

В деревне поговаривали, что Велесов водится с лешим в лесу и кикиморами болотными, с которыми у него будто бы договор заключен, чтобы те не чинили вреда скотине. Чтобы ни волк, ни медведь на колхозных животных не покушались. Будто бы по этому договору пастуху не полагалось иметь при себе оружие...

А весной мы сами видели, как обходил он стадо с какими-то мудреными заговорами. А в руках-то была у него веревка с замком. И как обошел он стадо с этой веревкой, так взял их и закопал на краю деревни у поскотины. Мы все это наблюдали, прячась за можжевельновыми кустами, которые густо росли по краю пастбища. Хотели мы выкопать велесовскую веревку с замком, да забоялись, а вдруг какой заговор подействует и на человека.

Пашу в деревне считали не только пастухом, но и скотским знахарем. И про скотину много знал, лечил ее травами и какими – то собственными снадобьями... Бабка Марья Мосяева говорила как-то на посиделках, что он и на людей порчу может навести и снять ее, и кровь заговорить...

И вот этот нелюдимый, таинственный и страшный человек разговаривал со мной. Охотно разговаривал и ласково. И у меня прошли все страхи, нелюдимый Паша Велесов открылся неожиданной, притягательной стороной.

...Не ведаю, как родители узнали, где я нахожусь, но примчались они на ферму вместе с доярками, идущими на утреннюю дойку.

Всю ночь не сомкнули они глаз, с фонарями и факелами разыскивая меня по лесу. И когда нашли окровавленный снег, истоптанный волчьей стаей, в том месте, где простился с жизнью мой верный Пыжик, не чаяли найти даже косточки моей. Вот было у них радости, когда увидели меня живого и здорового.

Дома за пирогами вспомнила матушка моя дядю Пашу Велесова.

— Ясновидящий он. Точно у него дар есть. Мы к нему и побежали спросить, не укажет ли он места, где тебя искать. А вот они оба два сидят, посиживают.

— Велесов говорит, что меня Ветка спасла. Он еще говорил, что все от коровы пошло. Будто была в древности такая небесная корова Земуна, от которой люди начались.

Матушка моя не стала возражать, а задумалась глубоко. А бабушка даже слезу смахнула.

— Что случилось? — Говорю я ей. — Вот он я. Никакой беды нет... Пыжика жалко?

— Жалко. Как не жалеть безвинную животину. Я, говорит, корову свою любимую вспомнила. Малину. Накануне опять привиделась во сне. Стоит будто бы у ворот и смотрит с укоризной, словно в душу заглядывает мне: мол, что это ты, хозяйка меня позабыла, Все коровы давно по дворам, одна я, словно сиротина бездомная. Проснулась в слезах: « Господи, да что же это ты память мою не отпускаешь? Столько лет прошло...»

ПОТЕРЯЕВО

Так называлась наша деревня. И то верно, затерялась она в лесах и болотах среди многочисленных рек и медоносных лугов, как некогда легендарное Великое Село. Дальше Потеряева дорог не было. Но сколько всего замечательного, интересного и волшебного было вокруг.

Старики говаривали, что в прежние царские времена в Устье Имаи стояла пристань, к которой причаливали большие пассажирские пароходы. На луг выносили матросы граммофон с пластинками, издававший волшебные звуки вальсов. Барышни в шикарном платье танцевали под них с кавалерами и матросами.

По берегу Имаи стояла большая и богатая деревня Селище, напротив ее на другом берегу благоденствовала деревня Заречье. Три речки одна по-за другой впадали в большую реку сразу за деревней. Но деревни эти с затоплением Рыбинского водохранилища расселили, дома были перевезены в Потеряево, стоявшее на высоком холме. С той поры в нашей деревне появились края, которые получили весьма оригинальные названия в устах деревенских остроловов: Старая и Новая Деревни, Притыкино, Подгорье, Замостье, Шапкино и еще одно название, которое проносилось только шепотом на ухо друг другу. Название это, как бы теперь сказали «18+». И я не стану его здесь называть.

Самая загадочная и таинственная река – Судьбица. Начиналась она в дальних краях и имела в начале своем другое название – Судебка. Но на подходе к болоту словно ныряла в него, скрываясь под моховым покровом, лишь изредка открывая черные бездонные окна, и снова пропадала, и текла невидимо многие километры. Потом вырывается она на волю уже полноводною и сильною и долго течет вопреки большой реке рядом с нею, но в противоположном направлении...

Самая обжитая река – Имая, на ней сохранялись еще остатки трех мельниц с глубокими омутами и заводами, и одна мельница была действующей, на которой царил деревенский мельник Костыгов.

У мельницы всегда стояли подводы с зерном, которое везли со всей округи. Тут был своеобразный деловой и культурный и, как бы теперь сказали, досуговый центр.

В омутах булькались мужики с бреднем, на берегу варили уху, тут же пиликала гармошка, и стоял оглушительный хохот, потому что на мельнице, как не остановимая вода, рождались и уходили в историю байки, бухтины, побасенки о также не остановимо протекавшей деревенской жизни.

Обычно в конце июля воду из мельничной запруды спускали, поднимая для ремонта деревянные ставни, запиравшие сток. Вода бурным потоком устремлялась в образовавшийся проем, у которого мужики ставили невод с огромной чупой, в которую битком набивалось рыбы. Рыбу ту волокли на берег, делили на всю деревню, а из остатков варили общую уху и устраивали пиршество с выпивкой, гармонью и плясками...

От нашей деревни до большой реки было не более десяти минут ходу. Сначала полем, потом нужно было спуститься в низину, поросшую темным ельником, пересечь ее, и открывалась величественная картина полноводной Шексны.

Еще совсем недавно реку перекрывала плотина, бетонные плиты и гранитные валуны которой виднелись в воде. Здесь был один из многочисленных шлюзов старой Мариинки искусственной водной системы, которая была главной водной дорогой, построенной еще при царе Горохе в прежней России.

Но скоро эта система перестала удовлетворять нуждам страны. Началось строительство новой. Старый канал вместе со своими шлюзами уходил под воду.

И только несколько старинных, преимущественно деревянных шлюзов от старого канала сохранялись, как чудо. И среди них был и наш шлюз Судьбица на Шексне.

От старого шлюза оставался лишь песчано-гравийный насып-

ной островок, на котором стоял домик зрителей шлюза Голубевых.

Как обычно по выходным они топили баню, дым веселыми куржавчиками поднимался в небо, отчего остров казался большим пароходом, плывущим без усталости в неведомые края.

С островка по деревянным воротам можно было пройти на берег, где стояло несколько типовых домов, в которых жили семьи Смелковых и Агапитовых так же бывших работников канала, оставшихся без дела. Они не уехали лишь потому, что были не в силах расстаться с привычным бытом и очарованием близкой воды.

Всю зиму каждое воскресенье мы ходили на шлюз париться в бане. С осени, пока лед не покрывало снегом, ходить по реке было необычайно волнующим и интересным занятием. На мелководье видно было, как тугие струи реки шевелили воздушные пузыри подо льдом. Рыба почему-то шла на мелководье, и залив представлялся огромным аквариумом, в котором плавали ерши, окуни, налимы и щуки. Они не боялись нас, хотя в эту пору деревенские жители ходили на лед глушить деревянными колотушками налимов.

...После бани пили чай у Голубевых или Агапитовых. И тут было не переслушать увлекательных рассказов о загадках и тайнах речных омутов и бучил.

Старик Голубев рассказывал, что на глубине у шлюзовых ворот с незапамятных времен живет то ли гигантский сом, то ли сам водный дух — Чарандак. Мол, время от времени показывается он у шлюзовых ворот, распускает по течению моховую гриву свою, и снова канет в бучило.

А по весне, как только начнет солнце плавить снега, выбирается Чарандак на лед и отправляется с ревизией по всему каналу: пересчитывать белых коров — коих потом все лето будет оберегать и пасти.

Белые коровы — это гигантские рыбы — белуги, которых в прежние времена было немало, но плотины и шлюзы перегородили им путь из морских пастбищ. И что, осталось этих удиви-

тельных гигантских рыб у нас всего несколько штук. Вот и пасет их, бережет Чарандак. Пойдет весной по льду, и от шагов его лед трещит, и трещины бегут впереди водного духа. А он в трещины заглядывает, будит своих коров.

...Вот такой сказочный мир деревни, уютный и обжитый. Клуб, магазин, родильный дом, почта, сыроварня с ледником для сливок, галдарея с колхозными припасами и семенами, овинами для сушки зерна. Сердцем деревни была колхозная контора, в которой царствовал наш председатель, герой войны, крутой хозяин, под предводительством которого наш колхоз «Победа» гремел своими достижениями на всю область.

А еще был колхозный сад с кислыми, но невероятно вкусными яблоками, конюшня с гордостью всего колхоза жеребцом Маяком, которому на районных бегах не было равных...

Скотные дворы с бычатником, в котором обитал грозный огромных размеров бык Малыш. Вот о нем-то, дававшему породе всему коровьему стаду, я потом расскажу особо.

Деревенская жизнь и весь окружавший ее мир с реками, лесами, болотами, которые с малых лет были знакомы нам, казался настоящим чудом. У меня было такое ощущение, что я купаюсь в любви и неге этого мира.

Я страстно любил рыбачить. Под вечер, возвращаясь домой с мельничного омута с богатым уловом, я неизменно пел, песни сами рождались в моей груди и не петь их было невозможно. Это отражалось от стоящих кругом лесов и возносило мои радостные песни в небо, где уже загорались пока еще не яркие звезды.

Вечерами у нашей соседки бабки Маши Мосяевой сумерничало пол деревни. Пока темнота еще не накинута на деревню свой черный мешок, но день уже отгорел, чтобы сэкономить на керосине, шли к бабке деревенские старики и старухи, молодцы и молодницы, ребятя и мелкая челядь. И весь этот народ общался к деревенскому единству, к этой большой и дружной семье.

Вот где было торжество устного рассказа ... Я до сих пор помню всякие деревенские истории, рассказанные на этих суме-

речных посиделках, и так хочется собрать их и поведать идущему за нами поколению, которое катастрофически теряет умение общаться.

Рассказывали всякие бывальщины, поверья и сказки. Бывало, на печке лежишь и ноги под себя подбираешь, как бы какой Леший-Водяной тебя за ногу не ухватил.

Дед Константин, белый, как лунь, рожденный еще в девятнадцатом веке, постоянный гость посиделок. Сколько ему было лет, представить трудно. Но я запомнил его стоящим в телеге, которую несла по дороге лошадь. Высокий, костистый, в развевающейся на ветру полотняной рубахе он был красив, как римский император в колеснице, железной рукой удерживающий поводья взбесившейся лошади.

Слушать его можно было бесконечно.

...Потом провели в деревне свет. Беседы стали все реже, но появилось радио. Вечерами родители мои уходили гостевать и наказывали мне записать программу радиопостановок. И вот один в темном доме, прильнув к светящемуся экрану, я отыскивал стрелкой какую — либо радиостанцию и замирал в восторге, слушая волшебную музыку радиопостановок про капитана Немо или Ихтиандра...

Воображение уносило меня в диковинные страны, погружало в изумрудные моря полные рыб и жемчужных раковин...

А за окном сияла полная луна, высвечивая безбрежные снеговые пустынные поля, оцепеневшие от мороза леса, реки в крутых берегах, где у мельничных запруд сидели неприкаянно волки и выли в тоске на луну...

Теплый бок печки лежанки и чарующий волшебный мир вокруг. Добрый и уютный. И когда по радио говорили «Север», то я думал, что Север это не у нас, это где-то совсем далеко. И только много позднее я узнал, что нашу землю западные ученые красят на картах в белый цвет, как не пригодную для занятия сельским хозяйством и для самой жизни территорию, где среднегодовая температура отрицательная.

Но это была злонамеренная идеологическая неправда.

В 1986 году СССР и прежде всего Русский Север произвел более 2 миллионов тонн сливочного масла, сколько США, Франция и ФРГ вместе взятые. Вот тогда-то и началась перестройка...

В ПАСТУШКАХ

...История с чудесным спасением так меня перевернула, что решил я напроситься на лето в пастухи либо подпаски. Может быть, думаю, с Велесовым сойдуся поближе. Так он меня к себе притянул. Думаю, узнаю, что он за человек такой, не похожий ни на кого, загадочный и, не смотря на весь облик его суровый, — добрый...

Еле дождался я лета. Так хотелось поскорее большого взрослого дела. Вы никогда не пасли деревенский скот? Думаете, наверное, чего тут занимательного телятам хвосты крутить? Не престижно, да и скучно...

Ладно, не буду вас переубеждать, только для меня в детстве не существовало более радостного занятия, чем пасти стадо на речных луговинах.

Вот подошла и до меня очередь пасти мелкую деревенскую скотину: овец, коз, телят... Коровы-то ходили в колхозном стаде под надзором Паши Велесова.

С вечера загрузили мне котомку пирогами, яйцами, бутылкой молока и отправили ночевать на сеновал, чтобы утром никого не тревожить. В половине пятого нужно было уже идти по деревне с барабанкой.

Пастушья барабанка — это передаваемая из дома в дом липовая доска на веревке, о которую пастух выбивал палочками дробь, будя хозяек, когда собирал стадо. Вот эта барабанка с вечера уже висела у нас на огороде.

Тот, кто никогда не ночевал на сеновале, этого восторга не поймет. О, какие дивные запахи окружают тебя, как сладко спать в этой истоме лугового разнотравья! Эти ощущения остаются с человеком на всю жизнь. Надо бросить все, поехать в деревню, попросится у кого-нибудь на ночлег в сеновал.

А чуть свет тебя разбудит петух, торжественно и радостно

заголосивший внизу. Тут же ему отзовется второй, третий, и петушиная побудка понесется по всей округе, укрытой легким туманом, наползающем с реки.

А вслед за петухами застучат по дворам отбиваемые молотками косы, раздастся дробь пастушьей барабанки, и наполнится улица мычанием, овечьими и козьими голосами, бряканьем ботал, воркунцов...

Вот и я шагал по пыльной дороге следом за стадом, ощущая ногами и холодок утренней росы, лежащей поверх пыли, и тепло вчерашнего дня, хранившееся в глубине ее. Пыль приятно щекотала ноги, пробиваясь фонтанчиками, через пальцы.

По краям дороги стояли столетние липы, сквозь могучие кроны их косо падали на землю золотистые снопы солнца. Туман в низинах таял на глазах, и взору открывалась величественная панорама речной излучины. Очнувшись от ночной дремы река несла на своих плечах могучий водный поток, окрашенный поднимающимся из-за таежных кряжей солнцем, похожим на огромный медный поднос. Здесь были и багровые тона, переходившие в самые нежные розовые, бирюзовые, голубые.

Река еще дымила туманом, но на безмерной глади ее видны были и расходившиеся круги от всплесков жирующей рыбы, и бакены с еще не потушенными огнями, и лодка бакенщика оставляющая радужные водовороты от весел, и сам бакенщик, неспешно гребущий фарватером...

Стадо я пригнал на речной наволок, где обильно росла густая трава, расцвеченная желтыми, лиловыми, красными, синими цветами и осыпанная бриллиантовыми россыпями росы. Как красив заливной луг на рассвете и счастлив тот, кто видел его на восходе солнца, кто слышал в тот момент радостный гомон птиц.

Но вот величественно и торжественно выкатилось солнце, и все успокоилось вдруг, и только сочный хруст травы нарушал утреннюю тишину.

Я скинул штаны и рубаху, захватил побольше воздуха в грудь и нырнул ласточкой в дымящуюся воду. Здесь была глубокая под-

бережица, вымытая течением, и в бесчисленных норах ее водились раки и скользкие головастые налимы.

Я открыл глаза. В неясном зеленоватом свете, пробивающемся сквозь толщу воды увидел я стайки стремительных рыб, колеблющиеся на течении водоросли и размытые очертания береговых нор.

В первой же норе рука коснулась холодной осклизлой налимей головы. Налим пытался уйти, но безуспешно, ловкие пальцы мои зацепили его за жабры и поволокли на свет божий.

Я шумно вынырнул из воды, поднимая руку с извивающимся налимом и выгребая второй к берегу.

В налиме было килограмма два. Завтрак, что надо!

Я насобирал по берегу дров, запалил костерок, выпотрошил налима, посолил его и принялся обмазывать береговой глиной. Скоро от костерка остались одни угли. Я разгреб их и положил в исходящее жаром кострище обмазанную глиной добычу, засыпав сверху толстым слоем углей.

Я лег спиной на просохшую уже луговину, закинув руки за голову и глядя бездумно в синеву утреннего неба. Там происходила своя небесная жизнь.

По небу плыли редкие кучевые облака. И я долго смотрел за их неспешным перемещением и превращением то в диких зверей, то в узнаваемых людей.

А вы любите смотреть в небо? Ах, да! В городе же этим некогда заниматься. Все бегут, куда-то стремятся и видят лишь черный асфальт под ногами... И назови мне, друзья, такую работу в городе, где бы ты мог поймать и тут же приготовить себе обед, где бы ты мог часами разглядывать облака...

Скоро на берег вышли наши деревенские колхозники и присели к моему костерку отдохнуть.

— А что, Петрович, — спрашивала доярка Лукерья колхозного конюха Кузнецова, — правду ли, нет ли говорят, что ты по молодости в Великое Село за счастьем ходил.

Петрович неторопливо раскурил козью ножку:

— Великое Село, девки, многие искали, да вот не каждому

оно открывается. — Наконец, начал он рассказ. — Оно, сказывали, где-то за Ванеевским болотом. Место большое, чтобы обойти.

— Чего уж там такого хорошего, что все ищут и ищут...

— Говорили, старики, будто бы там Живой Огонь из-под земли выходит, и от этого огня все вокруг согревается особым духовным теплом, так что люди, там живущие, не знают обид и горестей, злобы и ненависти. Там царит всеобщая любовь и справедливость. Огни согревают источники целебные, любую хворь с человека снимают, а реки там молоком и медом текут.

— Ой, врешь ведь. — Засмеялись бабы.

— Мы совсем уж близко были. Слышим, петухи кричат, коровы мычат, люди перекликаются. И тут напал такой туман, что все утонуло в нем. Так и потеряли мы и девку.

— Недостойным да неправедным душой не дается оно. А ты, Петрович, ты уж никак на праведника не похож.

— Вот нам и не далось. Стали мы обратно с Ванькой выбираться, чуть было не потопли... Еле-еле живы остались...

Петрович умолк, и грибники стали собираться к дому. Я лежал на траве, закинув руки за голову, разглядывая облака, и пытался представить сказочное село, по которой текут молочные и медовые реки и где все люди веселы и счастливы...

ПАСТУХ ВЕЛЕСОВ

...Скотина уже наелась и тоже лежала, задумчиво пережевывая жвачку. Налим уже подошел тем временем к готовности.

А со стороны Заречья, там, где сливались большая Шексна и малая речка невеличка Имая, вышло колхозное стадо, колхозные коровы и телята и тоже устроились на отдых. Я увидел Велесова, стоявшего с посохом в руках на обрыве. Он смотрел в мою сторону.

— Дядя Паша! — Закричал я, обрадовавшись. — Идите налима есть.

Велесов не заставил ждать. Остатками мельничной плотины он перешел на наш берег и присел у потухшего костра.

Запеченный в глине налим был великолепен.

— Молодец! — Похвалил Велесов. — Ловко ты его забагрил. Мне уже налимов руками не ловить — сноровка не та.

— А скажите, — ободренный похвалой спросил я. — Правда, ведь, что профессия пастуха лучшая на свете?

— Есть и другие замечательные профессии, — уклончиво отвечал Велесов, усмехаясь в бороду.

— Вот вы-то профессию пастуха из всех выбрали! — Не отступался я.

— Выбрал. — Отвечал односложно Велесов без всякого энтузиазма, видимо, его томили другие мысли.

— Я обязательно пастухом буду, как бы меня не отговаривали взрослые! — С жаром сказал я.

Велесов заулыбался в бороду.

— Пастух с древних пор — фигура в деревне важнейшая, Толя. Вслушайся в само слово: «Пасти...». Это значит — «спасать...». Вот ты охраняешь сейчас деревенское стадо: коз, овец, телят... А это значит, тебе доверили свои жизни деревенские жители, потому что они без скотины прожить не смогут... Вот

и выходит по пословице: «У пастуха вся деревня в долгу».

– Дядя Паша? А трудно быть пастухом?

– Да я бы не сказал, что простое это дело. Много всего знать надо. Не зря пастуха на сходке всем миром выбирают.

– И вас выбирали?

– И меня.

– Так вы же не местный. Вас и не знал никто.

– А это, друг мой, традиция такая: пастуха рядить пришлого, из чужих краев. Вот я тебе скажу так: на Новгородчине, к примеру, прежде ценились пастухи из Псковской или Витебской губерний, в Каргополье – пошехонцы из Ярославской губернии или ваганы из окрестностей реки Ваги Вологодской губернии. Считалось, что пришелец всегда сильнее своего пастуха.

– Как же так, пришлый, не знает здесь ничего, и сильнее?

Велесов пошевелил посохом остывающие в костре угли.

– Считали, что пастух должен обладать таинственной силой, магическими талантами, знаться с лесными и болотными духами, водяными и дворовыми, чтобы сохранить скотинку, от зверя рыс-кучего, гада ползучего, человека лихого...

А свой, местный – он весь на виду.

– А вы, дядя Паша, тоже заговоры знаете и с лешим водитесь? – Спросил я с трепетом.

– Этого я тебе не должен говорить, друг мой, – улыбнулся Велесов. – Иначе, какой я пастух. Вокруг пастуха должна быть тайна. Начну я ее всем рассказывать, и не станет во мне таинственной силы. Я могу ее только передать и только человеку, которому верю...

– Дядя Паша, я буду стараться, чтобы вы мне поверили... С жаром заговорил я.

– Хорошо. – Ласково заулыбался Велесов. – Придет время, все передам. Ничего не утаю.

...Пастуха в деревне уважали. В течение лета его по очереди кормили в деревенских домах и даже одевали, если была нужда. Считалось, что многие предметы, которыми пользовался пастух, обладали магической силой.

На поясе у дяди Паши висел берестяной рожок, в который он погудел, собирая коров.

— Этот рожок тоже волшебный? — Спросил я Велесова.

— Ну, не то чтобы волшебный. Но не простой. Он делается с особыми заклинаниями, внутри его помещается, огарок пасхальной свечи. На голос этого рожка коровы должны собираться, как по команде, а звери разбегаться прочь.

— А можно мне в рожок погудеть? — Приступился я к дяде Паше.

— Ну, погуди, коли желание есть.

Я бережно взял рожок, приложился губами к нему, и скоро над лугами, рекой и сельником родился густой волнующий звук. Коровы на том берегу подняли головы и внимательно посмотрели в нашу сторону.

— Достаточно, — остановил меня Велесов. — А то они сейчас пойдут на нашу сторону.

— А звери?

— А зверям мы тоже подали весть, что мы идем со стадом и им лучше держаться подальше.

— А посох у тебя, дядя Паша. — Он тоже магический.

Суковатый посох Велесова, отшлифованный руками, нес на себе загадочные знаки, насечки, прорези... И должно быть, они были на нем не случайны.

— Каждую весну пастух должен изготавливать для себя новый посох, — отвечал Велесов. — Прежде посох считали атрибутом колдунов и волхвов и он обладал волшебной силой.

— А что значат эти насечки?

— Ну, это просто. Они означают число коров, телят и прочей живности, которую я пасу. Считалось, что пастуху достаточно воткнуть такой посох в землю, произнеся особый заговор, и можно отдыхать весь день. Стадо будет под охраной магической силы пастушьего посоха.

— А пояс на вас, я слышал, тоже не простой.

— Считалось, что пояс у пастуха тоже имел магическую силу. Вот сейчас я распущу его, скажу заговор, и коровы разойдутся

по лугу. Вечером, затыну, коровы соберутся в стадо. Пояс пастуха по поверьям имел такую силу, что если на лесное пастбище выходил медведь или волк, то он вместо коров видел одни кочки да камни.

– Вот как! – Воскликнул я. – А кнут? Кнут-то обязательно должен быть волшебным!

– Кнут к каждому сезону пастух должен плести новый. После рядов пастух обходил деревню, в каждом доме давали ему прядь льна для плетения кнута. Такой кнут уже сам по себе обладал волшебной силой, собирая стадо. Порой это было единственное оружие, которое позволялось иметь пастуху.

– Дядя Паша! Мне кажется, что ты сам не особенно веришь в в магическую силу кнута и пояса? – выразил я сомнение.

– Как тебе, сказать, для того, чтобы все это было наполнено волшебной силой, нужно верить и жить этим. И я верю, но в большей степени я хранитель древних обрядов, традиций, знаний...

Он надолго задумался.

– Деревенский мир, друг мой, это космос. В ней такие пласты, такие глубины, что жизни не хватит постичь их... Все, что связано с преданиями, сказаниями, легендами – все это не просто сказки – в них наша история, история народа зашифрована... Это богатство беречь надо. Вот и я, как могу и сколько могу, берегу...

– А про Великое Село вы тоже знаете? Правда ли, есть такое, полное молока и меда? А про корову Земун расскажите? – обрадовался я.

– Это, друг мой, очень длинная история. Дня не хватит, что бы ее поведать, а скотина-то у нас, гляди, поднялась. Ты вот чего, дружок, попроси родителей, чтобы они тебя ко мне в ночное отпустили... Вот тогда и поговорим... – Поднялся Велесов.

ДВОРОВЫЕ

Часам к пяти вечера нужно было поднимать стадо и гнать его в деревню. Но козы, овцы и телята сами без команды пастуха, разворачивались по направлению к деревне. Домой! К хозяйкам, к теплomu, ароматному пойлу, которое готовилось в каждом доме к приходу скота.

И вот разномастная братия вступала через поскотину в деревню, где на угоре собиралось все женское население деревни.

– Маля-я! Маля-я! – Неслось по угору. – Милка-а, милка-а! Бяшки-бяшки, бяшеньки!

Козы в сопровождении козлят, шли полные достоинства, словно демонстрируя хозяйкам загруженные молоком вымена, овцы, бараны, ягнята растекались по проулкам и заулкам, и только телята, показывая независимость, не спешили домой, отыскивая под заборами травку погуще и послаще, дожидаясь, когда подойдет с Заречья взрослое стадо с мамками-коровами.

На нашем дворе помимо коровы Зорьки и бычка Капитона обитали невероятной вредности коза Маля с двумя козлятами, смиренная овца с ягнятами, поросенок-прожора, пяток гусей-сторожей, с десятков куриц с петухом будильником и безостановочно жующие траву, морковку, осиновые прутья – кролики... И вся эта дворовая братия хрюкающая, блеющая, мычащая, гогочущая и кукарекающая подчинялась строгой иерархии, во главе которой стояла корова- матуха... Зорька.

Вечером бабушка, подоив Зорьку и напоив меня парным молоком, принялась рассказывать свою коровью историю:

– Корова, милушко, это – женская доля. Женская. Вот так.

Бабушка поправила платок. Вздохнула.

– Корову звали матушкой, матухой. Помню, как замуж-то выходила, так как приехали к женихову дому, так перво-наперво,

не заходя в горницу, повели меня на двор к коровам. Свадебный каравай разломил, и стала я кормить с рук коровушек новой семьи. А уж после свадьбы одели на меня, как и всем замужним женщинам полагается, борушку такую – головной убор, навроде, как с рогами сшитый.

Да, милый. Корова и хозяйка-та будто бы они одним целым становились. Бывало так, нужно мужику подоить корову, жена, скажем, в отъезде, так тому нужно платок на голову одевать, иначе не дастся.

А как на пастбище-то выгонять после зимовки обходишь своих коров еще на дворе с иконкой, солонкой и творишь заговор:

«Две русицы, три русицы на теплое летушко, на красные деньки, тёмные ночки. Царь лесной, царь водяной, царь земной, спасите и сохраните мою скотинку. Егор-батюшко, Илья-пророк и Спас-Спаситель, спасите и сохраните мою скотину. Аминь».

После того выпускаешь корову через порог так, чтобы она перешагнула через иконку с гостинцем: в узелке хлеб, сахарный песок, чай завернуты. Это подношение лесовому.

Под кустик незаметно положишь: «Угощайся, батюшка, Лесовой, испей чайку-то нашего...»

А уж после отела нужно корову «поставить», чтобы та не ляглась при дойке.

Беру, милушко, ты мой, молоко на ладонь, протираю корове задние ноги с приговором: «...Как с места на место земля не шевелится, так бы и любимая Малинка с места не шевелилась... Стой горой, дой рекой, озеро сметаны, река молока...»

Или так:

«Стоит коровушка горою,
Бежит молочко рекою,
По пенью и по коренью,
И по светлому по каменью.
Так бы бежало у Малины молоко».

После отела корову, милко, окадывать надо: тлеющие угольки из печки на лопате вокруг коровы носить. А уж потом доить

садись.

Ну, а если, покупаешь корову, нужно ее правильно в дом ввести, чтобы ее принял хозяин двора — дворовой.

— Прими, батюшка, скотинку мою не по шерсти, по Божьей воле...

Иначе и хозяева намучаются и сама скотина: и болеть корова будет, и лягаться, и по ночам кричать...

В доме, милушко, домовый правил, а на дворе хозяин — дворовой.

Его тоже уважить надо. Молочка к ночи в плошку плеснуть.

— А ты его, бабушка видела, дворового-то?

Бабушка заулыбалась.

— Что ты, милушко, разве он покажется. Стеснительной он у нас. А вот слышала-то много раз. То вздохнет тяжело, то хихикнет, то строжить начнет: в бревно как торкнет, так весь двор и отзовется...

Да ты его не бойся, милушко, он у нас радимый...

— Да я его и не боюсь, бабушка вовсе. Я его уважать стану. Я ведь теперь пастух, а пастух со всеми духами лесными, речными, болотными, домовыми и дворовыми в согласии должен быть.

— Верно, голубок говоришь. — Обрадовалась бабушка. — А то все старопрежнее обсмеяли да обругали. Мол, темнота да серость деревенская. А я тебе послушай, что скажу.

Вот была у меня прежде корова, всем коровам корова. И вот как-то не вернулась она со стадом. Как я плакала, как слезами умывалась. Приду на двор, так белугой вою: «Как жить, чем деток кормить? Пропадем! Потом, слышу, и он тихонечко плачет, как дитя малое. Дворовой-то...

Звали ту мою коровушку Малиной. По три ведра доила, уж умница-разумница была. Выступала, словно, барыня. Голос — труба...

Я все леса и болота, луга и покосы обегала. Нету Малины.

Потом уж к бабке ясновидящей в соседнюю деревню помчалась. Та сразу мне и открыла. Говорит, на горях она, в круг попала. Кто-то на нее порчу напустил.

Возьми, говорит, святой воды, как найдешь, ее сердечную, сбрызни водицей, колдовство-то и спадет..

Вот какие чудеса бывали в прежние времена. Я бы сама не поверила, если бы не видела своими глазами.

Или вот жил у нас в Острове такой человек, глаз у него, говорят, был недобрый. Как-то молодые поехали на колхозном жеребце родню в Потеряеве проведать. А жеребец-то был такой: как пойдет махать, ровно огнем палит. Тот мужик-то и вышел, поглядел вслед – жеребец-то и обезножил, так еле-еле приплелся до нашего дому, в пене весь.

Послали за тятей моим, он только прошептал что-то в ухо жеребцу, как жеребец вздыбился и пошел на махах, едва молодых не вывалил.

Я вот все и думаю, что глупые мы были, у стариков ничего не переняли. А они многое знали, чего бы и нам, и внукам нашим сгодилось бы.

– Так нашла корову-то?

– А как же! Три дня она бедная в кругу ходила, кожа да кости остались. А как сбрызнула я ее водой, так замычала и пала без сил. Еле ее выходила. Вишь, кто-то позавидовал, уж больно удойная корова была, и наслал порчу.

А потом приезжает из области большие ученые, селекционеры, Обошли все колхозное стадо, все деревенское осмотрели, и выбрали мою Малину и говорит про Малину. Сам профессор Емельянов ее под свою опеку взял. Говорит, станем раздаивать, чтобы потом от нее потомство рекордисток получить.

– Вот с этой коровой я и буду работать. У нее перспективы большие. Она может замечательные молочные качества будущему стаду заложить.

А я тогда дояркой была на молочной ферме. Говорит, ты возьми ее со своего двора на колхозный двор, мы ей устроим отдельный кабинет и начнем раздаивать. Так моя Малина попала в науку.

А тут война. Ученого того на фронт взяли, а Малину снова в рядовые коровы зачислили. Не до рекордов, не до селекции.

И только спустя годы приехал ученый тот Селекционер обратно, нашел Малину и снова с ней работать стал. И, веришь ли, принесла моя Малина ему бычка. Он теперь на бычатнике у нас стоит и породу улучшает. Малинино потомство теперь по всей области славой гремит, милушко.